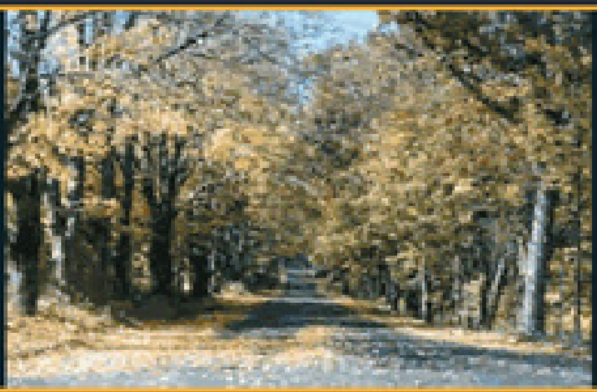
И. В. Кузнецов

НА СУДЬБУ Я НЕ В ОБИДЕ...



Флинта • Наука

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга профессора-фронтовика И.В. Кузнецова содержит воспоминания о пройденном им военном пути от Смоленска до Кенигсберга и от Кенигсберга до Порт-Артура, а также историю создания и развития журналистского образования в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Несомненный интерес представляют страницы книги о журналистском доуниверситетском образовании, о создании на филологическом факультете МГУ в 1947 году отделения журналистики, о первых выпускниках-журналистах, в числе которых был и автор издаваемой книги.

Для широкого круга читателей.

- Кузнецов Иван Васильевич
  - КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ
  - ОТ ПРУССКИХ ДО МАНЬЧЖУРСКИХ РЕК
    - НЕЖИДАННЫЙ УСПЕХ
    - «АХ, ЕСЛИ БЫ НЕГАТИВЫ…»
    - С АВТОМАТОМ – ВСЕГДА ВПЕРЕДИ!
    - АТАКИ У КУЛАГИНСКИХ ВЫСОТ
    - ВСТРЕЧА С ГЕНЕРАЛОМ БЕРЗАРИНЫМ
    - ИМЕННЫЕ ЧАСЫ
    - НЕЗАБЫВАЕМОЕ
    - ЧЕРЕЗ МАНЬЧЖУРСКИЕ СОПКИ
    - КИТАЕЦ С ПЕТУХОМ
    - «РУЗКИЙ КАПИТАНА И ОФИЦЕРА»
  - НАКОНЕЦ-ТО ЖУРНАЛИСТИКА
    - МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
    - ОТ ОТДЕЛЕНИЯ ДО ФАКУЛЬТЕТА
    - ПЯТЬ ПОЧЕТНЫХ ВЫПУСКНИКОВ
    - НАШИ КОЛЛЕГИ И УЧИТЕЛЯ
    - КАФЕДРА В ЛИЦАХ
    - ПОЛВЕКА НА ПОСТУ ДЕКАНА
    - НЕМАЛО ТАЛАНТЛИВЫХ НА КАЖДОМ КУРСЕ
    - ШАХМАТЫ, ШАХМАТЫ…
    - ПЕРВЫЕ ЗАСЛУЖЕННЫЕ ПРОФЕССОРА
    - УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УРОК МАСТЕРСТВА
    - САМЫЕ НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ
    - КАЖДАЯ ПОЕЗДКА НА ФАКУЛЬТЕТ – БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ
  - ИЗ КНИГ О ФАКУЛЬТЕТЕ
    - НАШ ПЕРВЫЙ ДЕКАН

        - ГЛАВНОЕ – ОТЛИЧИЕ В ЖИЗНИ
        - ОДНОКУРСНИК И КОЛЛЕГА
        - ОТ СТУДЕНТА ДО ДОЦЕНТА
        - НАШ ПЕРВЫЙ, НЕЗАБЫВАЕМЫЙ
        - ДОУНИВЕРСИТЕТСКОЕ ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПЕРВЫЕ «ШКОЛЫ ЖУРНАЛИЗМА»
        - ИНСТИТУТ КРАСНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ
        - ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЖУРНАЛИСТИКИ
    - ИЗ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВ ПО ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ
        - ОТ УЕЗДНОЙ ДО РАЙОННОЙ
        - ВО ИМЯ РОССИИ
    - НЕ ТОЛЬКО СИЛОЙ ОРУЖИЯ
        -
        - ИЗДАВАЛСЯ ДАЖЕ НА ЯЗЫКЕ ЭСПЕРАНТО
    - ИЗ СТИХОТВОРНЫХ ТЕТРАДЕЙ
        - СТРАНИЧКА ИЗ ШКОЛЬНОЙ ТЕТРАДИ
        - ФРОНТОВАЯ СТРАНИЧКА
        - ИЗ ТЕТРАДИ «ЗА РУБЕЖОМ»
        - СТРАНИЧКА ИЗ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ
        - ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ТЕТРАДИ
    - НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
        - МОНОГРАФИИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ, СБОРНИКИ
        - ЖУРНАЛЬНЫЕ И ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60

- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104

- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134

Кузнецов Иван Васильевич
На судьбу я не в обиде…

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Родился 7 января 1924 г. в деревне Коурчиха Шарьинского района Костромской области. Участник Великой Отечественной войны. Воевал на Западном, 3-м Белорусском и Забайкальском фронтах, участник штурма Кенигсберга, войну закончил в Порт-Артуре. В **1947** г. поступил, а в **1952** г. закончил отделение журналистики филологического факультета МГУ. Квалификация: литературный работник газеты, научный работник в области филологических наук, преподаватель вуза.

Ректор МГУ академик В.А. Садовничий вручает диплом заслуженного профессора

Кандидат исторических наук (1955), доктор исторических наук (1970). Профессор (1972), заслуженный профессор Московского университета (1997).

Заведующий кафедрой истории отечественных средств массовой информации факультета журналистики (1985–2008).

Участник Великой Отечественной войны.

Награжден орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» и др. Награжден Почетной грамотой Верховного Совета РСФСР (1980).

Область научных интересов: кандидатскую диссертацию защитил по истории большевистской печати в годы Первой мировой войны (1955), докторскую – по истории большевистской печати Москвы (1968).

Опубликовал более 150 книг, брошюр, учебных пособий, статей по истории отечественных средств массовой информации

и публицистики, в том числе учебное пособие «История отечественной журналистики (1917–2000)» с грифом Министерства образования Российской Федерации (несколько раз переиздавалось, 4-е издание – в 2009 г.), двухтомник по московской большевистской (1968) и советской (1980) печати (в соавторстве с А.В. Шумаковым), двухтомник «Газетный мир Советского Союза» о центральной (1972), республиканских, краевых и областных газетах (1976) в соавторстве с Е.М. Фингеритом, «Публицистика русского зарубежья» в соавторстве с Е.В. Зелениной (1999); один из авторов учебника «Большевистская печать. Краткие очерки истории» (1962), книг «Москва за 50 лет Советской власти» (1968), «Многонациональная советская журналистика (1975), «Рабочая книга редактора районной газеты» (1988), «От книги до интернета. Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия» (2000), «Триста лет отечественной журналистики. 1702–2002» (2002) в соавторстве с Б.И. Есиным, «Журналисты XX века. Люди и судьбы» (2002) в соавторстве, «Три века московской журналистики» в соавторстве с Б.И. Есиным, «Газетный мир Московсого университета» в соавторстве с О.Д. Минаевой (2005) и др.

Подготовил свыше 35 кандидатов и пять докторов наук.

Из книг: Профессора Московского университета: Библиографический словарь. Т. 1. Изд-во МГУ, 2005. С. 680–681; *Чернобаев А.Л.* История России: Кто есть кто в изучении отечественной истории: Библиографический словарь. 2-е изд. Издательский центр Саратовского государственного социально-экономического университета; Летопись, 2000. С. 274.

ОТ ПРУССКИХ ДО МАНЬЧЖУРСКИХ РЕК

НЕЖИДАННЫЙ УСПЕХ

Самым дорогим для меня фильмом была и остается кинокомедия «Волга-Волга». И не только потому, что она одна из лучших в советском кинематографе, но и по сугубо личным мотивам. Всесоюзная олимпиада 1938 г., которой посвящен фильм, сыграла немаловажную роль в моей судьбе, в выборе журналистской профессии.

Нас, учеников сельской школы Горьковской области, в Москву телеграммой, естественно, не вызывали, но участие во Всесоюзном смотре художественной самодеятельности мы принимали самое активное. Помню, как мы, шестиклассники, готовясь к смотру, лихо отбивали чечетку, рисовали Чапаева, на боевом коне и с шашкой, сочиняли, как нам казалось, рассказы и стихотворения.

Что-то стихотворное решил сочинить и я. О чем? Помню свои долгие и бесплодные раздумья. Вдруг осенило: что, если рассказать, будто приснилось, что я на границе задержал диверсанта? И вот появились первые строчки:

Ах, какой замечательный сон,
Ну и сон замечательный был…

А дальше – граница, диверсант, которого я задержал, и уверенная концовка:

Буду так же я бить всех врагов
Не во сне, а уже наяву.

За это выступление удостоен был поездки на районный смотр, где, к неописуемой радости, мне присудили первую премию, выдали бесплатную путевку в детский санаторий на Волге под Нижним Новгородом, а написанное поместили в районной газете под названием «Сон».

После такого неожиданного успеха сотрудничество в районной «Шарьинской коммуне» вплоть до войны стало почти постоянным.

«АХ, ЕСЛИ БЫ НЕГАТИВЫ…»

22 июня. Мы с отцом в таком солнечном лесу, что, казалось, безоблачной будет вся жизнь. Но спустя год, в сентябре 1942, отца не стало». А тот день за далью лет не померк, хотя за прошедшие шестьдесят с лишним лет пережито было немало. Домой вернулись поздно. И вдруг: «Если бы вы знали, что случилось», – это промолвила встретившая нас сестра. «Неужели негативы разбила?», – только и спросил, не представляя ничего более ужасного: фотографировать я только-только учился и каждый негатив был особенно дорог.

«Ах, если бы негативы», – услышали в ответ.

«Ах, если бы негативы», – повторял я потом много, много раз.

От нее-то и узнали, что началась война.

С АВТОМАТОМ – ВСЕГДА ВПЕРЕДИ!

Хоть в разлуке мы четыре года,
А как будто не видались век,
Кажется, всю жизнь провел в походах
Я от прусских до маньчжурских рек.

Из «Письма матери»

Действительно мои фронтовые пути-дороги пролегли через Смоленск, Витебск, Вильнюс, Кенигсберг, позднее – Монголию и Манчжурию до Желтого моря, до Порт-Артура.

Призвали меня в августе 1942 г. Сначала был в военных лагерях под Костромой, затем в полковой школе под Кировом. В звании сержанта в метельную февральскую ночь 1943 г. выехали из Кирова на фронт. На небольшой станции за Торопцом высадили. Вечереет. Прибывших быстро определяют по частям: кого в минометчики, кого в саперы. Пока решал, куда пойти, все мои друзья направились в автоматчики. Уговорили и меня – с автоматом – всегда впереди!

Так я попал в батальон автоматчиков 124-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады.

Первая ночь вблизи фронта в полуразрушенном сарайчике запомнилась особенно.

АТАКИ У КУЛАГИНСКИХ ВЫСОТ

Нам вспомнятся в любую годовщину
Река Царевич, сорок третий год,
Смертельные бои за Духовщину,
Атаки у Кулагинских высот,

Именно эти высоты и река Царевич нас, прибывших на фронт одним эшелоном, разделили на живых и мертвых. У этих высот бои были особенно тяжелыми. Член Военного Совета нашей 39-й армии генерал В.Р. Бойко вспоминает: «С 17 августа начались упорные бои на правом берегу реки Царевич. Гитлеровцы упорно цеплялись за нее, как за ключевую позицию, прикрывавшую Духовщину. Сама по себе маленькая речонка не могла быть серьезным препятствием для наступающих войск. Больших усилий требовало преодоление широкой, до 1000–1200 метров, заболоченной поймы, в которой застревали тяжелые орудия и танки. Противник, имея траншеи на высоком берегу Царевича, держал под обстрелом каждую пядь поймы» *(Бойко В.Р.* С думой о Родине». Воениздат, 1982. С. 98).

Через тридцать лет, пишет генерал, ему довелось снова побывать в этих местах. «Хрустально чистая вода, – читаем в книге, – текла в извилистых берегах Царевича. Все было хорошо, но я повторял и повторял про себя слова поэта-смолянина Николая Рыленкова:

А рядом поле то,
Что кровью полито.
Где ком земли сырой
Дороже золота…» (Там же)

Поле это полито кровью и моих друзей. И хоть 39-я армия проявила подлинный героизм, полностью выполнить поставленную задачу не удалось. Не удалось взять сходу и Кулагинские высоты. Погибших в бригаде было много. Пал смертью храбрых и наш комбриг полковник Асланов.

После взятия Смоленска, преследуя противника, подошли к Витебску. Бои за город начались в июне. Но перед этими сражениями многое изменилось в моей фронтовой судьбе.

ВСТРЕЧА С ГЕНЕРАЛОМ БЕРЗАРИНЫМ

Перед витебской операцией наша бригада была расформирована. Некоторые из уцелевших, в том числе и я, попали в роту охраны 39-й армии. Оказалось, что в этой роте числились также члены армейского ансамбля. Не удержался, написал ддя ансамбля несколько песен и вскоре был включен в его коллектив. С конца 1944 г. участвовал в подготовке всех программ ансамбля: «И к нам на фронт пришла весна», «Грянем дружно победную песню», «Здравствуй, славный Порт-Артур» и др.

Однажды ансамбль пригласили с концертом на встречу командования армии с делегацией из подмосковной Балашихи. Они были нашими постоянными шефами, так как командующий армией генерал Берзарин являлся их земляком. Во время концерта прочитал тут же написанное приветствие членам делегации. За ужином генерал Берзарин вдруг усадил меня рядом, стал расспрашивать откуда я и давно ли пишу стихи, а потом пообещал: «Кончится война, заберу тебя в Балашиху, в Москву, ты должен учиться». Навсегда запомнились мне эти слова. И не только слова, но и задушевный тон и даже то, как по-отцовски он обнял меня на прощание сильной рукой.

Месяца через два Николая Эрастовича Берзарина назначили командующим 5-й ударной армии. В майские дни 1945 г. он стал первым советским комендантом Берлина. О его трагической гибели я узнал, уже находясь в Монголии.

Учиться в Москве я все-таки стал, поступив в 1947 г. на филологический факультет МГУ.

ИМЕННЫЕ ЧАСЫ

Весной 1944 г. наша армейская газета «Сын Родины» объявила конкурс на лучший рассказ, очерк, стихотворение, рисунок, карикатуру. Я тогда уже писал кое-что для армейского ансамбля и тоже решил включиться в поэтическое состязание. Дома у меня осталась малолетняя сестренка. Осенило: а если бы это была дочь, которая за время войны подросла, пошла в школу и написала мне письмо. Стихотворение под названием «Письмо» быстро было написано и отправлено в газету.

В книге «С думой о Родине» член Военного Совета Армии генерал В.Р. Бойко вспоминает: «У меня в памяти закрепился один солнечный день мая тысяча девятьсот сорок четвертого года. Он напоминает мне, что ни суровая обстановка, ни постоянная опасность не могли заглушить на фронте душевные переживания воинов, обеднить их чувства.

КП армии располагался в овраге под Лучиновкой. Когда была возможность, мы с командармом выделяли, обычно в обеденное время, несколько минут, чтобы прогуляться по лесной тропинке, обмениваясь разной информацией.

В тот раз мы заметили на пригорке группу штабных офицеров и подошли к ним. Один из офицеров держал в руке газету, видимо, что-то читал вслух и комментировал.

– О чем беседа? – спросил его Берзарин, когда мы поздоровались.

– Ведем разные разговоры, товарищ командующий, – неопределенно ответил офицер.

Но сразу же выяснилось, что предметом оживленной беседы было лирическое стихотворение, опубликованное в армейской газете еще в апреле. По раскрасневшимся лицам было нетрудно заметить, что оно вызвало у офицеров эмоции, далекие от фронтовой обстановки. Потому-то номер газеты двухнедельной давности продолжал ходить по рукам.

По времени этот эпизод совпал с завершением при редакции нашей газеты конкурса на лучший рассказ, очерк, стихотворение, рисунок, карикатуру. Военный Совет наградил именными часами лейтенанта А. Кирсанова за «Балладу о семи героях», старшего сержанта И. Кузнецова за стихотворение «Письмо», рядового В. Рогаля (впоследствии заслуженного художника РСФСР) за серию портретов гвардейцев – кавалеров орденов Славы; несколько участников конкурса были отмечены денежными премиями. В жюри конкурса поступило много стихов – больше сотни. Тяга к поэтическому творчеству, видимо, отвечала тогда душевному

настроению воинов; но в этом сказывалось и влияние Александра Твардовского, тогдашнего специального корреспондента газеты нашего фронта “Красноармейская правда”» (Бойко В.Р. С думой о Родине. М: Воениздат, – С. 150–152).

Стихотворение «Письмо» – первая моя публикация в армейской газете. Потом я уже неоднократно бывал в редакции, где обещали нас познакомить с самим Александром Трифоновичем. К сожалению, такая встреча не состоялась.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Май 1945-го. Восточная Пруссия. Эстрадный ансамбль 39-й армии готовит очередную программу «К нам на фронт пришла весна». Работаю над текстом музыкально-литературной композиции «Победа». Почти без правки записываю строки:

Светлый радостный май, ты явился ко мне
В первый раз в незнакомой чужой стороне.
Непривычно кругом черепица пестрит,
А душа от великой победы горит!

Одержаны поистине великие победы: повержены Тильзит, Инстербург, Кенигсберг! Спустя и почти 65 лет с душевым волнением вспоминаю все это.

В ансамбль я попал в 1944 г. И с тех пор принимал участие в подготовке всех программ ансамбля, писал стихотворные тексты, песни об армии и ее героях. Многие программы открывались песней о нашей 39-й армии, исполнявшейся всегда с большим воодушевлением:

Взвейся над ротами песня крылатая,
Да пролети над простором полей!
Крепни любимая, тридцать девятая,
Армия воинов-богатырей!

Вспоминаются некоторые любопытные эпизоды из деятельности ансамбля. Мы стремились выступать под девизом «Только у нас!» – свои тексты, своя музыка, свое необычное исполнение отдельных номеров. Так, одна из программ открывалась песней на слова В.И. Лебедева-Кумача «Кто сказал, что надо бросить песни на войне!». И вот, руководитель ансамбля перед началом концерта сажал среди бойцов басовитого шофера, который сразу же после нашего выхода на сцену поднимался и невозмутимо, громко произносил:

Не время песни распевать
В такой тяжелый час,
Когда свободу защищать
Зовет Отчизна нас!
Когда сраженья день за днем,
Когда из боя – в бой!

Фашистов полчища добьем,
Тогда – вопрос другой.

После чего мы все наперебой спрашивали: «Кто! Кто! Кто сказал, что надо бросить песни на войне!» И задорно и дружно начинали петь:

После боя сердце просит
Музыки вдвойне.

Исполняли песню на особом подъеме. Однажды такое начало концерта закончилось комично: на бедного шофера так зашикали, так энергично стали его урезонивать, что нашему руководителю пришлось под общий смех объясняться со зрителями.

Девятого апреля, за месяц до Победы, был взят Кенигсберг – цитадель фашистов в Восточной Пруссии. Удивительно: прошли всю Пруссию и не увидели ни единого немца – все укрылись за мощными фортами Кенигсберга. Зато когда Кенигсберг был взят, все дороги заполонили не только немцы, но и находившиеся у них в неволе поляки, французы и, конечно, русские, украинцы, белорусы. Никогда не забудутся эти дни, дни освобождения советских людей от фашистской каторги.

Не забудутся слезы радости спасшихся от неминуемой смерти, их страшные рассказы об изуверствах фашистов.

ЧЕРЕЗ МАНЬЧЖУРСКИЕ СОПКИ

С разгромом фашистской Германии ддя нашей 39-й армии война не закончилась: предстояло еще принять участие в разгроме милитаристской Японии. И вот мы едем на Восток. Стояла удивительно солнечная погода, на каждой, даже небольшой станции, эшелон окружали толпы безмерно счастливых людей. А мы ехали дальше и дальше, и все грандиознее представал перед нами образ ликующей России.

Запомнилась и Монголия, ее бескрайние знойные степи, яркие национальные праздники, на которые нас приглашали монгольские друзья, щедро угощая кумысом.

Наконец наступил день штурма Большого Хингана. Маньчжурские сопки запечатлелись особенно. Их безжизненные скалистые вершины напоминали пейзажи из астрономических книг выжженного солнцем Меркурия, перейти которые не представлялось возможным. В книге «Большой Хинган – Порт-Артур» генерал В.Р. Бойко замечает: «Вспоминая о форсировании Хинганского хребта, не могу не сказать, что этот подвиг советских воинов еще не нашел нужного отражения в советской литературе и искусстве. Уверен, что к нему мастера искусства еще будут возвращаться, как в наши дни возвращаются к альпийскому походу А.В. Суворова.

Наш армейский поэт И.В. Кузнецов в дни штурма хребта написал стихотворение, в котором есть такие строки:

Взметнулись сопки без конца,
Горбами небо подпирая,
Ни кустика, ни деревца
Нигде – от края и до края.
И взглядом по хребтам скользя,
Вели мы тихо разговоры:
"Любую крепость легче взять,
Чем перейти такие горы".

Горы 39-я перешла. Не было такой преграды, которая могла бы остановить ее боевой порыв и предотвратить разгром Квантунской армии. Эта мысль была положена в основу литературно-музыкального монтажа, подготовленного ансамблем песни и пляски армии по стихам И.В. Кузнецова. Как и стихи, он имел большой успех у солдат и офицеров» *(Бойко В.Р.* Большой Хинган – Порт-Артур. М: Воениздат, 1990. С. 84–85).

КИТАЕЦ С ПЕТУХОМ

После того как Большой Хинган остался позади, путь на Порт-Артур продолжали на поезде. Ехали на открытой платформе. Незабываемая дорога! По обе стороны железнодорожного полотна толпы ликующих китайцев с поднятым кверху большим пальцем и бесконечными радостными восклицаниями «Шанго!», звучавшими и по-русски – «Холосо!». Было отчего радоваться китайскому народу.

Запомнился такой эпизод. На одной из станций подошел к нашему вагону в каком-то тряпье совершенно изможденный китаец. Мы, не сговариваясь, дали ему знак подойти поближе. И тут же – белье, простыни, одеяло оказались в его руках. Китаец что-то стал быстро-быстро говорить и, сделав глубокий поклон, вдруг пустился бежать, прижимая к груди все, что ему дали. Вот он затерялся среди фанз, а мы все еще гадали, почему он так поспешно и так стремительно убежал. Вскоре, однако, все прояснилось. Неожиданно мы снова увидели этого китайца, еще стремительнее мчавшегося к нашему поезду с большой корзиной в руках. Состав начал уже трогаться, когда он наконец протянул нам эту корзину с живым петухом! «Ваня, (китайцев мы всех почему-то звали Ваня), – дружно закричали мы, – петух в хозяйстве еще пригодится!» – и возвратили ему корзину не только с петухом, но и еще с какими-то вещами. Потрясенный китаец, пока мы могли его видеть, стоял и кланялся, прижимая к груди корзину.

«РУЗКИЙ КАПИТАНА И ОФИЦЕРА»

С этих слов начинались висевшие на отдельных домах в Порт-Артуре приглашения. В этих приглашениях непременно говорилось: «Угощай бесплатна». Я лично ни один из таких домов не посетил, а вот в парикмахерских пришлось не раз наблюдать любопытные сцены. Однажды, едва мы вошли в парикмахерскую, китаец ловко, буквально вырвал из кресла наполовину постриженного клиента, любезно обратившись к нам: «Садись, капитана!» Мы сделали знак, чтобы он закончил стрижку, но все было бесполезно. «Его подождет», – непреклонно звучало в ответ.

Конечно, Порт-Артур запомнился, главным образом, не этим. К осени 1945 г. вышла книга А. Степанова «Порт-Артур», которую мы не просто читали, а изучали по ее страницам историю героической обороны города, часто посещая Электрический утес, могилу генерала Кондратенко и другие места, освященные мужеством русских солдат и матросов. Не раз посетили мы и Перепелиную гору, возвышающуюся над всем городом и бухтой. На ней высится памятник самураям: высоченная и толстостенная башня, воздвигнутая на металлических останках русских кораблей. Внутри нее винтовая лестница, а на самом верху балкон для кругового обозрения. «На внутренних стенах башни, – читаем в очерке А. Канторовича “На сопках Манчжурии", – точно так же, как в рейхстаге, оставлены бесчисленные росписи солдат. Когда они успели появиться – тысячи гордых и насмешливых по адресу самураев автографов? А лестница крута, стены высоки. Как это влез он так высоко, удивляемся мы, читая подпись: «Мы победили! Сержант Кузнецов».

Порт-Артур. С капитаном Латышевым у здания политотдела 39-й армии. Май 1946 г.

Рядом с сержантом Кузнецовым «отметился» другой: «Берлин – Порт-Артур. Лейтенант Веселов». Лихо и, главное, точно расписался Веселов! И тут же: «Россия вечна! Красноармеец Пастухов» *(Канторович А.* На сопках Манчжурии // Журналисты на войне. Кн. вторая. М.: Воениздат, 1974. С. 366). Да, есть на стенах башни и мой автограф, а писали высоко, как образно заметил Маяковский, «держа и вздымая друг друга».

Особенно впечатляло посещение русского кладбища в Порт-Артуре. Изумляла идеальная ухоженность каждой могилы. Сторожем кладбища десятки лет был полковник царской армии, с почестями отправленный в 1945 г. в Москву.

НАКОНЕЦ-ТО ЖУРНАЛИСТИКА

МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

В Порт-Артуре меня взяли в армейскую газету «Во славу Родины». Сначала работал корректором, потом все чаще и чаще стал выступать со стихами и даже рассказами. День ото дня все настойчивее становилось желание стать журналистом.

За кормой – Порт-Артур. Плывем на Родину, во Владивосток. 28.04.1947

Демобилизовавшись в 1947 г., проплыв от Порт-Артура Желтым и Японским морями мимо запомнившихся с детства Цусимских островов до Владивостока, проехав всю Россию, прибыл на родную Ветлугу. Мои школьные товарищи были уже студентами: учились в Костромском учительском институте. С важным видом они говорили о сессиях, лекциях, зачетах – и все это казалось мне таким недосягаемым… Но однажды, наслушавшись их рассказов об институте, я огорошил их, заявив, что поеду учиться в Москву и не куда-нибудь, а в Московский университет. Помню, как они уставились на меня и в один голос сказали: «Уж не думаешь ли ты туда поступить?» От них-то и узнал: в МГУ такой конкурс, что и мечтать попасть туда нечего. Хотя они и охладили изрядно мой пыл, но я тут же засел за учебники. Убедившись, что еще кое-что помню, рискнул направить документы в МГУ.

И произошло то, о чем я никогда не думал и не мечтал: видимо, учитывая, что я закончил школу с золотым аттестатом, через несколько недель мне сообщили, что я принят на филологический факультет МГУ без экзаменов! Если сказать, что

моей радости не было предела, это все равно, что ничего не сказать. У меня не было слов, мне хотелось летать! И я помчался в Москву, в МГУ.

Здесь ждала двойная радость: мало того, что стал студентом университета, так еще на филфаке открыли отделение журналистики. Журналистское отделение отличалось тем, что почти все мы были фронтовиками, многие носили военную форму не только на первом, но даже на втором и третьем курсах. С невероятным азартом приступили мы к занятиям, с особым старанием записывая каждую лекцию Т.Н. Антропова, Е.С. Ухалова, А.Л. Мишуриса, И.А. Портянкина, М.С. Черепахова, КА. Ковалевского. Мы были первыми студентами, слушавшими лекции по американской литературе Я.Н. Засурского, ставшего потом на многие десятилетия бессменным деканом факультета журналистики. Мы были вообще первыми студентами-журналистами в МГУ!

ОТ ОТДЕЛЕНИЯ ДО ФАКУЛЬТЕТА

На отделении журналистики филологического факультета было всего сорок студентов. Руководил отделением доцент Тимофей Иванович Антропов, имевший богатый журналистский опыт: в годы Великой Отечественной войны редактировал несколько фронтовых газет, затем республиканскую «Советскую Латвию».

Учились мы, справедливо можно сказать, с небывалым энтузиазмом, упорством, стремясь во всем быть первыми, даже на вечерах художественной самодеятельности. На первом же курсе под руководством Алексея Аджубея сочинили свой журналистский гимн, которым начинали все наши выступления. Быстро-быстро собирались у рояля в Коммунистической (бывшей Богословской, теперь Большой Академической аудитории) и незамедлительно под музыку нашего однокурсника Михаила Озерского задорно запевали:

Пролетела сессия,
Нам сегодня весело,
Позубрили много мы вдвоем.
Двадцать дней с охотою
Будем мы пехотою,
А потом на практику пойдем.

Слова сочиняли всем отделением. В порыве веселья появились и такие строки:

Мы невест сосватаем
В Горьком и Саратове,
Много свадеб ждет нас впереди,
Журналистским почерком
Пару сотен очерков
Мы, друзья, за лето создадим!

Очерки и даже фельетоны были, свадьбы тоже. Но всего больше запомнилось нам распределение. Многие из нас еще студентами побывали на практике в центральных газетах: «Правде», «Комсомольской правде», «Известиях», «Литературной газете», а направили нас в самые отдаленные регионы страны. По этому поводу, в подражание только что вышедшему на экраны

фильму «Свадьба с приданым», появились свои задорные куплеты:

Пусть у всех уж постепенно
Улеглось волнение,
Спеть должны мы непременно
Про распределение,

Как-то раз для объяснения
Захожу я в деканат,
Подпишите назначение
На Камчатку, говорят,

Хоть поехали с желанием
Мы в любые города,
Но такие расстояния
Нам не снились никогда.

Будет вся печать отныне
Уж на должной высоте
На Камчатке, Сахалине,
В Барнауле и Чите.

Именно в эти, самые отдаленные города, ехать все охотно и соглашались. Я изъявил желание работать в Хабаровске, но этого не произошло. В редакцию журнала «Вестник Московского университета» потребовался литературный редактор. Все от этого предложения категорически отказывались. Тогда решили просто назначить кого-нибудь в обязательном порядке из числа выпускников-коммунистов. Меня вызывали трижды, когда и в третий раз отказался, сказали: либо в «Вестник», либо партийный билет на стол! Пришлось согласиться. Однако литературным редактором проработал недолго: некоторым, успешно закончившим отделение журналистики, разрешили сдавать экзамены в аспирантуру. Я тоже решил продолжить образование в заочной аспирантуре.

По итогам экзаменов неожиданно приняли в очную. И вот уже более шестидесяти лет вся моя жизнь связана со ставшим для меня родным факультетом журналистики.

ПЯТЬ ПОЧЕТНЫХ ВЫПУСКНИКОВ

Надо сказать, что первые выпускники – журналисты МГУ в дальнейшем достойно проявили себя: видными журналистами-международниками стали Май Подключников, Олег Власов, Владимир Острогорский, Михаил Петушков, Владимир Парамонов. Многие годы успешно работали в «Известиях» Елена Иванова и Римма Озерская (Мирлусова), в «Пионерской правде» Клавдия Брунова, в журнале «Огонек» Александр Щербаков. Рада Аджубей (Хрущева) многие десятилетия была заместителем главного редактора журнала «Наука и жизнь».

Некоторые из моих однокурсников удостоены диплома Почетный выпускник факультета журналистики Московского университета. Первым такой диплом получил Алексей Аджубей, а в 2008 г. еще четверо его сокурсников – заслуженные профессора Московского университета Виктория Ученова и я, а также Рада Аджубей (Хрущева) и Римма Озерская (Мирлусова) удостоились дипломов Заслуженного выпускника факультета журналистики МГУ.

О Виктории Ученовой среди студентов бытовало немало рассказов о том, что она, наверное, единственная на курсе, прочитала от корки до корки «Капитал» Маркса и выучила наизусть роман в стихах «Евгений Онегин» Пушкина. К этому следует еще добавить, что Виктория Васильевна является автором более 20 монографий, учебных пособий и других научных трудов. Можно перечислять труды и других, удостоенных звания Почетного выпускника факультета журналистики. Рада Никитична, например, являясь заместителем главного редактора журнала «Наука и жизнь», курировала такие области знания, как биология, медицина, сельское хозяйство, наука о Земле, поэтому кроме журналистского закончила еще и биологический факультет МГУ.

В 1952 г. состоялся первый и единственный выпуск студентов отделения журналистики филологического факультета МГУ. В этой связи журнал «Вестник Московского университета» сообщал, что многие выпускники-журналисты успешно защитили дипломные сочинения по истории отечественной печати, представляющие определенную ценность как учебные пособия по журналистике. В журнале сообщались подробные сведения не только о дипломных работах, но и об их авторах. Любопытно, например, прочитать о том, что А.И. Аджубей, ставший в дальнейшем одним из видных советских журналистов, в своем дипломе о большевистской газете «Волна» **(1906)** дал правильную

характеристику обстановки в стране после поражения Декабрьского вооруженного восстания, отметив важную роль газеты, оказавшейся во главе освободительного движения в России в тот исторический период. С большим интересом узнаем и о том, что заслуженный профессор факультета журналистики, полвека проработавшая на факультете Виктория Васильевна Ученова, свое дипломное сочинение посвятила деятельности газеты «Социал-Демократ» в годы реакции, что «…ее работа является ценным вкладом в исследование истории большевистской печати»[1].

В 1952 г. распоряжением Совета Министров СССР на базе отделения журналистики филологического факультета МГУ и редакционно-издательского отделения Московского полиграфического института был создан факультет журналистики МГУ.

НАШИ КОЛЛЕГИ И УЧИТЕЛЯ

На факультете в год его создания было всего три кафедры: истории, теории и практики советской печати (заведующий – доцент Евгений Лазаревич Худяков (он же был и деканом факультета), истории русской журналистики и литературы (заведующий – доцент Ефим Степанович Ухалов) и редакционно-издательского дела, стилистики русского языка (заведующий – профессор Константин Иакинфович Былинский).

Дипломные работы и кандидатские диссертации по истории большевистской и советской журналистики в 1952–1963 гг. защищались в основном под руководством А.Л. Мишуриса и И.А. Портянкина.

Особое внимание большевистской и советской печати определило характер научной работы первого десятилетия обучения журналистов в МГУ. Еще до 1963 г. появились первые научные труды о большевистской печати Т.И. Антропова о газете «Правда», А.Л. Мишуриса о революционной прессе Балтики и большевистской военной печати 1905–1907 гг., И.А. Портянкина о газете «Искра» и редакторской деятельности В.И. Ленина. Под редакцией Е.Л. Худякова, АЛ. Мишуриса и И.А. Портянкина выходили содержательные сборники статей по истории большевистской дооктябрьской печати, в которых кроме статей преподавателей СИ. Жукова, СИ. Стыкалина, РА. Ивановой, В.Д. Пельта публиковались статьи аспирантов Б.Ц. Дондокова, А.Н. Захарова, студентов В.Ф. Бойко, И.С Бондаревой, В.С. Герасимова, В.В. Дурнова, Т.С Яковлевой и др. Примечательно, что все статьи, как правило, рекомендовались в качестве учебных пособий для студентов.

В 1962 г. появился первый фундаментальный труд по истории большевистской печати профессора И.А. Портянкина при моем участии, а также АК. Белкова и Б.П. Веревкина – «Большевистская печать. Краткие очерки истории. 1894–1917 гг.», ставший на многие годы основным учебником для студентов.

Чуть раньше (в 1959) вышло наше с А.Л. Мишурисом учебно-методическое пособие «История партийной и советской журналистики», выдержавшее до 1979 г. шесть изданий и также ставшее учебным пособием по одной из важнейших журналистских дисциплин.

В 1963–1978 гг. кафедрой заведовали профессора И.А. Портянкин и А.Л. Мишурис. При них развернулась довольно интенсивная издательская деятельность по выпуску необходимых для студентов всех факультетов и отделений журналистики

страны учебных пособий и монографий. Среди них можно назвать книгу А.Л. Мишуриса «Пресса, рожденная Октябрем» (1968), наш с А.В. Шумаковым двухтомник – «Большевистская печать Москвы» (1968) и «Партийно-советская печать Москвы» (1980), книги Р.П. Овсепяна «Многонациональная печать большевиков» (1972), Р.А. Ивановой «Партийно-советская печать в годы развернутого строительства социализма. 1937 – июнь 1941» (1977), С.А. Андронова «Большевистская печать в трех революциях» (1978), В.Д. Пельта «Предвоенная советская печать» (1964), СИ. Стыкалина и И.К. Кременской «Советская сатирическая печать. 1917–1963» (1963), В.В. Ученовой «Партийно-советская печать восстановительного периода» (1964), Н.А Брылякова «Российское телеграфное…» (1976), наш с Е.М. Фингеритом двухтомник «Газетный мир Советского Союза»: том первый – центральные газеты (1972), том второй – республиканские, краевые, областные и окружные газеты (1976).

Особенно следует выделить изданную в эти годы книгу «Многонациональная советская журналистика» (1975) – первое и пока единственное исследование истории всей многонациональной советской прессы. Группа ученых-историков предприняла попытку всесторонне проанализировать процесс возникновения и развития печати всех национальных республик Советского Союза. Авторами стали: по Федерации Украины – ВА. Рубан, Белоруссии – Г.В. Булацкий, Узбекистана – Т.Э. Эрназаров, Казахстана – С.С. Матвиенко, Грузии – Т.Л. Аршба, Азербайджана – ША. Гусейнов, Литвы – СМ. Макаускас, Молдавии – В.С. Клобуцкий, Латвии – И.Я. Ивер, Киргизии – Т. Мамбетсариев, Таджикистана – В.М. Асрори, Армении – АГ. Фелекян, Туркмении – К.Я. Аннакулиев, Эстонии – Ю.М. Пээгель. О печати Российской федерации поручили написать мне.

Активное участие в написании книги принял профессор Р.П. Овсепян, выступивший со статьей «Печать Советской страны многонациональна и интернациональна». Нельзя не отметить также статьи профессора В.Н. Ружникова «Радиовещание и телевидение СССР».

Профессор И.А. Портянкин, заведовавший кафедрой в 1963–1965 гг., свою журналистскую деятельность начал в городе Камень Новосибирской области. Здесь он был ответственным секретарем газеты «Наша деревня» и одним из наиболее активных ее авторов. Выступал под псевдонимом Иван Байкалов.

Заведующий кафедрой профессор
Иван Акимович Портянкин

Во второй половине 30-х годов Иван Акимович работал редактором краевых газет, сначала «Красное знамя» (г. Томск) и «Алтайская правда» (г. Барнаул), а затем – заместителем редактора и редактором центральной газеты «Труд». Война застала его на посту заведующего отделом газеты «Социалистическое земледелие».

Вскоре его призвали в армию. Началась жизнь военного журналиста: в конце 1941 г. был заместителем редактора газеты «В бой за Родину», выходившей на Карельском фронте, затем почти три года редактировал газету 7-й воздушной армии «Боевая вахта». После войны он был заместителем главного редактора газеты военно-воздушных сил СССР «Сталинский сокол».

Позднее, после окончания заочного отделения факультета журналистики Военно-политической академии И.А. Портянкин становится одним из лучших ее преподавателей. В книге «Военный университет» читаем: «Педагогическую работу в академии вели хорошо подготовленные преподаватели, многие из

которых были участниками войны. Особым методическим мастерством отличались Г.А. Деборин, Д.М. Кукин, И.А. Портянкин и др.»[2]. В 1947 г. в Военно-политической академии им. В.И. Ленина была образована кафедра журналистики, первым руководителем которой стал полковник И.А. Портянкин.

Вскоре началась его преподавательская деятельность и на отделении журналистики Московского университета, где он читал лекции по истории рабочей печати в России, о советской военной прессе. В сентябре 1960 г. И.А. Портянкин перешел на факультет журналистики МГУ.

В 1961 г. Иван Акимович защитил докторскую диссертацию. На следующий год увидели свет его краткие очерки истории большевистской печати (в соавторстве с АК. Белковым, Б.П. Веревкиным; одна глава была написана мною). Впервые был создан труд, в котором исследовалась вся история большевистской печати 1894–1917 гг.

После создания кафедры истории партийно-советской печати в 1963 г. Иван Акимович стал ее первым заведующим. Под руководством Ивана Акимовича защищены многие диссертации.

Из его научных трудов следует назвать книги «Большевистская печать в годы первой русской революции» (М, 1956), «Рабочая печать в период борьбы за создание Коммунистической партии Советского Союза» (М., 1956), «Редакторская и публицистическая деятельность В.И. Ленина» (М, 1959), «Большевистская печать. Краткие очерки истории» (1894–1917 гг.) (М, 1962).

Длительное время (с 1965 по 1978 г.) заведующим кафедрой был доктор исторических наук, профессор Александр Львович Мишурис. В 1974 г. на факультете журналистики отметили семидесятилетие Александра Львовича и пятидесятилетие его работы в печати.

Заведующий кафедрой профессор
Александр Львович Мишурис

В МГУ он был ветераном, но его и в шутку, и всерьез называли «вечным комсомольцем». И это неспроста. В феврале 1920 г. его направили по путевке Губкома РКСМ на работу в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности. К осени 1921 г. за плечами семнадцатилетнего чекиста Мишуриса было уже немало успешно выполненных ответственных и опасных поручений.

Уже в то время он был хорошо знаком с известным публицистом Емельяном Ярославским, редактором газеты «Советская Сибирь», одним из создателей журнала «Сибирские огни». Под его непосредственным руководством Александр Львович приобщился к журналистике, писал первые статьи и

корреспонденции. Обо всем этом хорошо знали в Иркутском губкоме комсомола. И его командировали в Иркутский уезд, доверив руководство уездной комсомолией. В короткое время Александр Львович объехал весь уезд, встречался с молодежью, выступал на активах, собраниях и все более убеждался в необходимости создания газеты, со страниц которой можно было бы обращаться к молодым труженикам, делиться опытом работы ячеек и т. д. Его поддерживали комсомольские вожаки губернии.

В начале апреля 1924 г. губком РКСМ принял решение об издании своей газеты. Редактором ее был назначен Александр Мишурис, а ответственным секретарем – Иосиф Уткин. По предложению Иосифа Уткина газету назвали «Комсомолией». Александр Львович часто вспоминал легендарные двадцатые годы, годы журналистской работы в Иркутске, которая определила его дальнейшую жизнь.

Особенно глубокий след Александр Львович Мишурис оставил в истории нашего факультета, которому отдал более двадцати пяти лет. Он пришел на отделение журналистики филологического факультета в 1950 г. когда только начинала формироваться главная «кузница журналистских кадров», ее структура, учебный план, программы лекционных курсов и производственной практики, когда складывались многие традиции факультета.

Нельзя не отметить, что прежде чем стать историком отечественной печати, А.Л. Мишурис уже был одним из творцов этой истории. Переехав осенью 1925 г. в Крым, редактировал областную газету «Молодой большевик», заведовал экономическим отделом областной газеты «Красный Крым». В 30-е годы он работал в отделе печати и издательств ЦК партии. Участник обороны Ленинграда, служил в печати Краснознаменного Балтийского флота. В военные годы судьба свела его со многими замечательными публицистами, писателями, о которых он с особым интересом рассказывал студентам. Тема «Советская печать в годы Великой Отечественной войны» стала главной и в научной деятельности А.Л. Мишуриса.

Сейчас нет ни одного факультета журналистики не только в Российской Федерации, но и в ближнем зарубежье, где бы с благодарностью не вспоминали «всесоюзного консультанта» А.Л. Мишуриса, как его называли. Под его руководством на нашем факультете защитили диссертации около сорока аспирантов и соискателей, большинство из них – представители бывших национальных республик. Этому способствовало и то, что кафедра истории советской журналистики многие годы была в стране единственной, готовившей программы курса, учебные и

методические пособия и преподавателей по этому профилю.

Научные труды Александра Львовича посвящены в основном истории печати послеоктябрьского периода. Среди них: «Теория и практика партийно-советской печати»: учебно-методическое пособие для студентов-заочников 2–5 курсов государственных университетов (М., 1957; в соавторстве В.Д. Пельтом); «История партийной и советской печати»: учебно-методическое пособие для студентов факультетов и отделений журналистики государственных университетов (М, 1959; в соавторстве со мною; переиздания (1961, 1964, 1968, 1972, 1979 гг.); «Печать, рожденная Октябрем» (М., 1968); «Советская публицистика в годы Великой Отечественной войны» (М, 1980).

После Александра Львовича кафедрой руководил профессор Борис Дмитриевич Дацюк (1978–1985 гг.) – видный советский историк и журналист. Вышедшее под его редакцией учебное пособие «История СССР» выдержало пять изданий. Научные труды Б.Д. Дацюка переведены на английский, французский и болгарский языки. В эти годы появились монографии «Окна сатиры РОСТА» СИ. Стыкалина, «М. Ульянова – журналист» СВ. Каравашковой, «К.Н. Самойлова» (в серии «Партийные публицисты») СВ. Каравашковой и Л.Д. Дюжевой. Мне удалось издать учебное пособие «Советская журналистика первых послевоенных пятилеток», ежегодно выходили сборники «Советская журналистика. История. Традиции. Опыт».

Как журналиста Бориса Дмитриевича особенно запомнили читатели газеты «Вечерняя Москва» и журнала «Славяне». В «Вечерке» только за 1931 и 1932 гг. опубликовано около двухсот его статей, рецензий, корреспонденции, а в журнале «Славяне» он был ведущим журна-листом со дня основания этого издания. В первом же номере журнала опубликована его обстоятельная статья «Славянские народы приветствуют укрепление англо-советско-американского боевого союза».

Работая в журнале «Славяне» в трудные годы войны, Борис Дмитриевич сумел защитить кандидатскую диссертацию «Юрий Крижанич: исторические и политические взгляды», опубликовал цикл статей под девизом: «Юрий Крижанич и русский народ». Немало статей за его подписью, а также под псевдонимами Бор, Вагрин, Г. Рин и другими увидели свет на страницах многих газет и журналов.

Заседание кафедры проводит профессор Борис Дмитриевич Дацюк

Борис Дмитриевич родился 6 августа 1913 г. в Москве. Уже в средней школе он являлся активным стенкором, занимался на курсах журналистики при Московском Доме печати. С тех пор вся его деятельность неразрывно связана с советской журналистикой. В 30-х годах с журналистским билетом он объехал весь Союз, постоянно печатался не только в московских изданиях, но и в «Правде Украины», «Советской Белоруссии» и других республиканских и областных газетах.

Более сорока лет Борис Дмитриевич занимался преподавательской деятельностью на историческом, филологическом, философском и экономическом факультетах и почти десять лет заведовал кафедрой истории партийно-советской печати факультета журналистики МГУ.

В 1983 г. факультет отметил 70-летие Б.Д. Дацюка. В изданном в связи с юбилеем библиографическом указателе его научных трудов особо отмечалось: «Большой вклад в развитие советской и зарубежной науки Б.Д. Дацюк внес будучи членом экспертной комиссии по журналистике и литературе ВАК СССР, членом редколлегии журналов “Советские архивы” и “Вестник Московского университета” серия “Журналистика”».

Его основные научные труды: «Русская журналистика в начале XIX века (1800–1812)» (М, 1948); «Русская журналистика 30-х годов XIX века» (М, 1948); «Журналистика времен декабристов (1813–1825)» (М, 1948), «Русская журналистика 40-х годов XIX века. Журнально-издательская деятельность В.Г. Белинского» (М, 1948).

Одним из ведущих преподавателей на кафедре был Сергей

Ильич Стыкалин – кандидат исторических наук, доцент (1955–1979). Его всегда отличала особая целеустремленность в науке. Не одну свою курсовую работу он посвятил изучению сатирической журналистики, продолжив исследование этой темы в дипломном сочинении, а затем и в кандидатской диссертации. «Сатира и революция» – так называлась его докторская диссертация, почти полностью завершенная. Книга «Советская сатирическая печать» (в соавторстве с И.К. Кременской), изданная в 1963 г., и сейчас является одним из основополагающих трудов по советской сатире. Народный художник РСФСР Борис Ефимов в предисловии к ней писал: «…книга представляет собой большой познавательный, документальный и исторический интерес». На наших книжных полках почетное место заняла не только эта, но и многие другие книги, вышедшие из-под его пера.

Участник Великой Отечественной войны, СИ. Стыкалин воевал на направлении главного удара: прорыв глубоко эшелонированной обороны противника на западном берегу Вислы южнее Варшавы, ликвидация сильно укрепленного плацдарма немцев на правом берегу реки Одер восточнее Штеттина, стремительное наступление на Берлин – вот далеко не полный перечень боевых операций, в которых он участвовал лишь в январе-апреле 1945 г. Награжден орденами «Отечественной войны», «Красной Звезды», медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы» и др.

Основная направленность научных трудов – советская сатирическая журналистика: книги «Советская сатирическая печать 1917–1962» (М, 1962; совместно с И.К. Кременской); «Советская сатирическая журналистика 1917–1964» (М, 1965); «Советские сатирические журналы. 1917–1919 гг.» (М, 1971); «Окна сатиры РОСТА» (М, 1976).

В течение нескольких лет трудилась на кафедре Светлана Васильевна Каравашкова – кандидат исторических наук, старший преподаватель (1954–1982). После окончания факультета журналистики в 1954 г. работала лаборантом кафедры. Защитив кандидатскую диссертацию в 1968 г., стала младшим научным сотрудником, затем преподавателем и старшим преподавателем. Автор ряда монографий: «Рабселькоровское движение в стране в первые годы Советской власти» (М, 1967); М.И. Ульянова – журналист» (М, 1972); «Публицистика А.М. Коллонтай, И.Ф. Арманд, О.Н. Сталь, АИ. Ульяновой-Елизаровой в борьбе за укрепление международного рабочего движения» (М, 1973); «К.Н. Самойлова. Партийные публицисты» (М, 1979; в соавт. с Л.Д. Дюжевой).

Среди преподавателей кафедры нельзя не назвать Валерию

Васильевну Мастикову – кандидата исторических наук, ассистента (1975–1991). Защитив в 1975 году кандидатскую диссертацию, она продолжала заниматься изучением публицистики М.И. Калинина и журналистики в годы Великой Отечественной войны. Опубликовала статьи: «Публицистика М.И. Калинина» (в сб. «Партийно-советская печать в годы Великой Отечественной войны» (М., 1964); «Мастерство М.И Калинина-публициста» (Вестник Московского университета. Серия «Журналистика». 1971. № 4).

Среди преподавателей кафедры следует также назвать Сергея Ивановича Жупанова – кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника (1977–1991), который занимался изучением истории большевистской печати в годы первой мировой войны. Опубликовал статью «В борьбе за пролетарский интернационализм. Большевистская печать в годы Первой мировой войны» (в сб. «Из опыта большевистской печати». М., 1988). В 1991 г. перешел на другую работу.

Большим авторитетом пользовался преподаватель Иван Владимирович Чебушев (1964–1984), основным научным интересом которого была история военной советской печати. Опубликовал статью «Из истории создания, становления и первых боевых испытаний «Красной звезды» (1924–1940 гг.)» (в сб. «Советская журналистика. История, традиции, опыт» (М., 1974).

Некоторое время на кафедре преподавали профессора Сергей Антипович Андронов и Борис Петрович Балуев. Из изданных ими книг можно выделить: «Боевое оружие партии. Газета “Правда” в 1912–1917 гг.» (Лениздат, 1961); «Большевистская печать в трех революциях» (М., 1978) СА. Андронова; «Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистка» (М., 1976) Б.П. Балуева.

КАФЕДРА В ЛИЦАХ

В 1985–2008 гг. мне выпала честь заведовать родной кафедрой, которая с 1995 г. функционировала под названием истории отечественных средств массовой информации. С этого времени преподаватели кафедры ведут углубленную разработку истории не только печати, но и радиовещания, телевидения, информационных агентств и издательств. Лекции стали читаться по дифференцированным программам для студентов газетного, радио– и телевизионного, редакционно-издательского отделений.

За этот период учеными кафедры издано немало монографий и учебных пособий, в числе которых и учебные пособия по истории отечественных СМИ.

Кафедра истории отечественных средств массовой информации. Слева направо первый ряд: лаборант Валентина Тимофеевна Рыбакова, доцент Руфина Анатольевна Иванова, доцент Нина Михайловна Тобольцева. Слева направо второй ряд: профессор Кузнецов Иван Васильевич (заведующий кафедрой), доцент Ольга Дмитриевна Минаева, доцент Александр Васильевич Суяров, профессор Рафаил Погосович Овсепян, преподаватель Елена Васильевна Зеленина

В год шестидесятилетнего юбилея журналистского образования в МГУ (2007) в составе кафедры были два доктора наук и четыре доцента.

Я продолжал заведовать кафедрой. В 1997 г. был удостоен звания «Заслуженный профессор МГУ». Подводя некоторый итог, можно сказать, что за многие десятилетия работы на факультете опубликовал более 150 книг, монографий, учебных пособий,

справочников, сборников статей и научных трудов. Среди них: учебное пособие «История отечественной журналистики 1917–2000 гг.» (2001, переиздания 2003, 2005, 2008 гг.); двухтомник по московской большевистской (1968) и советской (1980) печати (в соавторстве с А.В. Шумаковым); двухтомник «Газетный мир Советского Союза» о центральной (1972), республиканской, краевой и областной печати (1976) в соавторстве с Е.М. Фингеритом; монографии «Три века московской журналистики» (1997) и «Триста лет отечественной журналистики» (2002) в соавторстве с Б.И. Есиным (2002); «Советская журналистика первых послевоенных пятилеток, 1946–1958» (1987); «Газетный мир Московского университета) в соавторстве О.Д. Минаевой (2005).

Подготовил свыше 35 кандидатов и пять докторов наук.

Рафаил Погосович Овсепян – доктор исторических наук (1976), профессор (1978), «Заслуженный профессор Московского университета» (2001). После окончания Харьковского государственного университета в 1952 г. более десяти лет плодотворно занимался журналистской деятельностью в целом ряде газет Киргизии: был заведующим отделами сначала областной газеты «Иссык-Кульская правда», затем республиканской газеты «Советская Киргизия», исполнял обязанности редактора фрунзенской городской «Вечерней газеты».

Опубликовал свыше 100 научных работ. В том числе: «Многонациональная печать большевиков. 1900–1917 гг.» (1972); «История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало XXI века)»: учебное пособие (1995), переиздание (1999, 2005); «В лабиринтах истории отечественной журналистики. Век XX» (1999); один из авторов фундаментального труда «Журналисты XX века: люди и судьбы» (2003), двухтомника «Власть, зеркало или служанка? Энциклопедия жизни современной российской журналистики» (1998).

Подготовил более 30 кандидатов и несколько докторов наук.

Руфина Анатольевна Иванова – доцент кафедры истории отечественных средств массовой информации. На факультете работала с 1954 г. до 2009 г. В 1962 г. защитила кандидатскую диссертацию, в 1969 г. стала доцентом, в 2001 г. удостоена почетного звания «Заслуженный преподаватель Московского университета».

В своей научной деятельности Р.А. Иванова основное внимание сосредоточила на истории и теории отечественных СМИ 30-х годов и периода Великой Отечественной войны. Среди ее научных трудов можно выделить следующие издания:

«Партийно-советская печать в годы второй пятилетки» (1961); «Советская публицистика 30-х годов» (1967); статьи по истории журналистики периода Великой Отечественной войны, опубликованные в «Большой Советской энциклопедии»; хрестоматия «История отечественной журналистики (1917–1945)» (в соавторстве, 1999).

Нина Михайловна Тобольцева – доцент кафедры истории отечественных средств массовой информации, кандидат исторических наук. В 2009 г. удостоена почетного звания «Заслуженный преподаватель Московского университета».

Опубликовала монографические исследования «Основные тенденции формирования и становления центральных газет в первое десятилетие советской власти», «Тоталитаризм и журналистика» (2004).

Под ее научным руководством защищены две диссартации, подготовлено к защите еще одно диссертационное исследование.

Ольга Дмитриевна Минаева – кандидат исторических наук, доцент, на кафедре работает с 1989 г. Автор книг «Русская журналистика в документах. История надзора» (2003); «История русской периодической печати (1703–2003)» (2004 г., в соавторстве с А.А. Грабельниковым); «Газетный мир Московского университета» (2005 г., в соавторстве со мною).

Александр Васильевич Суяров – кандидат филологических наук, доцент, на факультете работал с 1969 г. до 2009 г. Издал в 2005 г. учебное пособие «История журналистики русского зарубежья (1920–1940)».

Результаты научных разработок преподавателей кафедры находят все большее отражение в основных и специальных курсах, в семинарских занятиях на дневном, вечернем и заочном отделениях и в новейших публикациях. В связи с 250-летием МГУ им. М.В. Ломоносова и 40-летием кафедры издан сборник статей «Неизвестные страницы отечественной журналистики» (2006). В сборнике впервые рассматривается публицистическое наследие З.Н. Гиппиус, Л.С. Сосновского, И.Л. Солоневича, А.И. Аджубея, публицистика Юрия Полякова и др.

Кафедра являлась единственной, занимающейся исключительно историей отечественной журналистики послеоктябрьского периода. На ней защитили докторские и кандидатские диссертации многие ведущие ученые страны, деканы факультетов, заведующие отделениями и кафедрами журналистики. Всего защищено более 100 кандидатских и 12 докторских диссертаций.

В июне 2008 г. я вынужден был обратиться к ректору МГУ с просьбой освободить меня от заведования кафедрой по состоянию

здоровья. Новым заведующим кафедрой избран доктор филологических наук профессор Андрей Георгиевич Рихтер.

ПОЛВЕКА НА ПОСТУ ДЕКАНА

Созданное в 1947 г. на филологическом факультете Московского государственного университета отделение журналистики возглавлял Тимофей Иванович Антропов, поработавший некоторое время в ЦК ВКП(б), затем редактором многих газет, в том числе республиканской «Советской Латвии». Распоряжением Совета Министров СССР в 1952 г. на базе отделения журналистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и редакционно-издательского факультета Московского полиграфического института был создан факультет журналистики, первым деканом которого стал Евгений Лазаревич Худяков, заместитель главного редактора «Известий».

В 1965 г. деканом был избран Ясен Николаевич Засурский, сумевший превратить факультет в подлинный центр журналистского образования в стране. Можно без преувеличения сказать, что Я.Н. Засурского знают не только все наши, но и журналисты очень многих стран, а выпускники факультета спустя годы после окончания учебы нередко приходят на факультет, чтобы поговорить и посоветоваться со своим учителем.

Мне посчастливилось учиться, а потом целых шесть десятилетий и работать под руководством Ясена Николаевича. Хорошо помню, как еще на отделении журналистики филфака он читал нам лекции по истории американской литературы. Почти все мы были фронтовиками и старше своего учителя, но сдавать ему первые в своей жизни университетские экзамены очень боялись и готовились к ним с особым усердием.

За успешную многолетнюю лекционную, педагогическую и научно-исследовательскую деятельность Ясен Николаевич удостоен многих наград. В 1976 и 1998 гг. ему присуждались премии им. М.В. Ломоносова, а в 2006 г. была вручена престижная Российская независимая премия поощрения высших достижений в области наук «Триумф» в номинации «Гуманитарные науки». В 1997 г. он был награжден ЮНЕСКО Золотой медалью Махатмы Ганди. Есть и высокие правительственные награды: в 1999 г. в связи с семидесятилетним юбилеем награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, а в 2005 г. – орденом Дружбы народов.

В 1997 г. факультет торжественно отметил пятидесятилетие журналистского образования в системе Московского государственного университета. На торжественном вечере в Большом театре преподавателей, сотрудников и выпускников

факультета поздравили ректор МГУ академик Виктор Антонович Садовничий, председатель правления Союза журналистов России Всеволод Леонидович Богданов. Было оглашено приветственное послание Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина.

К этому юбилею под редакцией Ясена Николаевича вышла книга «Полвека на Моховой (1947–1997)», посвященная преподавателям факультета и семнадцати тысячам его выпускников. В последующие годы под его руководством изданы еще три аналогичные книги по истории факультета: «Наш дом на Моховой» (2002), «Факультет журналистики Московского государственного университета» (2005), «История факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова» (2007).

С середины 1980-х годов факультет активно развивает совместные исследовательские и образовательные программы с консорциумом факультетов журналистики университетов центрального Нечерноземья России (Тверь, Смоленск, Тула, Владимир, Рязань и другие города, находящиеся на расстоянии 300–500 км от Москвы). В Европе факультет установил связи с университетами и центрами журналистского образования Германии, Франции, Финляндии, в Азии – с университетами Японии, Индии, Кореи, Китая; сотрудничает с университетами США.

В 2002 г. исполнилось пятьдесят лет со дня создания факультета. Среди многочисленных поздравлений было и поздравление от Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, который выразил уверенность, что «… славные традиции факультета продолжит нынешнее поколение преподавателей и студентов, а диплом прославленного журфака и в дальнейшем будет пропуском в мир большой журналистики».

К 2008 г. факультет закончили около 20 000 студентов, из которых свыше тысячи представители стран Европы, Азии, Африки, Америки. В составе факультета стало 14 кафедр, кроме того, функционировали лаборатории по комплексному изучению актуальных проблем журналистики, по изучению зарубежной печати, технических средств журналистики (учебно-полиграфическая лаборатория с экспериментальной типографией).

Преподавательскую и научную работу вели 39 профессоров и докторов наук; 95 доцентов, 32 старших преподавателя, 16 преподавателей и ассистентов, 27 старших научных сотрудников, 22 научных сотрудника, 6 младших научных сотрудников.

На факультете более полувека издается учебная газета

«Журналист» (первый номер вышел в 1956 г.), в которой студенты получают первые профессиональные навыки. Есть ежедневный и еженедельный выпуски: ежедневный готовит во втором семестре каждая академическая группа в течение одного дня. Еженедельная газета выпускается студентами газетного отделения в третьем семестре. Она выходит при поддержке информационных агентств ИТАР-ТАСС, Интерфакс. Поступающие в редакцию анонсы информационных мероприятий дают возможность студентам получать журналистские аккредитации и освещать события «из первых рук». Поддержку в этом оказывают фотослужбы «Фотохроника ТАСС» и ИД «Коммерсантъ».

Кроме газеты, издаются и журналы: «Меди@льманах» (периодичность – шесть номеров в год), «Журналистика и культура речи» (выходит ежеквартально более десяти лет). Главным редактором журналов является Я.Н. Засурский.

Ясен Николаевич Засурский – президент факультета журналистики, доктор исторических наук, заслуженный профессор Московского университета

В том, что факультет стал уже и одним из международных центров обучения журналистов, заслуга Ясена Николаевича, который потратил много сил, постоянно выезжая в разные страны для налаживания журналистских связей. И сейчас, как президент, он по-прежнему в центре деятельности факультета.

Следует особо отметить, что под руководством Ясена Николаевича защитились более 200 кандидатов и докторов наук, среди которых и доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ Елена Леонидовна Вартанова, избранная в 2008 г.

деканом факультета.

НЕМАЛО ТАЛАНТЛИВЫХ НА КАЖДОМ КУРСЕ

Признаюсь, очень люблю читать и перечитывать книги о родном факультете. Однажды, взяв четвертый том «Истории факультета журналистики Московского государственного факультета имени М.В. Ломоносова», изданный в 2007 г., как и три предыдущих, под редакцией Я.Н. Засурского и Э.А. Лазаревич, я произвольно раскрыл раздел «Выпускники факультета». Выпал год 1961. И оказалось, что только в этом году среди выпускников немало не только ставших широко известными журналистов, но и крупных ученых, есть даже писатель – Людмила Стефановна Петрушевская. Среди ученых – профессор кафедры стилистики русского языка Светлана Владиславовна Светана, доктор филологических наук Грета Эдуардовна Эйхе, многие годы проработавшая на факультете журналистики Ростовского университета, и преподаватели нашего факультета Валерия Васильевна Мастикова, Лариса Михайловна Опыхтина (Полушкина). Вспомнились учившиеся на этом курсе и ставшие известными в журналистском мире Аня Кузьма, Лева Овсяников, Боря Панушкин, Боря Садеков, Нина Буденная, Галя Долматовская и Юля Хрущева.

Немало талантливых, одаренных выпускников можно назвать на каждом курсе. Достаточно сказать, что в числе окончивших факультет в разные годы были редактор «Известий» и «Комсомольской правды» Алексей Иванович Аджубей, известный критик и публицист Игорь Александрович Дедков, генеральный директор ИТАР-ТАСС, лауреат Ленинской премии (1978) Виталий Никитич Игнатенко, редактор «Комсомольской правды», министр иностранных дел СССР (1991) Борис Дмитриевич Панкин, космонавт Юрий Михайлович Батурин, известный критик и литературовед Феликс Феодосьевич Кузнецов, писатель Владимир Алексеевич Чивилихин, удостоенный за роман-эссе «Память» (1982) Государственной премии.

Нельзя не вспомнить наших выдающихся выпускников-спортсменов: Юрия Александровича Митянина, чемпиона мира, вратаря сборной команды СССР по хоккею, Ирину Александровну Привалову, мастера спорта международного класса (легкая атлетика), рекордсменку мира, пятикратную обладательницу кубка Европы и др.

Развитию спорта на факультете немало способствовал декан Я.Н. Засурский, выступавший за сборную факультета по лыжам.

Перед очередными лыжными соревнованиями:
рядом со мною (слева) Я.Н. Засурский, справа —
профессора В.А. Ковалев и Е.П. Прохоров. Март, 1973

А хоккейная команда журфака вообще не знала себе равных и выигрывала даже у сборной Университета.

Довольно сильной была наша команда по шахматам. Конечно, чаще других в этом виде спорта лидировали физики. Но из гуманитарных факультетов только журналистам удавалось быть чемпионами МГУ.

ШАХМАТЫ, ШАХМАТЫ…

У меня, как и у большинства студентов, знакомство с Университетом началось с общежития на Стромынке. В эти незабываемые студенческие годы в одной комнате проживало до десяти студентов разных курсов. С первокурсниками селили даже выпускников. Жили весело: на столе всегда стоял чайник с кипятком, все дружно пили чай и непременно играли в шахматы. Естественно, каждый считал себя сильнейшим. Чтобы прекратить бесконечные споры, решили провести турнир; в качестве приза купили томик стихотворений Лермонтова. По условиям игры каждый проигравший выбывал. Мне и Лене Крупчанову посчастливилось дойти до финала. Последнюю, решающую партию, играли два дня. Наконец под общие одобрительные возгласы Леня был вынужден на призовом томике написать тут же сочиненное им четверостишие: «Я шутить перестану и вручаю покупку Кузнецову Ивану – обладателю кубка».

Увлечение шахматами началось у меня с 6-го класса: директор нашей школы Александр Павлович Валунов был довольно сильным шахматистом, неизменно в районных турнирах занимал одно из первых мест. Однажды перед началом урока (он вел занятия по древней истории) мы услышали: «Ребята, кто из вас хочет научиться играть в шахматы, останьтесь сегодня после занятий». Научиться захотели все: первые занятия посещали охотно, но постепенно нас становилось все меньше. Вскоре занятия прекратились, и мы уже самостоятельно овладевали этой увлекательной игрой. Установили такое правило: получивший тройку не имел права в этот день играть в шахматы. И мы изо всех сил старались учиться хорошо.

Прошло не менее года и, встретившись с нами как-то в школьном коридоре, Александр Павлович спросил, играем ли мы в шахматы. Мы дружно ответили, что сражаемся каждый день! Он улыбнулся и вдруг пригласил меня в учительскую. В большом смущении пошел за ним. Усадив меня за свой директорский столик, он сказал: «А ну-ка давай сыграем». Потом он уже нередко приглашал, а я привык играть с самим директором! Вспоминаю, как учитель математики говорил: «Александр Павлович, неужели вам интересно с ним играть?» «А вы попробуйте, сыграйте с ним, тогда узнаете».

Прошли годы и годы. Я уже закончил факультет, был аспирантом, жил в общежитии на Ленинских горах. Однажды дежурный по этажу вызвал меня к телефону, сказал, что звонит какой-то мужчина. И произошло то, о чем невозможно было

подумать. До боли знакомый голос спросил, продолжаю ли я играть в шахматы. Я был буквально потрясен и только повторял: «Неужели это вы, неужели вы», боясь назвать имя и отчество нашего директора школы. А звонил действительно он и приглашал приехать к нему поиграть в шахматы. Не передать, с какой радостью мы встретились! Оказалось, что он после войны работал в Москве и занимал довольно высокую должность в ЦК партии. Мы стали регулярно встречаться, иногда подолгу засиживались за шахматами и нередко он оставлял меня ночевать.

К сожалению, его давно уже нет, а шахматы до сих пор остались самой любимой моей игрой. Постоянными партнерами стали преподаватели факультета Юрий Викторович Попов, Эдуард Анатольевич Рытин, профессор Григорий Яковлевич Солганик. Можно привести множество примеров, как азартно мы играли. Однажды мне и Григорию Яковлевичу пришлось всю ночь дежурить на факультете. Естественно, без шахмат не обошлось: каждый час ходили и проверяли, все ли на факультете в порядке, и играли, играли… Наконец пришла уборщица и сказала, что время дежурства закончилось и можно идти отдыхать. Но мы ответили, что еще не доиграли. И не ушли, пока не закончили партию.

Любимые шахматы. Ю. Попов (слева) и А. Рытин

Давно уже нет ни Юрия Викторовича, ни Эдуарда Анатольевича. Мы же с Григорием Яковлевичем до сих пор нередко выясняем за шахматной доской, кто из нас сильнейший.

ПЕРВЫЕ ЗАСЛУЖЕННЫЕ ПРОФЕССОРА

На младших курсах мне особенно запомнились занятия по истории русской журналистики. Лекции читал Ефим Степанович Ухалов. Хорошо помню, что на занятия вместе с ним неизменно приходил молодой человек, важно усаживался неподалеку от лектора и старательно записывал каждую лекцию. Нам, конечно, очень хотелось узнать, кто он. У старшекурсников филологов выведали, что это аспирант Ефима Степановича Борис Есин.

Как же мы завидовали ему: нам тогда казалось, что аспирантура – это что-то совершенно недосягаемое. Ну разве мог я тогда даже подумать, что именно с этим аспирантом доведется мне не только вместе работать, бывать в заграничных командировках, заведовать кафедрами и даже быть соавтором нескольких книг! Борис Иванович – это живая история факультета: он и сейчас продолжает руководить кафедрой. В 1996 г. он в числе первых был удостоен звания «Заслуженный профессор Московского университета».

Вместе с ним звания «Заслуженный профессор» удостоились Александр Васильевич Западов, Анатолий Георгиевич Бочаров и Александр Яковлевич Юровский.

Часы юбиляру от кафедры

Без преувеличения можно сказать, что о каждом из них наши выпускники могут вспомнить очень много интересного и особенно об Александре Васильевиче. Никогда не изгладятся в памяти, например, его замечательные юбилеи, каждый из которых был незабываемым праздником всего факультета. На одном из них мне посчастливилось вручить ему подарок от нашей кафедры. Долго мы размышляли, что бы такое памятное и полезное преподнести юбиляру. Кто-то заметил, что каждый его день рассчитан не только по часам, но и по минутам: лекции, частые заседания кафедры, Ученые советы, ежегодные книги и книги, да и других дел не перечесть.

Тут-то нас и осенило: часы будут для юбиляра в самый раз! Экспромтом сочинили:

Чтоб каждый день,
Чтоб каждый час
Вы радовали снова

И глубиною мысли нас
И красотою слова!

И Александр Васильевич радовал нас новыми и новыми трудами, без которых и сейчас не обойтись ни историкам, ни теоретикам журналистки.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УРОК МАСТЕРСТВА

После третьего и четвертого курсов мы проходили производственную практику в редакциях областных и центральных газет. Однако к работе в газете нас приобщали гораздо раньше. Каждому, например, необходимо было написать заметку в университетскую газету. Помню, что такое задание немало позабавило меня: ведь в Порт-Артуре я выступал в армейской газете и с корреспонденциями, и даже с очерками. Быстро написав заметку, отнес ее в редакцию. Каково же было мое удивление, когда я увидел ее всю испещренную замечаниями секретаря редакции. Он терпеливо стал мне объяснять, что любое выступление в газете, даже небольшая заметка, требует немалого труда, а в вашей заметке не очень удачное заглавие, встречаются повторы слов.

Надолго запомнилась эта встреча с одним из первых моих учителей – Семеном Моисеевичем Гуревичем, с которым мы дружим и до сих пор.

А на одной из лекций по газетным жанрам я услышал однажды весьма любопытный рассказ, как трудно бывает порой найти удачное заглавие. Лектор был опытным газетчиком и привел интересный пример из личной газетной деятельности. Однажды наш редактор, сказал он, объявил конкурс на лучшее название статьи о дорожном строительстве и назначил победителю солидное вознаграждение. Помню, вспоминал он, как все усердно стали предлагать одно название за другим, они редактору не нравились. Вдруг кто-то сказал «Дорога дорога, но дороже бездорожье». И тут же был объявлен победителем. А на следующий день передовая статья газеты появилась именно под этим названием.

Так и на лекциях учили нас журналистскому мастерству.

САМЫЕ НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

В памяти навсегда как самые радостные останутся дни, когда нас поселили на Ленинских горах. Словно в наилучшие гостиничные номера переехали мы, студенты и аспиранты, только что проживавшие на Стромынке. Натертые до блеска паркетные полы, отдельные комнаты у каждого, а в коридоре гуляют студенты. Журналисты располагались на 11-м этаже сектора «В». Глянешь в окно – дух захватывает от высоты, к которой мы еще не привыкли. Из моей комнаты была видна вся Москва, и я часами любовался этой красотой.

Я был уже аспирантом, когда появился у меня самый близкий друг, тоже аспирант, знакомство с которым произошло весьма необычно. Как-то на Стромынке в майский солнечный день захотелось нам поиграть в футбол. Неожиданно наш мяч залетел в окно на втором этаже. Тут же появился незнакомый молодой человек и сердито произнес: ну, мальчики, теперь вы своего мячика больше не увидите, и закрыл окно. На все наши просьбы вернуть мяч он даже не отвечал. Пришлось пойти в его комнату и после долгих объяснений, что все произошло нечаянно, он наконец сообщил, что пишет диссертацию, а мы своим мячом испортили целую страницу только что написанного текста. Мяч, конечно, вернул, но предупредил, если такое повторится, то уже точно не отдаст.

После переезда на Ленинские горы именно с этим аспирантом у меня завязалась самая настоящая дружба. Это был Владимир Данилович Пельт. Я тоже стал уже аспирантом, и мы часто и подолгу беседовали с ним. Нам довелось вместе защищать и кандидатские, и докторские диссертации. Не могу не отметить, что Владимир Данилович многократно помогал мне в трудные минуты.

Пока я учился, прекрасно жил в аспирантской комнате в одном блоке с Юрой и Ниной Петряковыми, ставшими для меня близкими друзьями. Вскоре у них появился первенец – славный малыш Мишутка. Иногда на какое-то время я с удовольствием оставался с ним (Нина и Юра оба работали). Когда стал преподавателем, аспирантскую комнату потребовали освободить. Пришлось срочно подыскивать, где бы что-то снять.

Владимир Данилович к этому времени получил комнату, в которой проживала уже его семья. Однажды мы вместе возвращались с занятий. Перед закрытой дверью комнаты стоял мой чемоданчик. Признаться, я растерялся, а Владимир Данилович тут же пригласил меня к себе, и я квартировал у него

почти неделю.

Вообще и он, и Нина Константиновна были очень гостеприимными. Нередко после занятий он говорил: «Поедем сегодня ко мне». И на мой недоуменный взгляд, добавлял: «Понимаешь, вчера был на рыбалке, окушков наловил, ухой угощу».

КАЖДАЯ ПОЕЗДКА НА ФАКУЛЬТЕТ – БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ

Уже более года я не читаю лекций и не веду семинарских занятий, но регулярно бываю на заседаниях Ученого Совета по защите диссертаций. Мне всегда доставляет большую радость каждая поездка на факультет вместе с ученым секретарем Совета Владимиром Вячеславовичем Славкиным, от которого всегда узнаю все факультетские новости. Радуют и встречи не только с преподавателями, но и со студентами, которые еще помнят меня. Каждый раз вспоминаются потом все, с кем удалось побеседовать: Николай Алексеевич Богомолов, Рудольф Сергеевич Гиляревский, Михаил Васильевич Шкондин, Иван Алексеевич Панкеев, Луиза Григорьевна Свитич, Алла Александровна Ширяева, Наталья Викторовна Трофимова и многие, многие другие.

Особенно радостно, когда на Ученом Совете защищаются диссертации, написанные под руководством молодых ученых, ставших опытными преподавателями. В июне 2009 г., например, успешно прошли защиты диссертаций, руководителями которых были наши ученики – доценты Алла Юрьевна Горчева и Игорь Нухович Тхагушев.

А всего приятнее, когда друзья дарят свои новые книги, в том числе и стихотворные. С интересом прочитал, например, только что изданные книги стихов Владимира Серафимовича Виноградского и Валерия Леонидовича Цвика.

Удалось побеседовать с авторами и вспомнить некоторые любимые стихотворные произведения. Владимир Серафимович, например, при первой же встрече сказал, что хочет прочитать мне удивительные стихи, из которых, к сожалению, запомнил только одну строфу:

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны…

– Дорогой мой, – обрадовано перебил его я, да это же самые, – любимые мои стихи известного советского поэта Сергея Сергеевича Орлова. И мы, дополняя друг друга, вспомнили их полностью:

Когда это будет не знаю:
В краю белоногих берез
Победу девятого мая

Отпразднуют люди без слез.
Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.
И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.
А мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду, —
Что было девятого мая
Весной в сорок пятом году.

А нам, студентам-фронтовикам, кому посчастливилось учиться на отделении журналистики сразу после окончания войны, а потом и работать на ставшем родным факультете, радостно сознавать, что в его развитии есть какой-то вклад и первых выпускников. От их имени хочется выразить большую благодарность не только нашим учителям, но и всем, с кем довелось работать многие годы, и сказать:

В книге все, чем жил, что видел,
С радостью ее дарю.
На судьбу я не в обиде,
Всех за то благодарю.

ИЗ КНИГ О ФАКУЛЬТЕТЕ

НАШ ПЕРВЫЙ ДЕКАН

Когда в сентябре 1947 г. Москва торжественно отмечала свое восьмисотлетие, в Московском университете началась подготовка журналистов. Удивительное, замечательное совпадение! Не раз и тогда, и в последующие годы мы не без гордости декламировали:

Столица отмечала день рождения,
Исполнилось ей ровно восемьсот,
А на филфаке новым отделением
Ознаменован был тот самый год!

Это удивительное совпадение позволяет нам и сегодня заявить: когда столице восемьсот пятьдесят, нам пол-века! Да, нашему родному факультету, родоначальником которого стало отделение журналистики, созданное на филфаке в 1947 г., исполнилось полвека. И в связи с этим мы с особым чувством благодарности вспоминаем организаторов отделения, его первых преподавателей доцента Ефима Степановича Ухалова (1895–1976) и Тимофея Ивановича Антропова (1905–1958). Ефим Степанович читал лекции по истории русской журналистики. Тимофей Иванович, работавший до прихода на факультет редактором «Советской Латвии», передавал студентам свой богатейший журналистский опыт.

Первым деканом факультета был назначен Евгений Лазаревич Худяков (1906–1964). Трудным путем шел он в журналистику. Его родители, крестьяне-бедняки села Секисовское (недалеко от Усть-Каменогорска), стремились дать сыну образование, очень жалея единственного в семье ребенка, так как от рождения у него не было кисти правой руки. Мальчику пришлось преодолевать дополнительные трудности при обучении даже в сельской приходской школе, а затем в училище, которое он закончил весьма успешно.

Первый декан факультета доцент Евгений Лазаревич Худяков

Друг его юности А.А. Афанасьев вспоминает: «Мы восхищались его домашней библиотекой, упорством, с которым он учился. А учился он всю жизнь…» После окончания Ленинградского комвуза поступил в Московский коммунистический институт журналистики, после войны окончил Высшую партийную школу.

Евгений Лазаревич рано начал заниматься журналистикой. Еще в юности сотрудничал в местных газетах Восточно-Казахстанской области, был членом литературного объединения «Звено Алтая», в создании которого принимал участие П.П. Бажов. Первые очерки и рассказы ЕЛ. Худякова появились в краевой газете «Советская степь». В 1928 г. в Усть-Каменогорской типографии отдельной книжкой был издан его рассказ «Поляна». Литературные способности начинающего журналиста были

замечены. В 1931 г. Евгений Лазаревич становится редактором гурьевской «Рабочей правды», затем семипалатинской «Прииртышской правды». В это время выходят еще две его книжки «В борьбе за рыбу» и «Страницы былого».

С 1933 г. журналистская деятельность ЕЛ. Худякова связана с центральной печатью. В «Пищевой индустрии» он начинал литсотрудником, а в январе 1938 г. стал ее главным редактором.

Конец 30-х годов характеризуется дальнейшим развитием отраслевой печати. В 1940 г. появилась газета «Рыбная промышленность», и Евгений Лазаревич редактировал и это издание.

После Великой Отечественной войны Евгений Лазаревич стал известинцем: в 1948 г. вошел в редколлегию газеты, был заведующим экономическим отделом, ответственным секретарем, а с 1950 г. – заместителем главного редактора. С этого поста он и был направлен на факультет журналистики, став его первым деканом.

К моменту перехода на факультет Евгений Лазаревич имел не только богатый, более чем двадцатилетний опыт редакторской деятельности. Его перу принадлежали сотни статей и очерков, общее число которых превышает 500. Немало их напечатано в «Известиях», «Комсомольской правде», «Красной звезде», журналах «Советская печать», «Пропагандист» и в зарубежных изданиях. Имел он опыт и преподавательской деятельности на Центральных курсах редакторов газет и в Высшей партийной школе. В 1952 г. доцент Евгений Лазаревич Худяков возглавил кафедру партийно-советской печати факультета журналистики Московского государственного университета.

Более десяти лет Евгений Лазаревич руководил нашим факультетом. Его организаторские способности и доброжелательность создавали условия ддя развития кафедр, научного роста преподавателей.

В 1956 г. была основана факультетская газета «Журналист». В первом ее номере Евгений Лазаревич писал: «Весь факультет журналистики радуется выходу долгожданной учебной газеты “Журналист”… Она поможет факультету готовить квалифицированных мастеров газетного и редакционно-издательского дела».

В 1957 г. Евгений Лазаревич издал курс лекций по теории и практике печати, подготовил главу для учебного пособия, завершил книгу о М.И. Калинине – публицисте, под его редакцией вышло несколько методических пособий для студентов-заочников. Много сил он отдавал работе в оргбюро Московского отделения журналистов, Правлении Союза

журналистов СССР, являлся членом редколлегии журнала «Советская печать». Неоднократно участвовал в международных семинарах во Франции, Польше, Венгрии, в совещаниях Международного общества журналистов в Будапеште. Евгений Лазаревич читал лекции журналистам в Алтайском крае, Казахстане, Приморье.

За плодотворную журналистскую и педагогическую деятельность Евгений Лазаревич неоднократно награждался орденами и медалями: в 1943 г. – орденом «Знак почета», в 1949-м – орденом Трудового Красного Знамени, в 1961-м – вторым орденом Трудового Красного Знамени.

В конце 1963 г. в связи с ухудшением состояния здоровья Евгений Лазаревич вынужден был обратиться к ректору МГУ с заявлением об освобождении его от обязанностей декана.

Прошло немногим более полугода, и Евгения Лазаревича не стало.

В том, что к своему полувековому юбилею факультет журналистики МГУ превратился в подлинный центр журналистской науки и журналистского образования в нашей стране, есть немалая заслуга и его первого декана Евгения Лазаревича Худякова, о котором мы вспоминаем с чувством глубокой признательности.

Полвека на Моховой (М.: Наука, 1997. С. 27–29)

ГЛАВНОЕ – ОТЛИЧИЕ В ЖИЗНИ

Первые выпускники факультета журналистики МГУ (а именно наш курс оказался первым) в дальнейшем достойно отличились на журналистском поприще. Рада Аджубей (Хрущева) несколько десятилетий была заместителем главного редактора журнала «Наука и жизнь». Видными журналистами-международниками стали Май Подключников, Олег Власов, Владимир Острогорский, Владимир Петушков. Успешно трудились в «Известиях» Елена Иванова и Римма Озерская. Заслуженным профессором Московского университета стала Виктория Ученова. А первым в этом ряду остается Алексей Иванович Аджубей – лучший из выпускников факультета.

…В сентябре 1947 г., вернувшись после демобилизации из Порт-Артура, я стал студентом отделения журналистики филологического факультета МГУ. Еще чувствуя себя фронтовиком и радуясь каждому мирному дню, с особым рвением приступил к занятиям.

…В 2002 г. факультет журналистики отметил полувековой юбилей. За это время в редакции газет и журналов, на радио и телевидение, в издательства пришло около 20 тысяч его выпускников. Полувековой юбилей факультета был отмечен весьма торжественно. Среди многочисленных гостей были и мои сокурсники, получившие журналистские дипломы в 1952 г. От их имени мне выпала честь передать выпускникам юбилейного года как эстафету сувенирные блокнот и ручку и прочитать стихотворение-пожелание:

Друзья, блокнот и ручку эту
Вручаю вам, как эстафету.
Успехов, острого пера
Во имя мира и добра!

Почетный выпускник факультета Алексей Иванович Аджубей, ***редактор «Комсомольской правды» и «Известий»***

Напутствуя выпускников журфака 2002 г., особо отметил, что им есть на кого равняться, что среди их предшественников много таких, кого знают не только в России, но и далеко за ее пределами. В числе первых, естественно, назвал Алексея Ивановича Аджубея.

…Уже в том далеком 47-м году он выделялся среди нас, одетых еще в военную форму, и внешним видом, и особой интеллигентностью. Как сейчас вижу его внутренне счастливым, вечно увлеченным всевозможными интересными идеями, предложениями, начинаниями. Помню, закончив первый курс, успешно сдав экзамены, собрались, чтобы поговорить о первой производственной практике, о предстоящих военных сборах. Весело шутим, вдруг наш первый «экспромтщик» Игорь Тарабрин громко произнес: «Пролетела сессия, нам сегодня весело». Кто-то тут же продолжил: «Позубрили много мы вдвоем». С легкой руки Алексея мгновенно дописали первую строфу: «Двадцать дней с охотою будем мы пехотою, а потом на практику пойдем».

Песня стала коронным номером на всех наших капустниках и даже на свадьбах, которых было немало. Самая первая – в общежитии на Стромынке. Ряды холостяков покинул Иванов Миша, наш самый знаменитый фронтовик. Самый знаменитый потому, что воевал вместе с народным героем Югославии Иосипом Броз Тито и был удостоен двух боевых югославских орденов…

К свадьбе готовились всем отделением. Тогда же, по предложению Алексея, решили вести обзоры «От свадьбы до свадьбы». Без «Обзора» не обходилась ни одна свадьба, в том числе и свадьба самого Алексея.

Она была не на Стромынке, не в московской квартире, а на лоне природы в дачном Подмосковье. Песен, стихов и тостов на ней было особенно много: не только третьекурсники-журналисты, но и многие филологи пришли поздравить Алексея и Раду Хрущеву, нашу сокурсницу, одну из лучших студенток и, как теперь добавили бы, – отличницу и комсомолку.

…Прошли годы. На одной из встреч с выпускниками журфака Алексей Иванович, главный редактор «Известий», вспомнил о студенческих годах. И вдруг, обратившись ко мне, попросил прочитать произнесенный на его свадьбе тост. Я растерялся, но Алексей просил так просто и душевно, что я, не без смущения, начал:

Много, много разных тостов есть,
Их, пожалуй, все не перечесть.

Далее говорилось о тостах в дни рождения, о новогодних и многих других и наконец о тосте для новобрачных. Как и на свадьбе, эти строки я прочитал торжественно:

Этот тост, как редкостный алмаз,
Дарим мы и дарят нам лишь раз.
В радугу, коль можешь, стих одень
В этот лучший в молодости день!

…С той встречи прошли десятилетия, но не меркнут в памяти счастливые годы студенчества. Помнятся и наши капустники, ставшие на факультете традиционными и открывшие некоторым из его выпускников путь на большую сцену, в актерский мир. Это и знаменитая актриса Ия Саввина, и главный режиссер театра «У Никитских ворот» Марк Розовский. Неоднократным лауреатом международных фестивалей становился наш ансамбль политической песни «Плакат», которым руководили Руслан Котенок и Эдуард Рытин.

А начало нашим успехам на сцене положил Алексей Аджубей. Капустники под его руководством, звучавшие на них стихи и песни мы помним и сейчас. Первый наш капустник был посвящен практике студентов-журналистов. Самый юный из нас, Володя Сурмило, проходил практику в «Литературной газете». Ему довелось отвечать многочисленным авторам, рецензируя очерки, рассказы и даже романы. Однажды Володя нравоучительно написал автору: надо вам, юноша, изучать жизнь, а уж потом сочинять романы. «Юноша» оказался человеком весьма

преклонного возраста. Этот эпизод дал тему нашим стихотворцам: Алексей Аджубей, Игорь Тарабрин, Виктория Ученова, Иван Демин, Борис Долынин быстро подготовили очередное «Окно капустника» (тексты мы сопровождали сатирическими рисунками на экране).

Хорошо поставленным актерским голосом Алексей читал, а мы рефреном из Маршака «Где это видано, где это слыхано» азартно сопровождали каждую строфу:

Чин он в газете большой получил,
Письма весь день беспощадно строчил.
Вот он и пишет особе одной,
Что тут у вас за роман, дорогой?
Где это видано, где это слыхано,
Чтобы роман присылали такой.
Надо вам, юноша, жизнь изучать,
А уж потом и романы писать.

Раздосадованный ответом автор решает разыскать обидчика:

Вот он в редакцию быстро спешит,
Видит он – мальчик какой-то стоит,
«Мальчик, послушай, скажи мне, мой свет,
Где тут Сурмилин найти кабинет?
Где это видано, где это слыхано,
Чтобы полсуток искать кабинет.
Мальчик в ответ удивленно глядит,
Мальчик смущенно молчит и молчит…
И до сих пор не разгадан секрет,
Что же он старцу промолвил в ответ.
Где это видано, где это слыхано,
Чтобы такой получали ответ…

…Вспоминаются и первые журналистские шаги Аджубея. Уже на первом курсе Алексей возглавлял спортивный отдел газеты «Московский университет», писал очерки о лучших спортсменах МГУ.

…Закончить эти воспоминания хочется рассказом о важном в истории университета событии. В начале 1960-х годов на вручение дипломов приехал Никита Сергеевич Хрущев. Каким-то образом об этом стало широко известно заранее, и университетский Актовый зал на Ленинских горах был переполнен не только студентами и профессорами, но и

высокопоставленными гостями, журналистами, фотокорреспондентами. Никита Сергеевич особо отметил, что ректор МГУ академик И.Г. Петровский в присутствии руководителя страны вручал только красные дипломы. Поздравляя особо отличившихся, Никита Сергеевич заметил тогда: «Это хорошо, что у вас дипломы с отличием, но запомните: главное отличие – отличие в жизни».

Алексей Аджубей в коридорах четвертой власти (М.: Известия, 2003. С. 20–23)

ОДНОКУРСНИК И КОЛЛЕГА

Я знаю, что не удастся передать многое из того, что хотелось бы мне сказать моему другу Сергею Ильичу Стыкалину (1924–1979). Эти строки не смогут выразить всех моих чувств. Не выразят, потому что более 30 лет мы были постоянно рядом. Еще на Стромынке, еще в 1947, в год 800-летия Москвы. Мы только что сняли фронтовые шинели и еще не успели привыкнуть к семинарам и лекциям. Но мы уже были друзьями. Как увлеченно спорили мы о журналистике, как нам хотелось знать, получатся ли из нас настоящие корреспонденты и, конечно, очеркисты!

Как далеко то время, но как отчетливо оно в памяти! Вижу тебя совсем юным, с завидной шевелюрой и, пожалуй, самым уравновешенным из нас всех. Твое мнение обычно завершало наши горячие споры. Ты как-то умел сказать самое главное, и все соглашались с тобой. Не случайно спустя многие годы ты и на кафедре умел направлять возникавшие иногда споры ко всеобщему согласию.

Как же мне рассказать о тебе? Фронтовик, героический защитник Родины, видный ученый, настоящий друг, незаменимый товарищ, редкостно душевный человек – это все ты.

Как хотелось мне видеть тебя, когда нам вручали ордена Отечественной войны в связи с сорокалетием нашей Великой Победы. И хоть ты не пришел на это торжество, ты был в этот день с нами.

Вспоминаются наши стромынские пятницы. Нередко мы говорили о войне. Особенно часто рассказывал о встречах с Тито Миша Иванов, да и другим было что вспомнить. Ты скромно сидел и слушал. И только сейчас я узнал, какой путь вел тебя к Победе.

Первый выпускник факультета доцент кафедры Сергей Ильич Стыкалин

Ты был на направлении главного удара. Прорыв глубоко эшелонированной обороны противника на западном берегу Вислы южнее Варшавы, штурм столицы Польши, городов Сохачев, Скерневице, Ловач, Аргенау, Лабишин, вторжение в пределы немецкой Померании и овладение городами Вольденберг, Дризен, Шенланке, а также важными опорными пунктами обороны немцев на Штеттинском направлении, ликвидация сильно укрепленного плацдарма немцев на правом берегу реки Одер восточнее Штеттина, прорыв сильно укрепленной и глубоко эшелонированной обороны немцев, прикрывавшей Берлин с востока, стремительное наступление на Берлин – это далеко не полный перечень боевых операций, в которых ты участвовал лишь в январе-апреле 1945 г. Именно в это время ты был удостоен ордена Красной Звезды, а еще раньше награжден медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы»…

Ты был истинным патриотом. Хотя в красноармейской книжке указано, что призван в армию в срок, в августе 1942 г., но уже в 1941-м в июне ты стал бойцом 2-го батальона Рязанского добровольческого рабочего полка.

Говорят, фронт делает людей отзывчивее, участливее к другим, заботливее. У тебя эти качества проявлялись особенно.

Именно этими чувствами проникнуты твои последние письма из Германии, когда война уже была окончена. «Не беспокойтесь теперь обо мне, мои дорогие, – пишешь ты домой. – Пишите чаще мне. Ведь я теперь о вас буду беспокоиться больше, чем вы обо мне. Мне-то здесь легче жить». Читая эти слова, невольно вспоминаю, что такое проникновенное чувство было у тебя не только к родным. Именно ты, когда ушел из жизни наш первый заведующий отделением журналистики Тимофей Иванович Антропов, сказал нам: «Мы должны увековечить его память, подготовить и издать написанное им». И это было сделано.

Нас всегда восхищала твоя целеустремленность в науке. Не одну курсовую работу ты посвятил изучению сатирической журналистики, продолжив исследование этой темы в дипломном сочинении, а затем и в кандидатской диссертации. «Сатира и революция» – так называлась твоя докторская монография, почти полностью завершенная. Книга «Советская сатирическая печать» (в соавторстве с И.К. Кременской), изданная в 1963 г., до сих пор является одним из основополагающих трудов по советской сатире. На наших полках заняла почетное место не только эта книга, но и многие другие, вышедшие из-под твоего пера.

Нас всегда заражали твоя жизнерадостность, твой оптимизм. Мы еще не знали, что ты смертельно болен. Не знал этого и ты. Ты позвонил мне и полушутливо сказал: «Возьми на несколько дней мою группу. Хочу прогуляться в больницу. Нет, ничего серьезного, просто надо немного пообследоваться». Уже потом, спустя месяца два, ты говорил мне в больнице: «Знаешь, думал уже все. Но, как видишь, выкарабкался. Обещают скоро выписать. А потом еще подлечусь через полгодика и все. Так что 8 марта будем вместе поздравлять наших женщин». Было это 23 февраля 1979 г. Я привез тебе в тот день еще одну правительственную награду в связи с 60-летием Советских Вооруженных Сил. О чем только мы ни вспомнили в тот день, день нашей последней встречи. Ты выглядел совершенно поправившимся, и никаких тревожных мыслей даже не возникало…

Сейчас я держу в руках папку с твоими фронтовыми документами. Тут и благодарности Верховного Главнокомандующего, и красноармейская книжка, и письма родным. А вот еще рисунок. «На Одере» называется он. Внизу подпись: Стыкалин Сергей. И дата: 17.04.45. И вспомнилось: студенты увлеченно слушают твою лекцию о печати в годы Великой Отечественной войны. Особенно взволнованно говоришь ты о публицистике в дни штурма Берлина и немного смущенно добавляешь, что тоже принимал участие в этой последней битве. А затем показал студентам этот самый рисунок – «На Одере». «Во

время не-большого затишья набросал», – сказал ты. Теперь я с особым вниманием всматриваюсь в него, стараясь представить, как из изображенного на рисунке блиндажа шел ты в последний бой во имя Великой Победы нашей.

Полвека на Моховой (М.: Наука, 1997.
С. 50–51)

ОТ СТУДЕНТА ДО ДОЦЕНТА

Из аспирантов, которыми мне довелось руководить, а их было более 35, только одному посчастливилось работать на родной кафедре – Александру Васильевичу Суярову. Его знали все, и каждый, с уверенностью можно сказать, вспоминает о нем с большой благодарностью. Ведь он не одно десятилетие занимал пост председателя профкома факультета и старался помочь всем, кто к нему обращался за помощью. Честно говоря, мы так привыкли к его руководству, что даже трудно было представить кого-то другого во главе профсоюзного комитета, который Александр Васильевич возглавил будучи еще аспирантом.

В 1984 г., успешно защитив кандидатскую диссертацию, он стал преподавателем, затем доцентом, читал полный курс по истории отечественной журналистики советского периода. Нельзя не сказать, что это требовало большого преподавательского опыта и глубокого понимания происходящих в те годы событий. И Александр Васильевич сумел буквально заворожить студентов своими лекциями, которые обычно начинал словами, что будет читать курс по-своему. Он тщательно изучал многочисленные материалы по отечественной истории журналистики, написанные по неизвестным ранее архивным документам. Часто при встрече с ним приходилось слышать: «Ах, Иван Васильевич, какую я книжку достал. Вам обязательно дам почитать».

Без преувеличения можно сказать, что многие приобретенные Сашей новинки читала вся кафедра. А нередко можно было слышать от него и вопрос, на который порой трудновато было ответить. Так, при одной из последних с ним встреч он неожиданно спросил: «Иван Васильевич, а вы знаете, кто ехал вместе с Лениным в запломбированном вагоне из Швейцарии в Россию в 1917 году?» Я ответил, что об этом мне ничего читать не приходилось, хотя могу назвать некоторых, наверняка находившихся вместе с Владимиром Ильичем, судя по работе вместе с ним по изданию в годы войны центрального органа партии газеты «Социал-демократ». Тогда Саша радостно сообщил, что ему посчастливилось достать книжку, где об этом сказано подробно. И добавил, что непременно даст мне ее почитать. К сожалению, впервые он не смог выполнить свое обещание: мы оба тяжело заболели и на длительный срок оказались в больнице.

Иногда, несколько смущаясь, Саша сообщал: «А вы знаете, Иван Васильевич, вчера я закончил лекцию под аплодисменты». Нередко он также говорил, что к нему на семинарские занятия приходят студенты даже из других групп. Студенты

действительно с огромным интересом слушали его лекции и охотно посещали семинары, так как немало узнавали такого, что еще не получило освещения в учебных пособиях.

Александр Васильевич проработал на факультете около тридцати лет. Читал полный курс лекций по истории отечественных средств массовой информации магистрам, бакалаврам, вел семинарские занятия на дневном и вечернем отделениях. Опубликовал ряд статей по истории публицистики русского зарубежья, издал в 2005 г. учебное пособие «История журналистики русского зарубежья (1920–1940 гг.)».

Хотя по журналистике русского зарубежья имеется уже немало монографий и учебных пособий, в которых довольно обстоятельно проанализированы русские газеты и журналы, издававшиеся в Берлине, Париже и других европейских городах, но до сих пор ни в одном из них мы не найдем даже упоминания о журналистике русского зарубежья в Манчжурии или в Аргентине. Учебное пособие и другие работы АВ. Суярова значительно восполняют этот существенный пробел. В них проанализированы не только такие журналы, как «Шанхайская заря», «Новости дня», «Вечерняя заря», «Русский авангард» и другие, выходившие в Шанхае и Харбине, но и уделено существенное внимание издававшимся там многочисленным однодневным газетам, а также изданиям для казаков: «Атаманский клич», «Енисейские казаки», «Зов казака», «Россия и казачество» и др.

Следует особо отметить, что Александр Васильевич в последние годы усердно работая над докторской диссертацией «Публицистика русского зарубежья», изучал и публиковал статьи о выходившей в Буэнос-Айресе газете «Наша страна» и ее редакторе Иване Лукьяновиче Солоневиче, после смерти которого его единомышленники продолжают издание газеты.

Одной из последних публикаций о И.Л. Солоневиче стала напечатанная в 2006 г. в кафедральном сборнике «Неизвестные страницы отечественной журналистики» его статья «Публицистика И.Л. Солоневича, идеолога народной монархии». По имеющимся публикациям можно с уверенностью сказать, что Александр Васильевич уже немало сделал по теме докторской диссертации и в ближайшее время мог бы ее успешно завершить.

Работать с Александром Васильевичем было интересно: он часто высказывал свое особое мнение по некоторым разделам программы по истории журналистики советского периода, что вызывало интересные дискуссии. Естественно, более всего мы говорили о многочисленных, порой противоречивых публикациях по ранее неизвестным архивным документам.

В 2008 г., еще находясь в больнице, мы регулярно общались по телефону. Он всегда довольно бодро заявлял, что чувствует себя неплохо и в новом учебном году вернется на работу. И действительно, Александр Васильевич без опоздания приступил к занятиям. Я же на факультет смог приезжать лишь в конце ноября и то только на заседания Ученого Совета в день, когда у Саши занятий не было, и, к величайшему сожалению, нам встретиться больше так и не удалось.

НАШ ПЕРВЫЙ, НЕЗАБЫВАЕМЫЙ

Более шестидесяти лет я читал лекции по истории отечественной журналистики на родном факультете. И всякий раз, когда рассказывал студентам о прессе в годы первых пятилеток, с неизменным волнением вспоминал очерк «Огненный тракторист», напечатанный в «Комсомольской правде» в 1929 г. Это очерк о трактористе Петре Дьякове. В книге «Воспоминания» Л.И. Брежнев пишет: «Однажды прочитали в газетах, что в соседней Тюменской области кулаки совершили гнусное преступление – одно из первых прогремевших тогда, в период массовой коллективизации, на всю страну. Ночью они подкараулили тракториста Петра Дьякова, спавшего в кабине, облили керосином и подожгли. Мы тяжело переживали страшную смерть неизвестного нам, но сразу ставшего родным соратника и товарища…» Так считали все до тех пор, пока в «Комсомольской правде» спустя тридцать лет не появился очерк под тем же названием «Огненный тракторист».

Радость была двойной: оказалось, жив человек из легенды и песен о нем, к тому же под очерком стояла фамилия моего сокурсника – Алексея Аджубея. Нельзя не отметить, что Петр Дьяков – участник Великой Отечественной войны, награжден многими правительственными наградами и воевал в составе 39-й армии, в которой был всю войну и я.

Сколько раз приходилось испытывать чувство искренней радости и гордости за наш курс, когда в «Правде» появлялись корреспонденции из Берлина и Вены Мая Подключникова, телерепортажи из Будапешта Олега Власова, выступления в «Известиях», «Литературной газете», «Учительской газете», «Пионерской правде» и других центральных изданиях Елены Ивановой, Риммы Озерской, Клавы Бруновой, Игоря Тарабрина, Гены Дайгородова, Гоги Гогоберидзе, Володи Сурмило и многих других однокурсников.

Занятие проводит руководитель отделения журналистики филологического факультета Тимофей Иванович Антропов. За столом (слева направо) Т.И. Антропов, Р.Р. Мирлусова (Озерская), В.И. Морозова, А.Н. Захаров, СИ. Стыкалин, И.В. Кузнецов. Во втором ряду (слева направо) А.И. Аджубей, И.И. Демин, В.П. Петушков, М.В. Дубровская, В.В. Ученова, Е.В. Иванова, И.А. Тарабрин

Немало книг выпущено нашими выпускниками, в том числе по истории и теории журналистики. У одной Виктории Ученовой их не перечесть.

В журналистскую науку существенный вклад внес СИ. Стыкалин, один из самых видных исследователей советской сатиры. Лишь преждевременная кончина помешала ему защитить уже завершенную докторскую диссертацию по истории советской сатирической журналистики. Стали наши выпускники заметными учеными и в других областях науки. С неизменным успехом в Центральном доме журналиста читал лекции по философии наш однокурсник доктор философских наук, профессор Йово Элез.

Но самое главное – все наши сокурсники стали настоящими журналистами. Неугомонными, пытливыми, умеющими быстро схватить и подать тему так, как писал в свое время в корреспондентской застольной Константин Симонов. Недаром мы часто распевали ее в студенческие годы.

Жив ты или помер —
главное, чтоб в номер
Материал успел ты передать.
И чтоб, между прочим,
Был фитиль всем прочим,
А на остальное – наплевать!

Хотя, признаться, нам «не наплевать» и на остальное. Каждый из нас отдавал все свои силы любимой профессии. Таким был Володя Парамонов, заместитель главного редактора еженедельника «За рубежом», такой являлась Рада Хрущева – заместитель главного редактора одного из самых популярных советских журналов «Наука и жизнь», такими старались быть все.

Прошли десятилетия, а наш первый незабываемый ничуть не меркнет в памяти. Вспоминаю, как перебирая старые бумаги, рассматривал фотографии… И захотелось просто так позвонить кому-нибудь из моих однокурсников. Набрал номер телефона нашей старосты Клавы Бруновой. «Неужели ты звонишь просто так?» – искренне удивилась она. А потом была так рада, с таким восторгом мы с ней вспоминали всех и все, что, уверен, если бы кто-нибудь захотел дозвониться к нам в тот вечер, – все его усилия оказались бы тщетными. О чем только мы ни вспоминали, чего только друг другу ни пожелали! И понял я, как все-таки редко мы встречались и тем обедняли себя, безвозвратно упуская радость общения с настоящими друзьями. Ведь многих уже никогда не встретишь…

Признаюсь, я люблю иногда приезжать на Стромынку, чтобы хоть в воспоминаниях побыть в кругу своих сокурсников Вани Хуртина, Вани Демина, Миши Иванова, Сережи Стыкалина, Володи Парамонова, Вити Ригина, Толи Володина, Саши Щербакова, Володи Дворжака Володи Петушкова, чтобы вернуться туда, где прошла наша незабываемая университетская молодость.

История факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (М.: Гуманитарный центр «Монолит», 2007. С. 215–217).

ДОУНИВЕРСИТЕТСКОЕ ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПЕРВЫЕ «ШКОЛЫ ЖУРНАЛИЗМА»

Уже в самом начале XX века одним из самых насущных становится вопрос о подготовке журналистских кадров в специальных учебных заведениях. В феврале 1905 г. в Москве профессором Л.Е. Владимировым, по примеру зарубежных учебных заведений, были организованы первые курсы для обучения журналистов. Однако их деятельность прекратилась в связи с революционными событиями осени 1905 г.

После Октябрьской революции при создании советской печати эта проблема обретает особенно острый характер. В марте 1919 г. в тяжелейших условиях Гражданской войны, на VIII съезде РКП (б) было отмечено, что этот период «…в высшей степени вредно отразился на состоянии нашей партийной и советской печати»[3]. В декабре 1921 г. в постановлении партии «Об усилении местной периодической печати» было акцентировано внимание на том, что «…с течением времени партийно-советская печать не улучшилась, а ухудшилась»[4]. Состоявшийся в марте 1922 г. XI партийный съезд констатировал, что «…партийно-советская печать находится в состоянии тягчайшего кризиса»[5].

Причинами столь тяжелого положения печати в эти годы невероятной разрухи стали и острая нехватка бумаги, и изношенность полиграфической базы, но самая главная из них – острейший недостаток газетных кадров. Старые газетные сотрудники, занявшие враждебную позицию к новой власти, считали для себя «позором» работать в советской печати. Ревниво сохраняя буржуазное целомудрие, читаем в многочисленных воспоминаниях, журналисты заполняли «хлебные» советские учреждения. Их можно было встретить в Центро-жире, Главтабаке, Главтекстиле, но не в газете. Только небольшая группа старых журналистов, остававшаяся верной своей профессии, заняла в редакциях советских газет чисто «технические» должности.

Партийный литератор стал редким явлением, особенно в провинциальных газетах. Число газет росло, а журналистские кадры не пополнялись. В особенно катастрофическом положении оказались уездные газеты и национальная печать. «Однолошадное хозяйство» – этот термин был применим ко многим уездным газетам, в которых всю работу, начиная со сбора материалов до выпуска и распространения тиража, за неимением штатных

сотрудников выполнял один редактор. При таком положении с кадрами, вспоминает один из самых известных советских публицистов А. Зорич, были рады любому, умевшему хотя бы грамотно писать.

Аналогичная картина была и в национальных изданиях. Обследование газет автономных республик и областей, проведенное подотделом ЦК РКП (б) в середине 1922 г., показало, что многие из них «слабы во всех отношениях», а некоторые находятся «на грани умирания». Тираж отдельных газет не превышал 1000 экземпляров, а выходившая в Удмуртии на вотском языке газета выпускалась в количестве 170 экземпляров. Слабы были в республиках газеты и на русском языке[6].

Острый недостаток журналистов ощущался в губернской и даже в центральной печати. В смоленской губернской газете «Рабочий путь» было всего пять журналистов, считая редактора. Необходимы были самые срочные меры по подготовке журналистских кадров.

Первые попытки по созданию школ и курсов журналистов были предприняты в 1918 г. В марте этого года в Петрограде на благотворительных началах функционировала воскресная школа журнализма, в которой выступали писатели А.И. Куприн, А.В. Амфитеатров, АТ. Аверченко. Весной 1919 г. пролетарские «школы журнализма» создавались в Москве и Петрограде по инициативе активистов Пролеткульта. Однако они просуществовали недолго и существенного влияния на подготовку журналистов не оказали.

Только в 1919 г. после VIII партийного съезда, который указал на необходимость незамедлительного укомплектования редакций профессиональными работниками, была создана Школа журналистов при Российском телеграфном агентстве (РОСТА). Ее создание 15 октября 1919 г. и явилось началом журналистского образования в СССР.

Первыми учителями Школы были журналисты-практики Кельман Линев – работник – инструкторского одела РОСТА, Михаил Грандов – сотрудник газеты «Беднота». Его лекции особенно нравились студентам, так как «изобиловали жизненными примерами из жизни газеты «Беднота» и практическими выводами»[7]. Руководителем Школы был директор РОСТА Платон Михайлович Керженцев, автор самого первого учебника по журналистике: «Газета: Ее организация и техника», изданного в 1919 г.

Хотя Школа журналистов при РОСТА при трехмесячном сроке обучения выпустила всего 136 журналистов, поставленная пред нею главная цель была в основном достигнута. Ее опыт получил

одобрение и был использован при создании таких же учебных заведений в Петрограде, Баку, Витебске, Екатеринбурге, Казани, Смоленске и Ташкенте[8].

П. Керженцев.

ГАЗЕТА.

В число студентов принимали склонных к журналистике из рабочей и крестьянской среды, но главным образом из редакций местных газет. По составленной П. Керженцевым программе учащиеся изучали основы деятельности редакций газет, книжного издательства, информационного агентства, приобретали навыки репортажа, обработки информационных сообщений, слушали лекции по истории русской и зарубежной прессы, эстетике и литературе, по научному коммунизму, осваивали корректуру и стенографию, знакомились с типографским процессом.

Однако трехмесячный срок обучения в Школе был совершенно недостаточным для подготовки журналистских кадров, и перед ее руководителями была поставлена задача о преобразовании школы в Институт**. В 1920 г.** под руководством Константина Петровича Новицкого был подготовлен проект Положения об институте, согласно которому Школа была преобразована в Институт красных журналистов.

ИНСТИТУТ КРАСНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

Его открытие состоялось 15 октября **1921** г. Согласно принятому положению Институт был включен в сеть учебных заведений Главпрофобра как Практический Институт с одногодичным курсом обучения. Кстати, Константин Петрович Новицкий – энтузиаст развития журналистского образования, явился организатором первого журналистского кружка в Московском университете. В 1929 г. редакция университетской газеты сообщала: «Кружок имеет целью ознакомить участников с основами газетного дела и дать практические указания в навыках в области работы над заметкой, фельетоном и очерком. Материалы кружка будут печататься в «Первом университете». Занятия проводятся под руководством К.П. Новицкого»[9].

Одним из основных в программе Института являлся курс лекций по истории большевистской и рабочей печати, который читали М.С. Ольминский, Л.Б. Троцкий, Н.Н. Батурин. Специальные журналистские дисциплины преподавали: редактор газеты «Рабочая Москва» Б.М. Волин, редактор журнала «Журналист» СБ. Ингулов, фельетонист Н.К. Иванов и другие известные журналисты.

Уровень подготовки поступающих в Институт был недостаточно высок. Так, в 1923 г. из принятых студентов 10 % имели незаконченное высшее, 2 % – среднее, 15 % – незаконченное среднее, 14 % – низшее образование. Весьма любопытно в этой связи воспоминание одной из выпускниц КИЖа: «Впервые я научилась писать в школе малограмотных. Училась я там на скорую руку. Русский и математика дались мне с трудом, так как проходили эти предметы быстро, без повторения. К тому же и сама я не предъявляла к себе больших требований. Думала: читать, писать умею, политику партии знаю – ну и ладно»[10].

Поэтому в Институте, кроме основного, было подготовительное отделение для слабо подготовленных студентов. С ними занимались по русскому языку, математике, истории России, немецкому языку, чтобы восполнить пробелы среднего образования. На первом же основном курсе изучались основы научного социализма, политическая экономия, история России, история Западной Европы, история русской литературы, история международных отношений, основы газетного дела, газетная информация, теория публицистики, история и техника газетного дела.

Декретом Совета Народных Комиссаров от 4 ноября 1923 г.

Институт красных журналистов был реорганизован в высшее учебное заведение с трехгодичным сроком обучения Государственный институт журналистики (ГИЖ).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЖУРНАЛИСТИКИ (ГИЖ)

В ГИЖе не только значительно улучшились условия учебы студентов, но и сам Институт из дома на Малой Дмитровке перебрался в более просторный особняк на Мясницкой улице. Кстати, дом на Малой Дмитровке, в котором первоначально размещался ГИЖ, известен как дом декабриста М. Орлова, который проживал здесь в 1833–1834 гг., один из старейших домов центра Москвы, сохранившийся после московского пожара 1812 г. Здесь бывали П. Чаадаев, Е. Баратынский, А. Герцен. В 1899 г. в нем жила М. Чехова, у которой гостил ее знаменитый брат А. Чехов.

В 1924 г. ГИЖ становится Коммунистическим высшим учебным заведением. Как Комвуз ГИЖ определяет своей прямой задачей принимать в число студентов только рабочих и крестьян, членов РКП с трехгодичным партийным стажем, работавших в газетах в качестве рабочих и крестьянских корреспондентов. Ректором Института был К.П. Новицкий, заведующим учебной частью И.Д. Удальцов. Из преподавателей можно выделить Б. Волина, К. Новицкого, В. Максакова, Н. Батурина, А. Бубнова, М. Фриче.

К.П. Новицкий читал один из важнейших курсов – «Основы газетоведения», в программе которого, кроме истории печати, были и такие разделы, как «Редакция газеты и ее сотрудники», «Верстка и выпуск газет», «Печатание газет», «Распространение газет». Заключительный раздел программы – «Новые формы газеты» включал сведения об устных, световых и стенных газетах Советской России. Из рекомендованной литературы можно выделить «Происхождение газеты» К. Бюхера, «Газета: Ее организация и техника» П. Керженцева, «Из эпохи «Звезды» и «Правды» М. Ольминского.

Курс «Газетная информация» читал В. Максаков. В лекциях акцент делался на таких темах, как газета – орган информации, информация в зарубежной печати, информация в русской буржуазной печати, информация в пролетарской печати, виды и формы газетной информации (заметка, интервью, впечатления, бытовая хроника, политическая информация, экономическая, муниципальная жизнь).

Весьма важным был курс лекций по истории рабочей печати в России, который читали Н. Батурин и М. Ольминский. Батурин –

по периоду доискровской печати: издания народников, группы «Освобождение труда», газета «Рабочий» Благоева, киевская «Рабочая газета» и др. Ольминский – по истории большевистской печати: о газетах «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь», «Начало» – газете Троцкого и Парвуса. Специальные лекции были посвящены газетам «Волна», «Вперед», «Эхо», «Социал-демократ», «Звезда», «Правда», «Наш путь», «Просвещение», а также местным газетам – «Социал-демократ» (Москва), «Наша газета» (Саратов); большевистским солдатским изданиям «Деревенская беднота» и «Солдатская правда». Заключительная лекция посвящалась печати советского периода.

Специальные лекции по истории коммунистической партии в России читал А.С. Бубнов, по новейшему искусству и литературе – М.В. Фриче.

Были и такие курсы лекций, как «Элементы современного естествознания: Пространство. Время. Энергия. Растения. Животные. Человек и животные» или «Гигиена (с включением анатомии, физиологии и патологии человеческого тела)». В течение учебного года студентам читались также эпизодические лекции: «Законодательство о печати», «Как корреспондировать из Москвы в провинцию», а также лекции о Чернышевском, Плеханове, Белинском, Писареве, Герцене.

Из истории ГИЖа не без интереса узнаем, что практические работы студенты писали и на такие темы: «Спасут ли церковь современные группировки в ней», «Судебный процесс церковников в России и заграничная пресса», «Литературное и устное творчество удельной Руси», «Старость и омоложение», «История денег» и т. д.

Новое в России дело подготовки журналистов в первые годы требовало особенно напряженного труда преподавателей ГИЖа. В первый год существования Института лишь смутно намечались пути преподавания газетоведения, писал ректор Института К.П. Новицкий. Пришлось самим вырабатывать методы преподавания специальных предметов в процессе работы. «Там, где прокладываются новые пути, неизбежны и ошибки, и разочарования, – отмечал он, – но, тем не менее, мы должны признать, что труд пионеров школьной подготовки работников печати в России не пропал даром. У нас опыт упорной творческой работы. На учете этого опыта можно строить уже смелей и уверенней нашу дальнейшую работу. Общие контуры учебного плана новой школы, намеченные три года тому назад лишь в основных своих чертах, отлились ныне в стройную систему преподавания. Отличительным признаком ее является удачное сочетание общих, главным образом, историко-экономических и

специальных – газетных предметов, без знания которых совершенно немыслимо творческое участие в прессе»[11].

Уже в начале 1920-х годов были подготовлены и изданы учебники по теории и истории журналистики. В их числе учебник К.П. Новицкого «Газетоведение как предмет преподавания», учебное пособие М. Левидова и С.Н. Срединского «Информация в советской прессе», лекции Ю.М. Стеклова «Редактор и его роль в газете», «Справочная книжка журналиста».

Обучение в КИЖе не ограничивалось лекционными и семинарскими занятиями. Была предусмотрена и трех-четырехмесячная практика в газетах. Летом 1923 г. кижевцы через ЦК РКП (б) были направлены в провинциальные издания «Волна» (Архангельск), «Коммунист» (Астрахань), «Голос Молодежи» (Кострома), «Рабочий клич» (Рязань), «Маяк Коммуны» (Севастополь), «Власть Советов» (Ставрополь), «Советская правда» (Челябинск) и другие города.

Студенты-практиканты выполняли обязанности редакторов, заведующих отделами, секретарей, выпускающих, писали статьи, фельетоны, рецензии. Попутно с редакционной работой некоторые из них организовали на местах газетные кружки из рабкоров и крестьянкоров, а работавший в Баку студент Гейдаров даже написал на тюркском языке брошюру «Газета и корреспонденция»[12].

В 1923 г. в отзывах все редакции газет отмечали «полезность работы студентов в газетах» и указывали на желательность повторения подобных командировок.

Часть студентов, оставшихся на летнее время в Москве, работала в издававшейся Институтом газете «Вечерние известия» в качестве авторов и на должности выпускающего и секретаря. Следует заметить, что кроме «Вечерних известий» издавалась газета «Гижевец», журналы «Современник» и «ЗИЖ» («Заочный институт журналистики»), сыгравшие немалую роль в подготовке журналистских кадров.

Подготовке квалифицированных журналистов существенно способствовало и то, что неплохо была укомплектована институтская библиотека, которая уже в 1922 г. насчитывала около 6 тысяч книг, 1358 наименований. В том числе 491 – по литературе, 304 – по истории и географии, 196 – по физике и математике, 148 – по языкознанию, 100 – по религии и атеизму, 95 – по философии, 37 – по искусству. Наибольшей популярностью у студентов пользовалась художественная литература (18 %), книги по журналистике (12 %), истории и географии (17 %). От 3 до 13 % запрашивали книги по точным наукам, философии и языкознанию и только 0,8 % – по

искусству[13].

На учебу в ГИЖ направлялись представители всех республик. В 1925 г., например, были направлены: из Украины – 10, Белоруссии – 3, Азербайджана – 4, Сред-неазиатских республик – 4, Карелии – 2, Коми – 1, Грузии – 2, Татарии – 3, Якутии – 1[14]. Ежегодно около одной трети студентов были представителями нерусской национальности.

Положением о ГИЖе предусматривалось обеспечение студентов питанием, стипендией, обмундированием, письменными принадлежностями. Была важна помощь, которую оказывали газеты: «Брянский рабочий», «Известия» (Одесса), «Красный мир» (Кострома), «Северный рабочий» (Ярославль), «Правда», «Известия», «Труд», «Гудок», «Рабочая газета», «Экономическая жизнь» (Москва), «Голос труда» (Полтава), «Набат» (Псков), «Трудовой набат» (Тюмень), «Рабочий путь» (Омск), «Волна» (Архангельск), «Коммунист» (Астрахань). Помогали также Тульское губернское бюро печати, РОСТА, губернские секции работников печати Тулы, Саратова, Одессы, Пскова, Орла, Госиздат и др. Самые значительные суммы поступали от московских изданий – «Правды», «Известий», «Рабочей газеты» и Госиздата. Около 75 % из пожертвований шло на питание.

Следует отметить деятельность студенческих организаций ГИЖа. Это прежде всего весьма активная работа студентов вне Института, особенно среди рабкоров. Студенты руководили кружками корреспондентов, оказывали помощь в выпуске стенных газет фабрик и заводов, шефствовали над военкорами. В 1923 г., в день второй годовщины Государственного института журналистики, студенты выдвинули мысль о принятии культ-шефства над военкорами Московского гарнизона. В декабре 1923 г. при Институте были организованы воскресные курсы для военкоров, рассчитанные на более подготовленных слушателей. На курсах вели занятия преподаватели и студенты старших курсов Института. Всего в кружках насчитывалось до 170 красноармейцев. За год работы было выпущено 70 стенгазет. «Нет студента, – читаем в отчете о вневузовской деятельности кижевцев, – который бы не был прикреплен к рабкоровскому кружку или к газете, райкому, уезду»[15].

В Институте действовала ячейка РКП (б), в круг обязанностей которой входило создание кабинета Ленина, который был учебным учреждением при кафедре ленинизма. В нем надлежало собрать «все об Ильиче, что напечатано в советской печати»[16].

Во многих воспоминаниях отмечается, что студенты ГИЖа учились усердно. В повышении успеваемости и оздоровлении

студенческого состава важную роль играли академические проверки. Из Института удаляли студентов, «успевающих по общим предметам, но непригодных по профквалификации», а также тех, кто «настолько увлекался работой в газетах Москвы, что к учебе его не тянуло»[17].

Весной 1926 г. КИЖ посетил известный немецкий публицист Эгон Эрвин Киш. «Я побывал во многих европейских школах журналистики, – особо отметил он на встрече со студентами и преподавателями. – Лучшей из них считаю лейпцигскую. Слушатели ее являются в школу два-три раза в неделю на короткий срок, чтобы выслушать лекцию по истории, организации и технике прессы, выполнить практическое задание. Остальное время они заняты личными и служебными делами. И я был очень обрадован тем, что нашел, наконец, в лице ГИЖа специальное учебное заведение, студенты которого в течение всего срока обучения заняты исключительно учебной и общественной работой»[18].

Высокую оценку деятельности ГИЖа давали и его выпускники. На вопрос «Что дал мне ГИЖ?» известный драматург А.Е Афиногенов ответил: «Без колебаний скажу – многое. Расширил горизонт знаний, научил работать, извлекать максимум производительных возможностей из всякого рода деятельности. Научил понимать и любить ряд “сухих материй”. Вышколил меня как партийца, туго завинтил мои “интеллигентские гайки”[19]. Кроме А. Афиногенова в ГИЖе учились поэт Иосиф Уткин, писатель Л. Кин и др.

Важно заметить, что кроме комвузов литературных редакторов и критиков готовили в университетах, в том числе в Московском государственном университете[20]. В ряде городов создаются специальные техникумы, в которых обучались журналисты «средней квалификации»: обработчики информации, корректоры, литературные правщики, хроникеры, выпускающие и т. д. Первый такой техникум с трехгодичным сроком обучения был организован в 1925 г. в Ленинграде. До мая 1931 г. техникум выпустил около 300 специалистов «средней квалификации». В мае 1931 г. на его основе был создан второй в нашей стране институт по подготовке журналистских кадров. Готовили журналистов также, помимо Московского им. Я.М. Свердлова и Ленинградского им. Г.В. Зиновьева, Белорусский, Закавказский, Татарский, Среднеазиатский, Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. В них были журналистские секции и отделения. В 1928 г. отделение журналистики открыли в Азербайджанском университете.

Значительный количественный рост газет (районные,

политотдельские, фабрично-заводские) в 1930-х годах вызвал огромный спрос на журналистов. В ноябре 1930 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О кадрах газетных работников», в котором указывалось: «Слушатели и аспиранты КИЖ, ЛИЯ Комакадемии, редакторских отделений курсов марксизма, Высшей школы профдвижения, комвузов должны не менее 1/3 своего времени работать в порядке производственной практики в газете»[21].

В связи с возросшей потребностью в журналистских кадрах в 1930 г. Отдел печати ЦК ВКП(б) решает довести прием студентов в московский ГИЖ до 300 человек (такого количества студентов никогда ранее здесь не было). Такая потребность в журналистских кадрах вызвала и необходимость создания новых журналистских институтов. К началу второй половины 30-х годов кадры для печати готовили, кроме московского и ленинградского, еще пять институтов: Всеукраинский КИЖ в Харькове, в Минске (созданы в 1932 г.), в Алма-Ате (1934), в Свердловске и Куйбышеве (1936).

Были еще учебные заведения, в которых можно было получить журналистское образование: Высшая школа профобразования ВЦСПС, редакторское отделение на курсах марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). В 1930 г. на этом отделении к занятиям приступило 78 слушателей. В следующем году их число предполагалось увеличить до 110[22]. Существовало также газетно-редакторское отделение в Институте красной профессуры литературы и языка (ИКПЛИЯ).

Журналистов самого высокого ранга – руководящих должностей в центральных, республиканских, областных и краевых изданиях готовили в Комакадемии. Чтобы учащиеся наиболее полно знакомились со спецификой своей будущей работы, лекторами приглашались редакторы ведущих партийных изданий. Слушатели обстоятельно знакомились с историей большевизма, спецификой партийно-государственного строительства, экономикой, включались в работу по составлению сборников «Ленин о печати», «Сталин о печати», «Решения ВКП(б) о печати».

Все большее развитие получало заочное образование журналистов. Только в московском КИЖе в 1930 г. насчитывалось около 2000 студентов. В 1934 г. на заочное отделение ленинградского института предстояло принять 300 новых студентов. Заочное обучение велось так-же во Всеукраинском КИЖе, на редакторском отделении центральных курсов марксизма-ленинизма[23].

Распространена была и такая форма обучения, как одногодичные курсы. Они существовали при редакциях

«Ленинградской правды», «Горьковской коммуны», «Бакинского рабочего», «Социалистического Донбасса» и других газет.

В 1938 г. Московский Коммунистический институт им. «Правды» закрыли. Остальные институты журналистики продолжали работать. В 1940 г. они переводятся на четырехлетний срок обучения, что сближает их с университетами. В 1940 г. только дневные отделения институтов журналистики выдали 400 дипломов своим выпускникам[24].

В 1939 г. журналистов начали готовить в Высшей партийной школе (ВПШ) при ЦК ВКП(б), предшественником которой был Коммунистический университет им. *ЯМ.* Свердлова (курсы агитаторов-инструкторов при ВЦИК, созданные в июне 1918 г.). На отделении журналистики обучались руководящие работники печати.

Ведущим научным центром страны в области издательского дела, полиграфии и книжной торговли был Московский полиграфический институт, основанный в 1930 г. на базе Высшего художественно-технического института (ВХУТЕИНа). В июле 1952 г. студенты редакторской специальности были переведены в МГУ в связи с созданием там факультета журналистики.

Особенно важно, что в 1938 г. закрыли не только московский КИЖ, но и Коммунистический университет им. *ЯМ.* Свердлова, и Институт красной профессуры, сыгравшие немалую роль в подготовке журналистов высшей квалификации. Имеется немало научных исследований, авторы которых пытались найти истинные причины закрытия столь важных учебных заведений. Однако до сего времени выдвигаемые по этому поводу в научных исследованиях объяснения не представляются удовлетворительными. Все они сводятся к тому, что к началу 1938 г. открылось слишком много учреждений подобного типа. Вот что пишет, например, в связи с закрытием Института красной профессуры В.Д. Соловей: «В контексте сложившейся к середине 30-х годов исторической ситуации заметный параллелизм в функциях между ИКП и вновь созданными партийными учебными заведениями – Высшей школой пропагандистов при ЦК ВКП(б) (1935 г.) и Высшей школой партийных организаторов при ЦК ВКП(б) (1936 г.), глубокое противоречие между задачами Института и содержанием учебного процесса в нем свидетельствовали, на наш взгляд, о том, что ИКП выполнил стоявшие перед ним задачи и одновременно исчерпал себя как учебное заведение переходного типа»[25].

Подобного объяснения придерживаются и другие авторы, хотя совершенно непонятно, зачем в середине 30-х годов

потребовалось ликвидировать Институт Красной профессуры, обладавший 16-летним опытом работы, и открывать учебные заведения с аналогичными функциями? Этот вопрос возникает и в связи с закрытием Московского КИЖа. Ученые единодушно утверждают, что хотя «…постановления принимались ЦИК СССР, происходило это не без участия ЦК ВКП(б)»[26].

Таким образом, за двадцать с небольшим лет журналистское образование в СССР, начавшееся с трехмесячной профессиональной школы, открытой в 1919 г. при РОСТА, к 1940-м годам превратилось в широко разветвленную, дифференцированную систему.

Перед войной все институты журналистики были зарыты, кроме свердловского и алма-атинского, которые в июле 1941 г. вошли на правах факультетов в состав Уральского и Казахского университетов. В августе 1944 г. факультет журналистики был открыт в Белорусском университете, в 1946 г. начало функционировать отделение журналистики на филологическом факультете Ленинградского, а год спустя – Московского университета.

Наступила пора университетской подготовки журналистских кадров.

История факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (М.: Гуманитарный центр «Монолит», 2007. С. 14–21)

ИЗ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВ ПО ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ

ОТ УЕЗДНОЙ ДО РАЙОННОЙ

Почти половину всех выходящих у нас в стране газет составляют городские и районные. Это – самые массовые издания советской прессы.

Выпуск некоторых городских и районных газет продолжается еще с дооктябрьского периода. Так, районные газеты Московской области «Подольский рабочий» и «Орехово-Зуевская правда» издаются соответственно с июня и июля 1917 г. С сентября 1917 г. печатается газета «Знамя коммунизма» Славгородского района Алтайского края, называвшаяся в то время «Бюллетень известий Славгородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Одной из самых старых по времени издания является газета Александровского района Владимирской области «Голос труда», первый номер которой под тем же названием увидел свет 28 мая (10 июня) 1917 г.

Столь раннее появление подобных изданий объясняется тем, что некоторые местные Советы были большевистскими еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Однако почти полностью большевистскими они становятся к осени 1918 г., благодаря чему уже в первый год пролетарской диктатуры сложилась довольно разветвленная сеть их печатных органов. По неполным данным, в 1918 г. в стране выходило 200 губернских и 250 уездных газет[27]. В губерниях только одной Московской области в июне 1918 г. издавалось 76 органов Советов, хотя еще далеко не все уезды имели свои газеты: в Тверской губернии насчитывалось 14 уездов, а газет было 10; в Московской губернии – 13 уездов, газет – 7; в Тульской губернии – 12 уездов, газет – 6; в Ярославской на 10 уездов приходилось только две газеты[28].

Программа деятельности советской печати, в том числе и местной, была разработана В.И. Лениным уже в первые месяцы после победы Октябрьской революции. Исторически первыми, имевшими важное теоретическое и практическое значение для советских журналистов, были его работы «Из дневника публициста (Темы для разработки)», «Как организовать соревнование?» – обе написаны в декабре 1917 г., первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» (март 1918 г.). Печать должна служить орудием социалистического строительства – эта мысль пронизывала и последующие основополагающие для всей отечественной журналистики ленинские статьи: «О характере наших газет», «Великий почин» и др. В.И. Ленин теоретически обосновал новую

социальную роль, перспективы дальнейшего развития и характер задач партийно-советской печати, призванной впервые в мировой истории помогать многомиллионным массам трудящихся строить социалистическое общество.

В свете ленинских идей особую значимость приобретала агитационно-пропагандистская, организаторская работа среди беднейшего крестьянства, для которого и создавались уездные газеты. Специфика этих изданий была определена в первых же партийных документах о печати, принятых после Октябрьской революции. «Провинциальная печать должна иметь в виду почти исключительно массового читателя»[29], – подчеркивалось на VIII партийном съезде. В последующие годы принимается целый ряд специальных решений, конкретизировавших типологию местной прессы. Особенно важное значение имели циркуляр ЦК РКП(б) «О программе местной газеты» от 4 апреля 1921 г., резолюция совещания секретарей областных и губернских комитетов, состоявшегося в конце декабря того же года, «Об усилении местной периодической печати» и письмо ЦК РКП(б) «О плане местных газет» от 7 июня 1922 г. *Основным типом уездной газеты,* подчеркивалось в указанных документах, должна быть популярная политическая, рассчитанная главным образом на читателя-крестьянина газета, выходящая один-три раза в неделю. В соответствии с типом издания намечались проблематика, отделы, жанры. На первый план выдвигалась жизнь уезда, за ней жизнь губернии, всей Советской Республики, международная тематика.

Ориентируя журналистов на «самое широкое и полное» освещение жизни уезда, эти решения выделяли в качестве главной сельскохозяйственную проблематику. Одновременно акцентировалось внимание на необходимости самой тесной связи редакции с волостями и селами. Особое внимание обращалось на постановку «Справочного отдела». «Этот отдел, – подчеркивалось в письме ЦК РКП (б) “О плане местных газет”, – в уездной газете имеет исключительное значение, так как главными читателями уездной газеты являются крестьяне, которые больше всего нуждаются в советах, разъяснениях и справках»[30].

Подробные указания содержались и о развитии всей системы местной печати: в тех уездах, где из-за отсутствия материальных средств и журналистских кадров невозможно было наладить выпуск даже еженедельной газеты, рекомендовалось издание районных органов печати, обслуживавших несколько соседних уездов.

В связи с тем что многие крестьяне были малограмотны, а то и совсем неграмотны, первостепенное внимание уделялось

популярности изложения и форме подачи материала.

В качестве первого и главнейшего условия правильной постановки массовой газеты выдвигалось наличие постоянной крепкой связи между редакцией и читателями. Связь эта, подчеркивалось в циркуляре ЦК РКП (б) «О программе местной газеты», должна измеряться десятками и сотнями ежедневных писем в редакцию, объездом и посещением сотрудниками редакции всех сел, деревень, заводов, мастерских и учреждений своего уезда, а также наличием действующей сети корреспондентов, при создании которой предлагалось использовать все существующие в данном районе организации, партийные литколлегии, завкомы, Советы, селькомы, клубы, школы и т. д.

Существенный вклад в становление уездной печати внесло РОСТА, его местные отделения, возникшие в 1919 г. Уже к маю 1920 г. функционировало 68 губернских и областных и 50 уездных отделений РОСТА[31], которые имели разветвленную сеть корреспондентов на местах, вели разнообразную издательскую, агитационно-пропагандистскую деятельность. В их прямые обязанности входило инструктирование сотрудников местной печати. Отделения РОСТА регулярно выпускали инструкторские странички, в которых печатались обзоры губернских и уездных газет, материалы о том, как писать для рабоче-крестьянской газеты, давались рекомендации по верстке и другие советы.

Наиболее важное значение для периферийных журналистов имели «Инструкторские странички» стенной газеты Московского отделения РОСТА, вместо которых с августа 1920 г. начал выходить журнал «Красный журналист» (предшественник нынешнего «Журналиста»).

Главная цель журнала – дать работникам местной печати как можно больше советов по различным жанрам, языку газет, оформлению номеров. «Пишите проще», «Искусство писать популярно» – эти и другие статьи первого номера заостряли внимание на главном ленинском требовании к журналистам: «Поменьше политической трескотни!» Не случайно эти слова были вынесены и на обложку журнала.

Предназначенные для газетчиков издания явились действенным средством партийного руководства прессой. Таковыми стали и созданные позднее всесоюзные журналы «Красная печать» (декабрь 1921 г. – июнь 1928 г.) и «Журналист» (сентябрь 1921 г. – сентябрь 1933 г.). Под заголовком «Красной печати» было указано: инструкторский орган, что и определяло основное направление этого журнала – помогать отделу печати ЦК партии, органом которого он являлся, руководить прессой.

Уже за первые 26 месяцев в журнале появилось около 500 отзывов о периодических, в том числе местных, изданиях[32]. Названия его постоянных рубрик – «Газета и читатель», «Рабселькор», «Опыт мест», «Трибуна журналиста» – дают представление о том, сколь велик вклад этого издания в развитие местной печати.

Еженедельник «Журналист» также активно направлял деятельность губернских и уездных газет. Ни один вопрос их практической работы, включая подготовку журналистских кадров, не выпадал из поля зрения его редакционного коллектива, неизменно заострявшего внимание на наиболее актуальных проблемах социалистического строительства.

Уделяя самое пристальное внимание местным изданиям, партия особую заботу проявляла о журналистских кадрах. Острая нехватка газетных работников – одна из важнейших причин тяжелого кризиса местной печати в начале 20-х годов. Наиболее сильно этот кризис ощущался в уездной печати. Можно привести немало свидетельств того, насколько трудным было положение в редакциях уездных газет. В статье Л. Сосновского «Миргородский редактор», опубликованной в первом номере «Журналиста» за 1922 г., рассказывалось о том, что редактор уездной газеты не только сам писал все материалы в номер, но и выпускал и развозил ее тираж. В статье подчеркивалось, что подобное положение не являлось исключением, так как уездная пресса тех лет представляла собой «сплошь однолошадное хозяйство», «сплошь Миргород». Неудивительно, что многие уездные газеты велись на низком уровне, не имели необходимого числа подписчиков, закрывались. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие данные: на 1 января 1922 г. в стране насчитывалось 490 уездных газет, а на 1 августа того же года осталось всего 136[33].

Прилагались немалые усилия, чтобы выправить положение с кадрами. В 1919–1920 гг. РОСТА организовало ряд курсов и школ для журналистов. Курсы корреспондентов были созданы при Витебском, Казанском, Одесском, Смоленском, а также при других отделениях РОСТА. В декабре 1920 г. открылся Петроградский институт журналистики. В марте 1921 г. было утверждено Положение об одногодичном Московском институте журналистики. Принимались все меры по качественному улучшению печати, ее кадров. В результате к январю 1923 г. число уездных газет увеличилось до 190, то есть на 54 издания по сравнению с августом 1922 г.[34]

Нелегко пришлось первым советским журналистам местной печати, вооруженным, как писал в своих воспоминаниях старый газетчик О. Литовский, огромным желанием работать, но

совершенно не разбиравшимся в технике газетного дела. «Все, начиная с подсчета газетных строк до верстки номера, – свидетельствует он, – было ддя нас книгой за семью печатями»[35]. Трудности заключались и в отсутствии средств, бумаги, в слабости полиграфической базы. Но вопреки этим объективным обстоятельствам благодаря самоотверженным усилиям журналистов все большее число уездных газет становились своими для крестьянского читателя.

О главной направленности уездных газет можно судить уже по их названиям: «Крестьянская жизнь», «Новый пахарь», «Голос бедноты», «Вольный пахарь», «Голос пахаря», «Труженик», «Жизнь деревни», «Голос деревни». Ведущими были отделы: «По уезду», «В уездном Совете», «Новое в деревнях и селах», «Из деревни». Оперативно помещались декреты Советского правительства, перепечатывались из «Правды» статьи В.И. Ленина. Внимание читателей привлекали публикации под рубриками: «Партийная неделя», «Неделя крестьянина», «Неделя ремонта», «Неделя мобилизации на фронт», «Странички женщины», «Странички красной молодежи». В каждом номере имелась подборка «Крестьянские письма».

Живое представление об уездной печати того времени дают воспоминания ветеранов советской журналистики. Так, П. Шари, сотрудничавший в можайской газете «Новый пахарь», свидетельствует: «Время было трудное. Как жила можайская деревня в двадцатые годы, можно судить по тому, что желал “Новый пахарь” крестьянину в 1925 году. В первом номере за этот год крупным шрифтом было напечатано: “Новый пахарь” желает крестьянину, чтобы:

1. Каждый мужик мог вместо лаптя носить сапог.

2. В деревне была не ворожея-дура, а советская культура[36]».

Из воспоминаний также узнаем, что отделов в редакции уездной газеты в то время не было: весь ее штат составлял пять человек вместе с редактором. Каждому приходилось писать обо всем: о работе партийных и комсомольских организаций, сельских Советов, кооперации, комитетов крестьянских обществ взаимопомощи. Газетные полосы пестрели заголовками: «Агроном – красный командир на сельскохозяйственном фронте», «Сельскохозяйственные кружки – двигатели крестьянского хозяйства», «Клячу заменим хорошим конем».

Типичным примером уездной газеты может служить «Крестьянин-коммунист», издававшийся в г. Яранске Вятской губернии. Рубрики его полос типичны для уездной печати тех лет: «Земледелец», «Из жизни кооперации», «Уроки политграмоты», «Переписка с читателями», «По нашей губернии». Регулярно

появлялась рубрика «Продвигайте газету в деревню». Редакция стремилась разнообразить формы массовой работы: в январе-феврале 1924 г. газета успешно провела общественный конкурс на лучшего учителя Иранского уезда. В это же время по инициативе редакции был созван первый уездный съезд сельских корреспондентов. «Первые огоньки среди деревенской темноты» – так характеризовали выступающих селькоров, выражая надежду, что в каждой деревушке будет непременно свой корреспондент. На съезде был выработан «Наказ газете», в котором редакции предлагалось все материалы писать более короткими, ясными фразами, отдел местной жизни «сделать зеркалом уезда», передовые набирать более крупным шрифтом, оживить газету рисунками. Следуя этим советам, редакция добивалась, чтобы газета стала органом, в котором бы «слова задаром не пропадали». И хотя тираж газеты рос медленно, она постепенно улучшалась. В январе 1924 г. «Крестьянин-коммунист» печатался на двух полосах в количестве 1200 экземпляров, а в июне того же года издание стало четырехполосным и его тираж увеличился до 1500 экз.

Значительный интерес представляет деятельность «Деревенской газеты», издававшейся в г. Гдове Ленинградской губернии[37]. В партийных документах находим ее оценку как «образцовой крестьянской газеты». В 20-х годах она имела солидный для уездной газеты тираж – 5 тыс. экз. Улучшились показатели и по числу подписчиков: один подписчик приходился на *5,5* крестьянских двора (заметим, что одна из лучших уездных газет той же губернии, лужская «Крестьянская правда», имела одного подписчика на 7 дворов).

Успех «Деревенской газеты» был обусловлен ее тесными связями с читателем-хлеборобом: редакция получала по 50–60 крестьянских писем в день. Это позволило регулярно помещать «Отделы-обзоры» и «Отделысводки» писем под заголовками: «От темени к свету», «Земельные дела», «Дела лесные», «Лучшие люди деревни», «Среди батраков», «Крестьяне и красноармейцы». Обычно публиковалось до 5—20 семистрочных заметок, излагавших содержание письма под самостоятельными заголовками.

Неизменный интерес вызывала у читателей четвертая полоса – «Сельская научная энциклопедия». Крестьянского читателя особенно привлекали такие подборки этой полосы, как «Беседы врача», «Крестьянское домоводство», «Крестьянам-садоводам», «Охотникам-крестьянам» и т. д. Редактор «Деревенской газеты» СМ. УсасВодкин вспоминал впоследствии, что публикации четвертой полосы крестьяне нередко сохраняли длительное

время[38].

История уездной печати примечательна тем, что среди организаторов местных изданий были известные писатели, поэты, видные партийные работники. Так, редактором «Известий» Камышловского уезда Екатеринбургской губернии в 1918 г. являлся П.П. Бажов. В 1919–1920 гг. он же редактировал уездную газету в Усть-Каменогорске на Алтае, которая сначала называлась «Известия», а затем стала выходить под названием «Советская власть». С первых шагов редакторской деятельности писатель проявил себя как незаурядный журналист: много писал о народном образовании.

Среди тех, кто создавал уездную печать, были также К. Федин, М. Исаковский. Первый редактировал газету в Сызрани, второй – в Ельне. Широкую известность получила книга редактора весьегонской уездной газеты Тверской губернии А.И. Тодорского «Год с винтовкой и плугом». Первые успехи социалистического строительства, о которых рассказывалось в книге, – это и показатель плодотворной деятельности выходивших в Весьегонске газет «Известия» и «Красный Весьегонск». Высокую оценку книге А.И. Тодорского дал В.И. Ленин, назвавший ее «замечательной». В статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» он писал что с этой книгой следует ознакомить «как можно большее число рабочих и крестьян» и что из нее «надо извлечь серьезнейшие уроки по самым важным вопросам социалистического строительства…»[39]

За время развития уездной печати выросло немало талантливых селькоров, преданнейших борцов за победу социализма. Среди них можно назвать И.М. Заламаева, активно сотрудничавшего в демидовской уездной газете Тверской губернии «Слово коммуниста». Впоследствии его корреспонденции за подписью Лапотник регулярно появлялись в губернских газетах «Смоленская деревня» и «Рабочий путь». Кулаки бешено мстили селькору: они отобрали у него корову, грозились отнять и хату. И.М. Заламаев обратился с письмом лично к В.И. Ленину. По его указанию незаконно отобранная корова была немедленно возвращена селькору. Кулаки неоднократно покушались и на жизнь И.М. Заламаева, но ничто не могло заглушить голос партийного журналиста, до конца оставшегося верным борцом партии. В сентябре 1942 г. за связь с партизанами восьмидесятилетний И.М. Заламаев был расстрелян гитлеровцами.

Много сил отдал селькоровской деятельности А.Т. Твардовский. Его первые заметки появились в газетах летом 1924 г., когда кулаки преследовали не только И.М. Заламаева, но

и многих других. Они убили селькора Тихонова из Рославльского уезда, грозили селькору Радькову из Преснянской волости, о чем сообщалось в смоленских губернских газетах. Это и послужило А.Т. Твардовскому поводом для написания стихотворения «Селькор», опубликованного 3 января 1926 г. в «Смоленской деревне». Юный поэт писал:

Каждый день за спиной расправа.
Из обреза выстрел роковой…

С 1923 г. начинается процесс преобразования уездов в районы, продолжавшийся до 1929 г. Параллельно с ним шло и развитие *районной печати* – достойной преемницы уездной прессы. В 1929 г. в стране насчитывалось уже 309 районных газет, разовый тираж которых составлял 800 тыс. экз. Период особенно интенсивного развития районной печати приходится на начало 30-х годов. Существенную роль в этом сыграло постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации сети газет в связи с ликвидацией округов», принятое 11 августа 1930 г. На базе окружных газет, обслуживавших по нескольку уездов, в которых постановка своих печатных органов была особенно трудной, а также колхозно-совхозных и некоторых фабрично-заводских газет была развернута сеть районных газет, ставших, как в свое время и уездные издания, массовыми политическими органами. Программа деятельности районной прессы была определена постановлением ЦК ВКП(б) «О сельской районной и низовой печати» от 18 января 1931 г. «Ликвидация округов и укрепление районов – основного звена социалистического строительства в деревне», – подчеркивалось в нем, – усиливает роль районной печати как орудия партии по организации масс на осуществление задач сплошной коллективизации и ликвидации на ее основе кулачества как класса, по социалистическому воспитанию и культурному подъему масс»[40].

Поистине стремительным было развитие районной печати: с 1928 по 1932 г. число районных газет выросло в 39 раз[41]! К середине 1940 г. в стране выходило 3500 газет, имевших разовый тираж 10 млн экз.[42] и ставших подлинными организаторами масс на решение стоящих перед районами задач. Коллективизация сельского хозяйства – эта главная задача районных изданий – нашла отражение в их названиях. Многие десятки газет имели заглавия: «За коллективизацию», «За колхоз», «За колхозную деревню», «Знамя коллективиста», «Знамя колхоза», «За колхозную жизнь».

Уже в 30-х годах районные газеты начинают выходить даже в

самых отдаленных, самых отсталых в царские времена районах Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока. В 1930–1933 гг. стали издаваться «Енисейская правда» (Енисейский район Красноярского края), «Двинская правда» (Котласский район Архангельской области), «Ударник» (Усть-Большерецкий район Камчатской области), «Маяк Арктики» (Булунский район Якутской АССР) и многие другие.

Важное значение для укрепления районной прессы имело создание газет при политотделах МТС: 2150 изданий – такова была их численность к концу 1933 г., а разовый тираж – 1 млн экз. Двухполосные, небольшого формата – сначала в четвертую часть, а потом в полстраницы «Правды» – газеты эти внесли неоценимый вклад в укрепление МТС и коллективных хозяйств.

Сыгравшие заметную роль в развитии массовой советской печати, многие политотдельские газеты по решению ноябрьского (1934 г.) Пленума ЦК ВКП(б) были слиты с районными, что существенно укрепило их кадры и полиграфическую базу.

Квалифицированную помощь оказывал работникам районных газет журнал «Районная печать», выходивший в 1931–1941 гг.[43] Его редакция стремилась всемерно содействовать развитию районной прессы, помогать редакторам своевременно ставить те вопросы, на решение которых партия нацеливала массы. Этому особенно способствовал постоянный отдел «В блокнот редактора», в котором оперативно помещались краткие сведения по самым актуальным темам политики партии и социалистического строительства.

О том, какого уровня достигла районная печать в предвоенные годы, рассказывала экспозиция, представленная в павильоне печати на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, открывшейся в 1939 г. Посетители имели возможность познакомиться с работой 297 лучших районных газет, 20 из которых были награждены дипломами и премиями выставки. Дипломы первой степени, премии по 10 тыс. руб. и легковые автомашины получили 5 районных газет: «Авангард» Раменского района Московской области; «Красное Приазовье» Азовского района Ростовской области; «Стахановец» Броварского района Киевской области; «За коммуну» Кропоткинского района Краснодарского края; «Голос коммунара» Ново-Анненского района Сталинградской области. 15 газет были удостоены дипломов второй степени, а их редакциям вручены премии по 5 тыс. руб. и мотоциклы.

Славной страницей истории советской печати является деятельность районных газет в годы Великой Отечественной войны. Хотя они стали двухполосными, редакционные

коллективы сумели превратить их в боевые органы по мобилизации масс на разгром немецко-фашистских захватчиков, на выполнение конкретных задач по активной поддержке фронта, стоявших перед районами.

Одной из лучших в суровую военную пору была признана газета «Коммунист» Воскресенского района Московской области. В письме Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 3 марта 1942 г. «О работе районных газет» отмечалось, что редакторы районного звена «могут многое заимствовать из опыта Воскресенской газеты…»[44] В целях распространения этого опыта Управление пропаганды не только подробно проанализировало содержание газеты, отметило ее достоинства (обилие местных материалов, разнообразие информации по городу и деревне, привлекательное оформление), но и приложило к своему письму, разосланному в местные редакции, шесть номеров «Коммуниста».

В соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) ведущими в районных газетах тех лет были рубрики: «Помощь фронту», «Сообщения о ходе военных действий», «Партийная жизнь», «Информация». Особое внимание обращалось на передовые статьи, основанные на фактах и примерах из жизни района.

Дальнейшее расширение сети районной печати происходило и в послевоенные годы. После окончания Великой Отечественной войны 10 районных газет было создано в Калининградской области, 9 – в Сахалинской. Появлялись новые газеты и в других краях и областях. Так, в Приморском крае в 1945 г. начали издаваться газеты «Ударник» (Лазаревский район), «Победа» (Пожарский район), в 1954 г. – «Авангард» (Кавалеровский район), в 1962 г. – «Ударный фронт» (Иманский район), в 1963 г. – «Восход» (Анучинский район), «Знамя труда» (Кировский район).

История районной печати – яркое свидетельство неустанной заботы партии о всемерном развитии этого самого массового типа изданий. Из партийных документов, направленных на ее качественное улучшение, следует особо выделить постановления Центрального Комитета «О мерах по улучшению районных газет» (1952 г.), «О повышении роли районных газет в коммунистическом воспитании трудящихся» (1968 г.). Самое серьезное внимание на коренное улучшение районной печати было обращено на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, в соответствии с решениями которого в 1984 г. ЦК КПСС принял Постановление «О дальнейшем улучшении деятельности районных и городских газет», а Совет Министров СССР – Постановление «О мерах по укреплению материально-технической базы объединенных, окружных, районных и

городских газет». За время, прошедшее после принятия этих документов, в работе районной печати наметились обнадеживающие тенденции, требующие всяческой поддержки.

В настоящее время в Советском Союзе издается 3780 районных, городских, объединенных (городских и районных) и окружных газет, в которых трудится большая армия журналистов – свыше 30 тыс. человек. Совершенствуя работу, районные газетчики стремятся к повышению эффективности своих изданий. Стали обычными выездные редакции в крупнейших хозяйствах района, во время которых за «круглым столом» обсуждаются насущные проблемы трудовых коллективов земледельцев и животноводов. Читателей привлекает разнообразие рубрик, обилие деловых выступлений. Большим авторитетом у аудитории пользуется, например, «Приволжская правда», издающаяся в г. Кинешме Ивановской области. На страницах «Приволжанки», как ее любовно называют читатели, часто появляются публикации под рубриками: «Проблемы, суждения», «Трибуна рабочего», «На острую тему», «Человек в коллективе», «Город наш, о нем нам и заботиться», тематические полосы «Семья, школа, общество», «Современница», «Новатор», информационные подборки «Вчера в городе и районе». В 1987 г. получили Почетные грамоты Союза журналистов СССР и рекомендованы для показа в павильоне «Советская печать» ВДНХ газеты «Ленинец» (г. Неман, Калининградская область), «Маяк» (г. Вологда), «Ленинский шлях» (г. Дергачи, Харьковская область).

Значительно активизировалась работа редакций с авторским активом. При газетах создаются школы и университеты рабкоров, клубы юных журналистов. Успешно работает с рабселькорами редакция газеты «Ветлужский край» Шарьинского района Костромской области. Свидетельство тому – возрастающий приток писем читателей (до 3 тыс. ежегодно) и тираж, достигший 14 тыс. экз.

За лучшую постановку массовой работы редакции городских, объединенных, районных и многотиражных газет ежегодно отмечаются премиями имени М.И. Ульяновой. За 1987 г. отмечены газеты «Колгоспна зоря» (г. Винница), «Сокольская правда» (Вологодская область), «Под знаменем Ленина» (г. Кораблино, Рязанская область), «Труд» (п. Клинцы, Брянская область), «Сияние Севера» (п. Вуктыл, Коми АССР).

Коллективы редакций настойчиво добиваются превращения районных, объединенных, городских газет в еще более действенное средство осуществления политического руководства экономическим, социальным и культурным развитием районов, коммунистического воспитания трудящихся.

Рабочая книга редактора районной газеты (М.: Мысль, 1988. С. 24–34)

ВО ИМЯ РОССИИ
Публицистика русского зарубежья

Октябрьская революция и гражданская война вызвали огромную эмигрантскую волну: Россию покинули, по различным оценкам, до трех миллионов человек[45]. К декабрю 1924 г. только в Германии оказалось около 600 тыс. русских эмигрантов, во Франции – около 400 тыс., в Маньчжурии – более 100 тысяч, даже в США – около 30 тысяч. Русские эмигранты обосновались в 25 государствах, не считая стран Америки. Столь огромная эмиграция переставала быть лишь способом физического выживания. Она приобретала характер духовной миссии, которая заключалась в том, чтобы сохранить ценности и традиции русской культуры и продолжить творческую жизнь ради духовного прогресса родины, независимо от того, суждено ли было эмигрантам вернуться домой, или умереть на чужбине.

Поэтому эмигранты, даже попав в чуждое окружение, хотели жить, работать и творить как неотъемлемая часть России, посланцами которой они себя считали. Они остались за границей и создали Зарубежную Россию именно для того, чтобы передать своим детям взгляды на сущность истинной русской культуры. Какие бы разногласия о сути русской культуры и ее традициях ни возникали среди эмигрантов, они преодолевались ради молодого поколения, которому, как они считали, предстояло в будущем создавать новую свободную Россию. Слова Зинаиды Гиппиус «Мы – не в изгнании, мы – в послании» стали своего рода девизом Зарубежной России.

Центрами русского зарубежья были Берлин, Париж, Рига, Прага, Харбин, в меньшей степени и в течение более короткого времени – Константинополь (в первые годы), Белград, София, а также ряд населенных пунктов в Аргентине и США (в послевоенные годы). Возникновение подобных центров стало возможным также благодаря значительной русской аудитории, готовой и стремящейся к восприятию культурных ценностей, создаваемых их товарищами по изгнанию. Очагами притяжения являлись энергичные и творчески активные люди, которые, несмотря ни на что, продолжали вносить вклад в развитие русской культуры, и те печатные органы, которые имели достаточно средств для распространения своих изданий.

Приход к власти в Германии Гитлера и последовавшая вскоре немецкая оккупация Чехословакии подорвали творческий потенциал центров русской эмиграции в этих странах и положили

конец существованию там русских учебных заведений, литературной и художественной жизни.

Последний удар по России за рубежом был нанесен начавшейся в 1939 г. Второй мировой войной, в особенности немецким вторжением во Францию, а затем ее поражением весной 1940 г. Война принесла материальные тяготы и невзгоды, от которых страдала вся завоеванная Гитлером Европа, но, кроме того, она сделала невозможным творчески свободное существование русской эмиграции.

Многие эмигранты пережили войну, немало их героически сражалось за независимость стран, предоставивших им убежище. Тем не менее как самостоятельное «общество в изгнании» русская эмиграции выжить не смогла. В 1945 г. произошли два важных события, которые и положили конец истории России за рубежом. Во-первых, молодое поколение эмигрантов, принявшее участие в войне против Гитлера, и их дети оказались полностью интегрированными в общества тех стран, где они проживали. Во-вторых, за границу стали прибывать русские беженцы второй волны – так называемые перемещенные лица. Часть из них составляли эмигранты, прежде жившие на Балканах и в Центральной Европе и вновь бежавшие от Красной Армии. Но в основном это были военнопленные, угнанные на работы в Германию мирные жители Советского Союза, или же те, кто по каким-либо причинам решил воспользоваться немецкой оккупацией и бежать от сталинского режима. В отличие от своих предшественников – эмигрантов 1920-х годов – новые беженцы отнюдь не стремились к воссозданию России за рубежом. Они хотели лишь обрести мир, безопасность, спокойную жизнь вдали от кошмаров Советской России. В силу всех названных причин временем существования России за рубежом «общества в изгнании», можно считать период с 1919 по 1939 год[46].

История русской эмиграции позволяет заключить, что в географическом смысле она не представляла собой единого целого. Ее представители были рассеяны по разным странам и континентам. Центры русского зарубежья сформировались там, где значительные по численности группы творчески активных в науке или искусстве эмигрантов находили более или менее стабильные условия для своей деятельности.

Так как русская диаспора возникла в результате политических изменений, произошедших в России, – после длительной мировой войны, радикальной политической революции, кровавой гражданской войны, – то есть, казалось бы, все основания предположить, что русское зарубежье должно было сосредоточить основное внимание на политических проблемах и

политического же свойства предрассудках. Это, однако, верно лишь в самом общем смысле.

Единственное убеждение, разделявшееся большинством эмигрантов и особенно остро ощущавшееся в первые годы эмиграции, – это неприятие большевистского режима. Интеллектуальные споры разворачивались по двум основным вопросам. Первый: как большевикам удалось захватить власть, и кто в том виноват? Второй вопрос касался будущего большевистской системы.

В 20—30-е годы контакты между эмигрантами и советскими гражданами были ограничены, а после 1934 г., когда советская власть ужесточила политику внутри страны и полностью отрезала ее от внешнего мира, прекратились окончательно, русское зарубежье лишилось возможности сношений с Советской Россией. Советские граждане боялись поддерживать связи с внешним миром, в первую очередь – с эмигрантами.

В конце концов из-за отсутствия прямых и действенных контактов с сочувствующими на родине, которые в свое время столь широко поддерживали русские эмигранты XIX – начала XX века, всякая политическая жизнь в изгнании заканчивалась бесплодными усилиями.

Гораздо успешнее представители русского зарубежья реализовали себя в культурной сфере деятельности. Для русской эмиграции культура была существенной составной частью их национального самосознания, мироощущения образованного русского человека. Все ее проявления в литературе, художественном и научном творчестве нации, которое развивается в рамках таких общественных институтов, как церковь, школа, театр, книги и журналы, неформальные общественные клубы, общества и организации, отмечены печатью особой, русской индивидуальности.

Доминирующей формой выражения творческого потенциала русской культуры всегда, начиная с петровской эпохи, была литература. В разнообразных своих формах она отражала культурный идеал и наиболее яркие элементы самосознания интеллигенции. В эмиграции литература приобрела еще более существенное значение для сохранения «русскости» коллектива эмигрантов, поскольку язык, слово выступают как основные признаки принадлежности к определенной группе. Русское слово, устное и печатное, связывало между собой разбросанных по свету эмигрантов.

Естественно, что и русскоязычная печать служила для эмигрантов средством выражения их принадлежности к «обществу в изгнании» и осуществления той культурной миссии,

которую русское зарубежье выполняло по отношению к обеим Россиям.

В Германии первоначально находилось наибольшее число русских эмигрантов, так как в 1922–1923 гг. стоимость жизни для иностранцев здесь была наиболее низкой, и открывались возможности дешевле публиковать литературные произведения и выпускать периодические издания.

Стабилизация марки, наступившая после 1924 г., драматическим образом повлияла на рост стоимости жизни и обусловила массовый отток эмигрантов из Германии. Новые волны отъездов поднимались по мере ухудшения политической обстановки в Веймарской республике, когда постепенно создалась угроза не только свободе слова, но и личной безопасности людей.

В то же время рост безработицы в период Великой депрессии, начавшейся в 1931 г., вызвал к жизни целый ряд законодательных актов, ограничивавших возможности трудоустройства иностранцев, так что многие русские эмигранты были вынуждены искать счастья в другом месте. В результате русская община в Германии к 1930 г. сократилась до 90 тысяч.

Во Франции в целом отношение к эмигрантам было весьма либеральным, кроме вьщачи разрешений на трудоустройство. Зато французские власти выдавали виды на жительство на большие сроки, для тех же, кто располагал определенными средствами, ограничений вовсе не существовало. Русские, проживая привезенные из России сбережения и беднея год от года, имели, тем не менее, возможность насладиться свободной и волнующей атмосферой культурной жизни Парижа и в определенной мере вносили и свой вклад в ее развитие. Неудивительно, что Париж стал настоящей политической и культурной столицей зарубежной России, где были представлены все оттенки политических взглядов и все культурные течения.

Русское зарубежье должно было заботиться об объединении своих разбросанных по свету граждан, сохранении и развитии их самосознания. Печатное слово – газеты, журналы, книги – были действенным и фактически единственным средством достижения этих целей.

Рассеянные по всему земному шару группы эмигрантов были слишком немногочисленны и слишком бедны чтобы, например, основать радиостанцию: для ее организации необходима была государственная лицензия, и по тем временам она не обладала большим радиусом действия. Личные контакты были затруднены в связи со сложностями с оформлением виз и заграничных паспортов. Поэтому основная роль в поддержании и укреплении чувства единства русского зарубежья принадлежала

издательскому делу.

Различные политические группировки издавали за границей в общей сложности свыше трех тысяч наименований газет и журналов. В этом огромном потоке периодики четко выделяются органы печати монархистов, кадетов, эсеров и меньшевиков. На самом правом фланге находились такие издания, как «Двуглавый Орел» (затем «Вестник Высшего монархического Совета». Берлин, Париж – 1920–1922 гг.), газета «Новое время» (Белград, 1921–1930 гг., ред. М.А. Суворин). Затем следует назвать более умеренные журналы «Грядущая Россия» (Париж, 1920, редакторы – лидер энесов[47] Н.В. Чайковский и М.А. Ландау-Алданов) и «Русская мысль» (София, Прага, Берлин, 1921–1924 гг., ред. П.Б. Струве). К ним примыкала право-кадетская газета «Руль» (Берлин, 1920–1931, ред. И.В. Гессен). Ведущим органом кадетов являлась газета «Последние новости» (Париж, 1920–1940 гг. ред. П.Н. Милюков); центральным органом эсеров был журнал «Революционная Россия» (Юрьев, Берлин, Прага, 1920–1931 гг., ред. В.М. Чернов), меньшевиков – «Социалистический вестник» (Париж, Нью-Йорк, 1921–1965, первым редактором был Л. Мартов – Ю.О. Мартов-Цедербаум). Широкую известность получил журнал «Современные записки» (Париж, 1920–1940, ред. коллегия: Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков-Фондаминский, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, В.В. Руднев). Не утихали споры вокруг сменовеховских изданий: журнала «Смена вех» (Париж, 1921–1925) и газеты «Накануне» (Берлин, 1922–1924. Редактором и журнала, и газеты был Ю.В. Ключников). Не менее известным был «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)» (Париж, Берлин, Нью-Йорк, 1929–1941, ред. Л.Д. Троцкий).

Монархисты сгруппировались вокруг претендовавших на титул российского императора великого князя Николая Николаевича (внука Николая I, Верховного главнокомандующего русской армией в 1914–1915 гг.) и великого князя Кирилла Владимировича (внука Александра II, двоюродного брата Николая II). 8 августа 1924 г. Кирилл Владимирович издал манифест «К русскому народу», в котором объявил себя вождем монархического движения и единственным законным претендентом на русский престол, а через три недели провозгласил себя государем всея Руси Кириллом I. Покончить с коммунизмом и обеспечить реставрацию династии Романовых призывали оказавшиеся за границей члены Союза русского народа (СРН) В.Н. Пуришкевич (умер в 1920 г.), В.В. Шульгин, Н.Е. Марков и др. Одним из главных идеологов продолжения борьбы с большевиками «всеми способами и прежде всего “вооруженным путем”» был П.Б. Струве, редактировавший в

эмиграции журнал «Русская мысль». (Существует роспись содержания журнала: Исследования по истории русской мысли. М., 1997.)

Целью данного издания, основанного еще в 1880 г. в Москве, было стремление сплотить «все живые духовные силы», преданные идее «органического российского национального возрождения», пронизанной духом «белой борьбы» и реставрации. Журнал расценивал русскую революцию как разрушение и деградацию всех сил народа. В статьях П. Струве «Размышления о русской революции», «Прошлое, настоящее и будущее», «Мысли о национальном возрождении России», «Россия» и других утверждалось, что падение большевистской власти «приближается неотвратимо и ускоренно». В то же время редакция информировала читателей, что процесс объединения русских сил вокруг великого князя Николая Николаевича, одного из претендентов на царский престол, неизменно продолжается. «К великому князю, живущему недалеко от Парижа, – читаем в 9—12 номерах журнала за 1923—24 гг., – приезжал генерал Врангель и был очень сердечно им принят. Во всех государствах, где живут сейчас русские, начат сбор пожертвований в казну Великого князя», «Фонд спасения России». Этот сбор являлся первой попыткой двухмиллионной зарубежной России собственными силами начать дело борьбы за родину, не надеясь на державы, на «американские миллионы или на одни стихийные процессы в советской власти. Понятно поэтому раздражение, с которым этот сбор был встречен в большевистских и соглашательских кругах»[48]. К этому же центру, сообщалось в журнале, примыкают и русские люди на Дальнем Востоке, наибольшее количество которых вне большевистской власти находится в Маньчжурии и горах Китая.

В журнале было помещено также «Заявление Великого князя Николая Николаевича», сделанное им американским журналистам в начале мая 1923 г. «Вы спрашиваете меня, как я отношусь к призыву моих соотечественников стать во главе движения во имя освобождения России… Я готов отдать все свои силы и жизнь на служение Родине»[49].

В течение двух лет, начиная с 1921 г. до 1923 г., в журнале публиковались воспоминания В.В. Шульгина «1920 год», «Дни». Приступая к их печатанию, редакция заявляла, что этот человеческий и исторический документ будет «во всей его значимости оценен и современниками и стремящейся к живой правде историей». В ряде номеров публиковался «Дневник» З. Гиппиус («История моего дневника» и «Черная книжка»), оцененный редакцией, как «замечательный документ

переживаемой эпохи». Почти в каждом номере появлялись стихи Н. Гумилева, И. Бунина, М. Волошина, М. Цветаевой. Значительный интерес представляют статьи «Из размышлений о революции» С. Франка.

«Бороться всячески и во всех направлениях» – этой политики по отношению к власти большевиков П. Струве придерживался и после прекращения издания журнала «Русская мысль», в том числе в новой эмигрантской газете «Возрождение», созданной в 1925 г. и неизменно ратовавшей за «освобождение России от ига III Интернационала».

Среди ярых антисоветских изданий не последнее место занимала газета «Руль», в особую заслугу которой сторонники низвержения большевистского правления ставили «последовательную антикоммунистическую деятельность». Газета выходила ежедневно с 16 ноября 1920 г. до 14 октября 1931 г. под редакцией кадета И.В. Гессена.

Излагая программу своей деятельности в передовой первого номера, редакция заявляла: «С большевизмом не может быть компромисса. Большевизм есть уродливый и болезненный результат старых ошибок власти – результат, достигнутый благодаря потрясениям великой войны. Эволюция большевизма невозможна. Восстановление России немыслимо при существовании советской власти. Каждый месяц, каждый день хозяйничанье этой власти продолжает и довершает дело разрушения России, ее культурных и хозяйственных ценностей. Вот те простые, ясные и, казалось бы, бесспорные положения которые объединяют всех врагов большевизма»[50]. Наша основная политическая задача, особо подчеркивалось в передовой, «освещать неприглядную русскую действительность».

В соответствии с намеченной программой в «Руле» с первых же номеров одной из ведущих стала рубрика «В Советской России». О характере публиковавшихся в этом разделе материалов можно судить по их заглавиям: «Голод в Петербурге», «Война с деревней», «Струве о борьбе с большевизмом», «Черчилль о большевизме» и т. д. 28 ноября 1920 г. газета обнародовала «Декларацию генерала Врангеля», в которой утверждалось: «Армия и флот не допускают мысли о возможности прекращения борьбы. Наша задача – сохранить ядро русской армии и флота для того часа, когда Европа учтет необходимость борьбы с мировой тиранией».

Активно в «Руле» сотрудничали М. Волошин, К. Бальмонт, И. Шмелев, печатались мемуары С. Витте. Выступал на его страницах и признанный классик русской литературы, ее первый нобелевский лауреат (1933 г.) НА. Бунин, решительно не

принявший Февральскую, а затем и Октябрьскую революцию. 25 октября 1920 г. он навсегда покинул Россию. С 1920 по 1930 г. политическая позиция писателя оставалась неизменной. Еще в годы Гражданской войны, характеризуя революцию как начало гибели России, он принял участие в белогвардейской одесской газете «Южное слово», а очутившись в эмиграции, выступал на страницах разных изданий, кроме крайне монархистских и, наоборот, пробольшевистских. В «Последних новостях» печатались его рассказы, вышедшие впоследствии в берлинском собрании сочинений под заглавием «Серп и Молот». На страницах парижской газеты «Возрождение» отдельными очерками печаталась книга «Окаянные дни», которая по темпераменту и ярости обличения большевиков не имеет равных даже в самой ожесточенной белой публицистике.

Иван Алексеевич Бунин

3 апреля 1924 г. в «Руле» была напечатана произнесенная в Париже речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции». Речь

имела программное значение для всех, оказавшихся в изгнании, с обращения к которым она и начинается: «Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов». Вся речь проникнута призывом: не поддаваться ни соблазнам, ни окрикам, не соглашаться на “похабный” мир с большевистской ордой». «Знаю, многие уже сдались, многие пали, а сдадутся и падут еще тысячи и тысячи. Но все равно, – заключает писатель, – останутся и такие, что не сдадутся никогда».

Подтверждением этих слов является трагическая судьба самого писателя. Постоянно и безысходно тосковал он по России, но так и не вернулся на родину. Встречавшийся с ним в Париже в 1946 г. К.М. Симонов свидетельствует: «Это был человек не только внутренне не принявший никаких перемен, совершенных в России Октябрьской революцией, но все еще никак не соглашавшийся с самой возможностью таких перемен, все еще не привыкший к ним как к историческому факту»[51].

В журналистике русского зарубежья одним из наиболее известных изданий, несомненно, была газета «Последние новости», выходившая в Париже с 27 апреля 1920 г. до середины 1940 г. Первым ее редактором был присяжный поверенный М.А. Гольдштейн. С 1 марта 1921 г. редакцию возглавил лидер кадетов П.Н. Милюков. Редактировавшаяся Милюковым почти 20 лет газета по праву была центральным органом кадетской партии и, в отличие от правокадетского «Руля», значительно отличалась от него более объективной оценкой происходивших в Советской России событий, о чем редакция открыто заявила в открывавшей первый номер статье «Наша задача»: «Хотели бы самим своим названием сказать, что они будут стремиться отражать не столько свои мнения по поводу события, а сами события, не тенденциозное освещение фактов, а факты. Слова все сказаны, мнения все высказаны, но, увы, никто никого ни в чем не убедил, не научил и не заставил забыть… Задача наша иная, более скромная, в необходимость ее мы верим непоколебимо. Эта задача – излагать факты как они есть, т. е. говорить правду – и не ту, которая той или иной партии в преломлении политической веры кажется правдой, а ту, которая есть правда. Вот почему, вопреки установившемуся в последнее время трафарету, мы не считаем нужным озаглавливать нашу газету, как “беспартийную” или “демократическую”. За этими словами столько раз обнаруживалась и очень узенькая партийность и очень широкая антидемократичность, что мы предпочитаем опираться не на аншлаг, который часто ни к чему не обязывает, а на ежедневную работу, которая будет вся на виду, как под стеклянным колпаком». Избрав своим девизом служение объективной правде,

какой бы она ни была, редакция особенно настаивает на недопустимости в прессе лжи, неискренности, погубивших царскую Россию и не дающих ей подняться при большевиках. Поэтому правда, по мнению редакции, «должна стать национальным кумиром и извращение ее должно считаться осквернением святыни».

Выдвинув столь благородную задачу, во имя новой России, в которой не должно быть места «ни угнетению, ни насилию», призывая делать журналистику «чистыми руками», редакция на первых порах всячески стремилась к тому, чтобы газета выглядела сугубо информационным органом. Об этом свидетельствуют даже рубрики первых номеров: «Телеграммы», «По Советской России», «В Париже», «На Западе», «Среди эмигрантов» и т. д. Стремясь показаться объективной в оценке событий, газета прибегала даже к осмеянию всевозможных небылиц, распространявшихся в европейской, в том числе русской эмигрантской печати, о событиях в Советской России. 10 июля 1920 г. в «Последних новостях» за подписью Лоло[52] появилось стихотворение «Вранье», гласившее:

Боже мой, как люди врут —
Врут и здесь, и там, и тут,
Врут повсюду, в целом свете,
Врут в парламенте, в газете,
В министерском кабинете…
Врут изящно и вульгарно,
Вдохновенно и бездарно
Для других и для себя,
Ненавидя и любя.

Однако, как и следовало ожидать, все стремления редакции не вникать в политику, успехом не увенчались. 27 апреля 1923 г. в статье «Трехлетие “Последних новостей” было сказано: «Само название нашей газеты показывает, что, когда три года назад она была основана, ее цель была по преимуществу информационная. Однако, политическое значение переживаемого нами времени так велико, что газета… не могла остаться в стороне от борьбы направлений, и вынуждена была неизменно следовать курсу верному своему компасу – “борьбы против насильников, овладевших Россией”.

Страницы газеты украшали рассказы и очерки И.А. Бунина, отдельные главы из трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам». Регулярно публиковались фельетоны Н. Тэффи. «Ностальгия» – так назывался один из них, правдиво

передававший настроение всех находившихся в вынужденной эмиграции, в разлуке с родной страной. «Пыль Москвы на ленте смятой шляпы, я как символ свято берегу» – эти строки, взятые в качестве эпиграфа к фельетону из стихотворения Лоло, как нельзя лучше отражали его содержание. «Я видела признаки этой болезни и вижу их все чаще и чаще, – с грустью пишет Н. Тэффи. – Приезжают наши беженцы изможденные, почерневшие от голода и страха, отъедаются, успокаиваются и вдруг гаснут. Тускнеют глаза, опускаются вялые руки и вянет душа, душа, обращенная на восток. Ни во что не верим, ничего не ждем, ничего не хотим. Умерли… Думаем только о том, что теперь там, интересуемся только тем, что приходит оттуда»[53].

Надежда Александровна Тэффи

Мыслью о трагической судьбе России проникнуты не только произведения Н. Тэффи, но и многих других писателей и публицистов. Из числа последних следует выделить Е.Д. Кускову, особенно ее «Письма из Берлина». Их публикация предварялась

следующим редакционным примечанием: «Приступая к печатанию “Писем из Берлина” Е.Д. Кусковой, редакция оставляет ответственность за содержание этих писем на авторе. Кое в чем, быть может, важном мы можем разойтись. Но яркая личность Е.Д. Кусковой достаточно известна читателям и ее общее настроение в вопросах текущей минуты достаточно близко к нашему, чтобы мы считали себя вправе представить ее мысли читателям в том виде, как того желает сама уважаемая политическая деятельница»[54].

В своих письмах Е.Д. Кускова решительно выступила против вооруженного свержения большевиков. Как бы ни относиться к революции, подчеркивала она, на стороне революции при самодержавии была «большая правда», большая «нравственная сила», и призывающие «топить» всех прикосновенных к большевизму, проявляют тот же «звериный русский большевизм, только наизнанку». «Струве настойчиво твердит, – читаем в “Письмах”, – мне все равно кто их свергнет Марков II или Керенский». Ну, а мне не все равно, заявляет Кускова, так как такое свержение приведет к еще более страшной гражданской войне[55].

Оперативно откликнулись «Последние новости» на смерть Ю.О. Мартова-Цедербаума. Его роль в истории российской социал-демократии была отмечена «как выдающаяся и количественно и качественно». На заре марксизма в России, писала газета, когда социал-демократическое движение было представлено в России только молодежью, четверо юношей были выдвинуты событиями: Ленин, Потресов, Струве и Мартов. Ленин – «ушел в сторону примитивного коммунизма», А.Н. Потресов стал «проповедником легального парламентского социализма», Струве «ушел далеко вправо». «Один лишь Мартов остался тем, чем был в ранней юности: ортодоксальным марксистом героического периода социал-демократии»[56].

С обстоятельною статьей выступила в газете Е. Кускова. «В Берлине умер Мартов, глава меньшевизма, в Москве умирает Ленин, глава большевизма, – так начинает она свою статью. – Двуглавая большевистская социал-демократия, победившая двуглавого орла самодержавия, теряет обе головы… На поверхности нет никого, кто мог бы их заменить…»[57]

Столь же оперативно откликнулась газета на смерть Ленина. «Партия, как целое, – отмечалось в передовой «После Ленина» (1924, 23 января) ослепла, потеряв свой перископ в Ленине». С 23 по 30 января в каждом номере под рубрикой «После смерти Ленина» печатались отклики на его кончину, сообщения о траурной процессии в дни похорон, о переименовании Петербурга в Ленинград, о траурных выпусках газет. Главная

мысль всех публикаций в траурные дни сводилась к тому, что после смерти Ленина «быть может, недалек день перерождения всей русской жизни».

Перерождения русской жизни ждали не только кадеты, а, можно сказать, вся русская эмиграция, в том числе эсеры, неизменно занимавшие в своем центральном органе – журнале «Революционная Россия» позицию «изживания коммунизма» большевиков. Основанная в 1900 г. и выходившая до 1905 г. «Революционная Россия» в 1920 г. была возобновлена в Праге и издавалась до 1931 г. И до Октябрьской революции, и в годы эмиграции ее редактором являлся В.М. Чернов. Активными сотрудниками были А.Ф. Керенский, В.М. Зензинов, И.А. Рубанович, Н.С. Русанов, В.В. Сухомлин, Марк Слоним, печатался поэт Константин Бальмонт, который откровенно заявлял: «Коммунизм я ненавижу. С кем бы то ни было из коммунистов у меня нет ничего общего»[58].

В апреле 1921 г. в журнале появилась программная статья В. Чернова «Основные мотивы гильдейского социализма». Максим Горький, говорится в ней, недавно сравнил Ленина с Петром Великим. Тут есть некоторая доля правды, если судить не столько о калибре человеческой личности, сколько о социально-экономической стороне дела, о методах государственной работы. Действительно, суть большевизма заключается в том, что Ленин и его товарищи пробуют загнать Россию в коммунистический рай «дубинкой Петра Великого». Если однажды она вколотила в Россию западную цивилизацию, то почему бы ей не вколотить в Россию и коммунистический строй. Только в стране векового абсолютизма и «его самодурного экспериментирования» над подавленными массами социальные революционеры могли впитать в себя бессознательно столько веры в мощь исходящего сверху приказа, декрета. «Недаром, – пишет В. Чернов, – иронизировали над Лениным, называя его социализм декретным социализмом и “социалистическим декретинизмом”, только в стране векового абсолютизма идея “диктатуры пролетариата” могла выродиться в абстрактно-аракчеевскую схему диктатуры над пролетариатом и от его имени над всей страной»[59].

Считая октябрьский переворот «пародией на социалистическую революцию», В. Чернов решительно выступил против нарождавшейся дискреционной (тоталитарной) власти «коммунистических опекунов» над народом России.

Виктор Михайлович Чернов

И все-таки, в отличие от монархических и кадетских изданий, «Революционная Россия» не поддерживала революционного выступления против власти большевиков. Монархисты мечтают, отмечалось в июле 1921 г. в статье «Изгои», силой оружия вернуть себе власть в России, готовятся к победоносному возвращению на Родину, чтобы по-своему расправиться с «взбунтовавшимися мужичками». К диктатуре меньшинства, отмечает журнал, постоянно призывает «неисправимый идеолог белых генералов» П. Струве. «Нужна сила, нужна энергия, восклицает он. Должно создаться мощное своим сознанием меньшинство, которое пошло бы напролом». «Напролом идут только те, – в ответ на эти призывы Струве отвечал журнал, – кому нечего терять». Именно напролом шли уже и Деникин, и Врангель, и подобные им могут еще пойти «напролом», чтобы захватить власть в государстве. Но, заключает автор статьи, это им не удастся, «ибо не насилием меньшинства, как думает г. Струве, а организованной волей большинства создаются великие государства»[60].

Нередко в журнале появлялись статьи в защиту родной литературы, из которых можно выделить выступление В. Чернова «Убийство русской литературы». Без всяких преувеличений, – говорится в ней, можно утверждать, что «большевизм духовную жизнь России сковал сильнее, чем сковывало ее русское самодержавие». Приведя в статье письмо А.М. Горького к одному

из цензоров, запретившему печатание книг А. Белого, Всеволода Иванова, Алексея Ремизова и других известных авторов, В. Чернов заключал: «Мучительно стыдно за великую страну, в которой крупнейший писатель должен царапать просительные письма какому-то культур-дикарю, осторожно разъясняя ему такие истины, что книга есть орудие культуры, и что “азбуки коммунизма” гг. Бухариных и заказные стишки дяди Михея, то бишь Демьяна Бедного, не могут исчерпать всех потребностей человеческого духа»[61].

С глубоким сочувствием относился журнал к судьбе своих соотечественников. 15 июля 1921 г. «Революционная Россия» от имени Центрального организационного бюро партии эсеров выступила с призывом о помощи голодающим Поволжья. «Все на борьбу с голодом! От вашей силы и настойчивости, граждане, зависит будущее возрождение страны!» – призывало обращение.

Самое широкое освещение на страницах «Революционной России» получил суд над эсерами. Партия социалистов-революционеров посажена на скамью подсудимых, писали ее лидеры В. Зензинов, И. Рубанович, Н. Русанов, В. Сухомлин, В. Чернов, призывая не допустить расправы большевиков над их политическими противниками, не допустить, чтобы «непоправимое свершилось». С единым требованием: отвести от заключенных «меч политической мести и расправы» выступили в журнале Л. Мартов, Карл Каутский, Эдуард Бернштейн, Эмиль Вандервельде, а также социалистические партии Англии, Франции, Италии, Бельгии, Чехословакии, Венгрии, Швеции, Голландии, Латвии. Под рубрикой «Московский процесс социалистов-революционеров» публиковались речи подсудимых, из которых двенадцать были приговорены к расстрелу, десять – к тюремному заключению сроком от двух до десяти лет.

Комментируя столь суровый и несправедливый приговор суда, журнал заключал, что в ходе процесса пролетариат Европы освобождается от остатков иллюзий относительно русского большевизма, научается понимать его истинную сущность.

Как и многие эмигрантские издания, «Революционная Россия» незамедлительно откликнулась на кончину Мартова, а затем и Ленина. В майском номере за 1923 г. с обстоятельной статьей «Л. Мартов» выступил В. Чернов. «Как политический деятель, Мартов очень уступал своему главному антагонисту Ленину, – писал лидер эсеров. – Ленин почти гипнотизировал своих сторонников самоуверенной неукротимостью своих действий и планов. Мартов же действовал на людей исключительно через интеллект».

Одним из наиболее долговечных зарубежных изданий был основанный Ю.О. Мартовым-Цедербаумом при ближайшем

участии Р.А. Абрамовича журнал «Социалистический вестник», выходивший с 1921 по 1965 год. В редакционном заявлении было сказано: «В согласии с Центральным Комитетом Заграничная Делегация РСДРП приступает к изданию своего органа в Берлине. Обслуживание нужд социал-демократического рабочего движения в России, лишенного ныне, благодаря политике большевистского правительства, своего печатного органа и информирование общественного мнения западноевропейского социализма о развитии и проблемах революции и пролетарского движения в России, – таковы те скромные задачи, которые этот орган себе ставит. Редакция надеется, что рассеянные по Европе друзья и единомышленники поспешат на помощь этому начинанию».

Юлий Осипович Мартов

В первом номере было обнародовано обращение Центрального Комитета РСДРП и Бунда к социалистическим и профессиональным союзам всех стран. «Врангель разбит Красной армией. Еще один, отмеченный Антантой и ею возведенный в звание правителя России, кончает бегством свою недолговременную карьеру», – так начинается это обращение, в котором особо отмечается, что победа над Врангелем – есть

победа всей русской революции, всего русского народа, готового на самые тяжелые жертвы, лишь бы не допустить реставрации того социального и политического строя, который был разрушен в марте и добит в октябре 1917 г. Во имя гуманности по отношению к истерзанному голодом и Гражданской войной народу, во имя его суверенного права самому устанавливать формы своего политического бытия подписавшие обращение Л. Мартов и Р. Абрамович призывали всех честных демократов поддержать борьбу международного рабочего класса против всякой интервенции, против всякой поддержки реакционных претендентов, против блокады России, за немедленное признание советского правительства, за восстановление экономических связей с Россией.

Самой нелицеприятной критике подвергались в журнале все, стремившиеся послать своего очередного избранника «воеводой на место Ленина» или готовые «на почве врангелиады» поставить во главе карательного похода даже «генерала Гофмана, автора Брестского мира».

Наиболее четко политическая позиция «Социалистического вестника» проявилась в полемике с «Рулем». В статьях «Кадеты и эсеры на рандеву», «Маленькая неточность», «Грозное предостережение», констатируя, что редактор «Руля» Иосиф Гессен стремится «пригвоздить к позорному столбу в назидание потомству и истории» социал-демократов-меньшевиков за их отказ от свержения большевиков путем вооруженного восстания, редакция «Вестника» писала: «Кадетские писатели из “Руля” со своей точки зрения правы, упрекая нас в том, что мы хотим бороться с большевиками не пушками, а давлением рабочего класса, организованного нами на почве создавшегося в России порядка. При этом нашей партией руководит, конечно, не своеобразное политическое «толстовство» и “непротивление злу", а, помимо других мотивов еще и ясное сознание… что при социальном родстве тех слоев населения, на которые опираются большевики и меньшевики, вооруженная борьба между ними неминуемо превратится в братоубийственную войну внутри рабочего класса и, подорвав мощь последнего, может доставить легкую победу господам из «Руля» и их друзьям справа и чрезвычайно усилит позицию международной реакции в борьбе с революционным пролетариатом. Эта позиция вашей партии настолько общеизвестна и зафиксирована всей практикой, что необходимо чисто большевистское меднолобие, для того, чтобы кричать, на весь мир “лови вора” и вопить об организованных меньшевиками восстаниях»[62].

Резко отрицательным было отношение «Социалистического

вестника» к монархистам и кадетам. Показывая бесплодность усилий кадетов вкупе с представителями «Совета монархического объединения» (Берлин), Совета объединенного дворянства, «Союза Русского Народа» и других группировок «Черных воронов», решавших на многочисленных съездах, кто «из Романовских последышей возьмет венец и бармы Мономаха», журнал с полной уверенностью утверждал, что, хотя кандидатов на царский престол немало, будущего у этих «политических покойников никаких нет».

Отказ от свержения власти Ленина вооруженным путем отнюдь не означал ослабления критики в адрес большевиков на страницах журнала. Постоянной была рубрика «Большевистский террор против социалистов». «Кровавым фарсом» был назван в «Вестнике» суд над эсерами. В связи с введением НЭПа редакция утверждала: «В правящей партии, в ее идеологии и организации пробита такая брешь, какой еще никогда не было. Отныне внутреннее разложение большевизма пойдет быстрыми шагами»[63].

Среди всех газет и журналов (и не только русского зарубежья) самый широкий отклик на кончину Л. Мартова был в созданном им журнале. Несколько специальных номеров, десятки статей увековечили память лидера меньшевизма. Его памяти посвятили свои выступления К. Каутский, С. Бауэр, Б. Николаевский, Ф. Адлер, Р. Абрамович, П. Аксельрод. Самыми проникновенными были статьи Ф. Дана «Последние минуты», «У гроба», «Л. Мартов». Большевики не имели более непримиримого врага, чем Мартов. Но со всей решительностью отвергал он те формы борьбы с большевизмом, которые ведут к обострению междоусобной грани между разорванными частями единого рабочего класса или неизбежно выливаются в попытку насильственно вернуть обманутую и заблудшую часть его «на путь истины» руками чуждых и враждебных ему социальных сил, – потому что в таких «нормах ликвидации большевистской диктатуры видел лишь неизбежный пролог к замене ее диктатурой бонапартистской», утверждал Ф. Дан[64].

Откликнулась редакция «Социалистического вестника» и на смерть Ленина. «Номер уже верстался, – говорилось в передовой статье «Смерть В.И. Ленина», – когда телеграф принес это скорбное сообщение… Перед только что разверзшеюся могилой мы вспоминаем прежде всего не политического противника, не главу государства, где наша партия находится на нелегальном положении, где во всей силе свирепствует террористическая диктатура, а крупного деятеля рабочего движения, который вместе с незабвенным Ю.О. Мартовым закладывал фундамент

классовой организации пролетариев в России». «Не прошло и года, – подчеркивается в передовой, – как пламя крематория испепелило тело Мартова. Теперь и Ленин покончил счеты с жизнью. И такая близкая последовательность их смерти как бы снова символически напоминает о том, насколько неразрывно были связаны в истории целой полосы русского рабочего движения их имена при всем различии и даже резкой противоположности их политического и морального облика»[65].

В статье, как и во многих других материалах «Социалистического вестника, проводится мысль, что подлинными наследниками созданной в начале века РСДРП являются не руководимые Лениным большевики, а сторонники Мартова. Наиболее четко эта мысль была выражена в 1923 г. в редакционной статье «Четверть века». Отмечать 25-летний юбилей РСДРП, говорилось в ней, большевики и меньшевики будут одновременно, но абсолютно по-разному. Большевики, если захотят, могут придать празднованию «небывалый блеск и размах», меньшевики «в глубоком подполье, в тюрьмах и местах ссылки». Но, как бы блестящ не был «большевистский юбилейный парад», им не будет больше места в русской жизни. «Большевизм принадлежит прошлому, будущего у него нет. Единственным законным преемником, наследником славного прошлого российской социал-демократии, – заключает редакция, – является наша партия»[66].

В журналистике русского зарубежья первой половины 20-х годов значительное развитие получила сменовеховская печать. Один из главных идеологов сменовеховства – бывший председатель Восточного правительства Колчака Н.В. Устрялов. В сборнике «В борьбе за Россию» появившемся в 1920 г., он призывал пойти «на подвиг сознательной жертвенной работы с Советской властью», единственной, по его мнению, «способной править страной, взять ее в свои руки»[67].

Признание необходимости примирения с большевиками во имя возрождения России – эти мысли получили дальнейшее развитие в вышедшем в Праге в 1921 г. сборнике «Смена вех». Появление этого сборника, давшего название всему сменовеховскому течению, вызвало самые широкие отклики и далеко не однозначные оценки сменовеховства.

В 1921–1922 г. под тем же названием «Смена вех» издавался журнал в Париже, в Берлине в 1922–1924 гг. выходила сменовеховская газета «Накануне», в Харбине в 1921–1923 гг. – газета «Новости жизни», в Петрограде и Москве – журналы «Новая Россия» и «Россия». Во всех этих изданиях, в статьях их ведущих публицистов Н. Устрялова, С. Лукьянова, Ю. Ключникова, И.

Лежнева, хотя и проявлялись порою острые разногласия, особенно по вопросу государственного устройства, но всех их объединяла единая цель – благо России. Эта главная задача была ясно выражена в первом номере журнала «Смена вех», определившем направление всех последующих сменовеховских изданий. После четырех лет величайшей в мире революции, заявляла редакция, можно сделать соответствующие выводы, а сделав их, действовать, как подсказывает новая политическая обстановка. Из России приходит все больше и больше известий о тех лучших представителях русской интеллигенции, которые не за страх, а за совесть решили отдать свои силы новой России, дабы поскорее преодолеть ужасы и тени переходного состояния. «Выпускаемый с сегодняшнего дня еженедельник “Смена вех”, – подчеркивалось в передовой статье первого номера, – хочет быть следующим этапом в примирении заграничной русской интеллигенции с Россией и русской революцией… Новая Россия еще слаба, ее надо поддержать. Поддерживать – не значит, однако, до бесконечности сохранять те ненормальные условия, в которых сейчас приходится жить России… С верой в Россию, в ее будущее, с верой в правильность своего пути приступаем мы к выполнению своих задач. Новую Россию нельзя мыслить враждебной остальным народам. Дело русского прогресса есть дело прогресса мирового»[68].

Активно защищала интересы Советской России газета «Накануне». Ее редактор Ю.В. Ключников был даже приглашен в состав советской делегации в качестве эксперта для участия на конференции в Генуе. Существовало московское отделение газеты, которое, по всей видимости, финансировалось большевиками.

В газете был создан очень интересный литературный отдел: наряду с произведениями авторов-эмигрантов печатались очерки и рассказы В. Катаева, К. Федина. Особенно часто выступал в газете М. Булгаков: именно с этого издания началась его широкая известность.

Весомый вклад в развитие отечественной литературы внес журнал «Современные записки», издававшийся в Париже с 1920 по 1940 г. включительно. В связи с выходом в 1932 г. пятидесятого номера редакция получила многочисленные восторженные приветствия, свидетельствующие об исключительной популярности журнала. «Современные записки», – читаем во многих поздравлениях, – это «подлинный духовный центр эмиграции», «прочный и яркий очаг русской культуры», и его юбилей – неопровержимое свидетельство, что в Зарубежной России «работа в области духа не прекратилась», что

«она ведется с большим энтузиазмом и полным сознанием ее ценности не только миллионного населения эмиграции, но и для России»[69]. Пятьдесят книг «Современных записок», – писали в редакцию В.И. Немирович-Данченко и И.С. Шмелев, – «почетно входят в историю родной литературы»[70].

Именно со страниц «Современных записок» вошли в нашу литературу такие ее шедевры, как «Митина любовь» и «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Сивцев Вражек» М. Осоргина, «Солдаты» И. Шмелева, многочисленные произведения М. Адданова, Б. Зайцева, А. Куприна, А. Ремизова, В. Сирина (Набокова), а также стихотворные произведения К. Бальмонта, З. Гиппиус, Г. Иванова, Ф. Сологуба, В. Ходасевича, М. Цветаевой.

Примечательна и публицистика «Современных записок». Из статей и очерков, опубликованных в журнале, можно особо выделить «Убийство Урицкого» М. Алданова (1922, № 10), «Гатчина» А. Керенского (1922, № 10), «Шесть писем к Луначарскому» В. Короленко (1922, № 9), «Беспризорная Русь» Е. Кусковой (1929, № 40), «Сталин» П. Милюкова (1935, № 59), «Вопросы коллективизации» В. Руднева (1931, № 47).

Журнал, выходивший при ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, М.В. Вишняка, В.В. Руднева и И.И. Бунакова-Фондаминского, являлся единственным русским ежемесячником, продолжившим традиции русской журналистики – публикацию внутренних обозрений. «Без внутреннего обозрения, – отмечалось в первом номере «Современных записок», – журнал перестает быть журналом – становится альманахом или сборником статей»[71].

Бессменным автором внутренних обозрений, публиковавшихся под постоянным заглавием «На Родине», был один из соредакторов журнала М.В. Вишняк. В 1920–1924 гг. внутренние обозрения появлялись в каждом номере, затем их становится все меньше, хотя статьи о состоянии литературы в Советской России и русском зарубежье печатаются регулярно. Из них особый интерес представляют выступления М. Адданова «О положении эмигрантской литературы» (1936, № 61) и М. Цетлина «О современной эмигрантской поэзии» (1935, № 53). Оба автора воссоздают безрадостную картину жизни русских писателей за рубежом. На свой литературный заработок, утверждает журнал, писатели, за редким исключением, не могут существовать «даже самым скромным образом». Особенно трудным было положение молодых писателей, о прозе которых «Современные записки» пишут как о «чахлой, растущей без воздуха». И все-таки, хоть оторванность от родной почвы – огромный минус, заявляет М.

Алданов, но, находясь за границей, русские писатели имеют «еще более огромный плюс» по сравнению с теми, кто остался в советской России. «Самые восторженные поклонники советской литературы не станут все-таки утверждать, – акцентирует писатель внимание читателей, – что она свободна. Мы же пишем, что хотим, как хотим и о чем хотим». И заключает: «Эмиграция – большое зло, но рабство – зло еще гораздо худшее»[72].

После вторжения немцев во Францию издание «Современных записок» прекратилось. Активные сотрудники журнала М. Алданов и М. Цетлин, перебравшись в Нью-Йорк, основали здесь в 1942 г. «Новый журнал». Ставший преемником «Современных записок» «Новый журнал» продолжает издаваться и по настоящее время: в сентябре 1995 г. вышел его юбилейный, двухсотый номер.

Активную издательскую деятельность развернул высланный из СССР Л.Д. Троцкий, выпускавший «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)». С июля 1929 г. по август 1941 г. вышло 87 номеров (65 книжек) «Бюллетеня» (некоторые номера были спаренными). Журнал выходил небольшим тиражом (1000 экз.), нередко его единственным автором был Л. Троцкий. Собственной издательской базы у Троцкого не было, и главному администратору по изданию журнала старшему сыну Троцкого, Льву Седову, приходилось неоднократно менять место выпуска «Бюллетеня». В 1929–1931 гг. журнал выходил в Париже, затем – в Берлине, с приходом к власти Гитлера – снова в Париже, с февраля 1934 г. – в Цюрихе, с апреля 1935 г. – в третий раз в Париже. В связи с кончиной в феврале 1938 г. Льва Седова и началом Второй мировой войны издание журнала было перенесено в Нью-Йорк. Последние четыре номера «Бюллетеня» были выпущены уже после убийства Л. Троцкого.

Лев Давидович Троцкий

Непримиримая борьба «за марксизм, за Октябрь, за международную революцию» – так была определена главная задача «Бюллетеня» в его первом номере в статье «От редакции».

Главными в журнале неизменно были статьи, изобличавшие «бюрократический абсолютизм» Сталина. «Сталинская бюрократия и убийство Кирова», «Сталинская бюрократия и Соединенные Штаты», «Сталинские репрессии в СССР», «Революционные пленники Сталина и мировой рабочий класс», «Испания, Сталин и Ежов» – в этих и многих других статьях утверждалось, что Сталин, «непревзойденный организатор репрессий», разрушил партию, объявив всех сторонников Ленина агентами Гитлера. Вскрывая «все социальные уродства, которые бюрократия взрастила на территории Октября», Л. Троцкий утверждал, что защита Советского Союза немыслима без борьбы за Четвертый Интернационал. Усилия Троцкого по созданию «альтернативного московскому» Интернационала привели к образованию многочисленных троцкистских зарубежных групп. К началу Второй мировой войны они появились более чем в 40 странах. Понятно, что Сталин, постоянно интересовавшийся эмигрантскими изданиями, особое внимание уделял антисоветской троцкистской пропаганде. В марте 1937 г. по заказу Ежова Сталину был представлен список, включавший более пятидесяти названий троцкистских газет, журналов и бюллетеней, среди которых значились «Красный флаг» и «Борьба» (Англия), «Революция», «IV Интернационал», «Искра», «Красное знамя» (Франция), «Коммунист» (Испания), «Спартакус» (Бельгия). Разумеется, самое пристальное внимание уделялось «Бюллетеню» Троцкого. Дмитрий Волкогонов – автор исторического триптиха «Вожди» (двухтомники о Сталине, Ленине и Троцком) свидетельствует: «Работая в личном архиве Сталина, я убедился, что лидер большевистской партии лично просматривал многие выпуски “Бюллетеня оппозиции”, особое внимание уделяя статьям о собственной персоне. А таковых было немало. Подписки, естественно, на журнал не было, хотя многие большевистские издания доставлялись вождю из-за рубежа – “Бюллетень оппозиции” Сталину доставляли, изымая его у арестованных троцкистов, а также по линии разведывательной агентуры за рубежом»[73].

С приближением второй мировой войны на страницах «Бюллетеня» все чаще появляются статьи об огромной опасности для всех сближения Сталина и Гитлера. В статьях «Гитлер и Сталин», «Капитуляция Сталина», «Сталин – интендант Гитлера», «Двойная звезда: Гитлер – Сталин» Троцкий заявлял, что задача состоит не в том, чтобы «уберечь Сталина от объятий Гитлера, а в том, чтобы низвергнуть обоих».

В годы Второй мировой войны в публицистике русского зарубежья заметно проявление солидарности с правительством

Советской России, признание его достижений. Примечательна в этом отношении статья П.Н. Милюкова «Правда о большевизме», посвященная победе советских войск под Сталинградом и явившаяся поистине гимном «боевой мощи Красной Армии». Это была последняя статья П. Милюкова, написанная в начале 1943 г. перед самой его кончиной, внесшая немалую лепту в вовлечение многих эмигрантов в движение Сопротивления. Статья широко распространялась, напечатанная на ротаторе и на машинке, а в ноябре 1944 г. была опубликована в газете «Русский патриот» – органе Союза русских патриотов, тесно связанном с французским Сопротивлением.

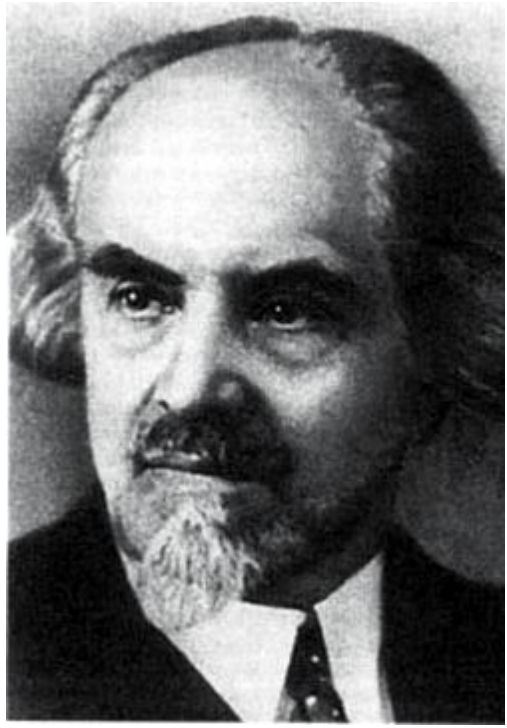
Павел Николаевич Милюков

Примечательно, что именно статья «Правда о большевизме» завершила огромнейшее публицистическое наследие одного из самых именитых публицистов русского зарубежья. Об этом свидетельствует уже то, что в 1929 г. в связи с его семидесятилетием редакция последних новостей посвятила юбилею своего редактора два номера газеты. В статьях «Павел Николаевич Милюков», «П.Н. Милюков как журналист», «Русский интеллигент», «П.Н. Милюков как историк», «О П.Н. Милюкове как политике», «Милюков – публицист», «П.Н. Милюков о газете» и многих других публикациях подчеркивается, что Милюков в числе русских политических деятелей занимает «совершенно особое и исключительное место», а в передовой статье в номере за 3 марта 1929 г. от «Последних новостей» говорилось: «Не

только приветствовать хотим мы дорогого редактора, а горячо поблагодарить его за то, что за 8 лет своего редакторства нашел он в себе силы, чтобы создать из «Последних новостей» крупное русское национальное дело и объединить вокруг него всех на работе во имя России. Здесь в Париже он создал клочок родной земли, и мы чувствуем, что стоим на нем и из него черпаем силы на нашу совместную дальнейшую работу»[74].

Достойное место в публицистике русского зарубежья занимала религиозно-философская публицистика, самым ярким представителем которой являлся НА. Бердяев – известный мыслитель, редактор журнала «Путь». Он не стремился добровольно примкнуть к этой, «второй» России. Стихия революции не «сломала» его, так как в первые годы после октябрьского переворота она еще не препятствовала свободе творчества. Но с весны 1922 г., с началом необъявленной войны против религиозных деятелей, условия жизни в советской России сильно изменились, возникла реальная угроза репрессий. Бердяева арестовали и сообщили, что он высылается за границу, а в случае появления на территории страны его ждет расстрел.

В сентябре 1922 г. советское правительство собрало свыше 160 своих идеологических противников и отправило их в Германию. Н.А. Бердяев был выслан в составе большой группы деятелей культуры. Это решение советского правительства, чем бы оно ни было продиктовано, фактически спасло для русской и мировой культуры выдающихся писателей и ученых, которые, вместо ожидающей их, по всей видимости, гибели в лагерях ГУЛАГа (трагическая судьба П. Флоренского и других тому подтверждение) смогли продолжить свои творческие занятия на Западе. Так осуществился самый значительный поворот в жизни Н.А. Бердяева.



Николай Александрович Бердяев

Н.А. Бердяев, благодаря своей энергии и широкому кругу знакомств среди западных интеллектуалов быстро включается в общественную жизнь: становится деканом отделения Русского научного института в Берлине. А некоторое время спустя, в 1923 г., при активном участии С.Л. Франка, С.Н. Булгакова и других организовывает в Берлине Религиозно-философскую академию, деятельность которой привлекла внимание американской благотворительной организации YMCA (Ассоциация христианской молодежи). Была достигнута договоренность о совместной издательской деятельности, и Н. Бердяев возглавил издательство YMCA-Press, чтобы специализировать его на выпуске книг и брошюр русских эмигрантов. Так началось его многолетнее плодотворное сотрудничество с YMCA. В течение двух десятков лет Бердяев являлся редактором издательства YMCA-Press. Кроме того, он читал лекции в Религиозно-философской академии, выступал с публичными лекциями во многих городах Европы как непременный участник, а порой и организатор различных международных конгрессов.

В Западной Европе Н.А. Бердяев стал необычайно популярным философом. Фактически его глазами значительная часть европейской интеллигенции смотрела на русскую

революцию, на историю России, на «русскую идею» (так была названа одна из книг философа). В своих работах эмигрантского периода мыслитель пытается постичь «смысл русского коммунизма», сильные стороны марксизма как теории социального преобразования и трагический характер ее воплощения в советской России. Выдающиеся заслуги Бердяева как философа и публициста были высоко оценены. В 1947 г. он получил почетное звание доктора Кембриджского университета, обсуждался вопрос о присуждении ему Нобелевской премии. Смерть настигла Н.А. Бердяева 23 марта 1948 г. за письменным столом в его кабинете в Кламаре близ Парижа, когда он работал над своей последней книгой «Царство духа и царство кесаря».

Его неуемное желание «горячо откликаться на любые веяния Духа» в эмигрантской среде с поддержкой или предостережениями не могло оставлять равнодушными обитателей Зарубежной России. В своем большинстве она разделилась на два лагеря – сторонников Бердяева и его противников, подхвативших со страниц «Современных записок» хлесткое словечко «бердяевщина», порожденное в полемическом запале Ф. Степуном (кстати, из лагеря сторонников). Этим словом, обозначающим «модернистские, еретические, свободолюбиволевые уклоны», оперировало «правое» направление интеллектуальной элиты эмиграции. Единомышленники и идейные оппоненты безоговорочно сходились лишь в одном: несмотря на свои философские «огрехи» НА Бердяев, в силу ярко выраженной национальной самобытности, оригинальности мышления, писательской интуиции, блестящего публицистического дара, не мог не получить мировой известности. Колоссальная эрудиция мыслителя имела качественный, философско-творческий характер, и его обобщения и интуиции основывались на реальном и обширном знании.

Созданный и возглавляемый НА. Бердяевым на протяжении полутора десятков лет религиозно-философский журнал «Путь» смог стать интересным и серьезным русским зарубежным изданием во многом благодаря тому обстоятельству, что в нем публиковались практически все крупные мыслители Зарубежной России. Постоянно полемизируя и лично являясь неизменной мишенью критики, редактор умел создавать атмосферу диалога и обладал талантом и энергией организатора творческого процесса.

НА. Бердяев основал журнал «Путь» в 1925 г., вскоре после переезда в центр русской зарубежной культуры – Париж. Он выходил вплоть до Второй мировой войны.

С первого номера журнал объявил о своей преемственности традиции русского духовного ренессанса.

Название «Путь», выбранное редактором, со всей очевидностью перекликалось с заглавием журнала «Новый Путь»[75], отражавшего в начале XX века настроения возникших тогда религиозно-философских собраний, в которые, кроме философов, входили известные писатели, поэты, художники, представители академической науки. Позднее, перед Первой мировой войной, главные силы религиозно-философской мысли были сосредоточены вокруг издательства «Путь», в котором выходили книги духовной направленности.

Первый номер журнала «Путь» открывался обширным редакционным заявлением, очевидно, написанным НА. Бердяевым и отразившим его собственные взгляды на политику журнала, его цели и задачи. В заявлении редакции основная концепция формулировалась следующим образом: несмотря на раздробленность и материальную нужду, эмиграция в целом и «Путь» в частности должны решить важную созидательную задачу, которая заключается в поисках пути возрождения России на основе национальных и общечеловеческих ценностей, и определения в связи с этим сущности русской культуры.

Эта роль, по мнению редакции, заключалась в следующем: изгнанники, пользующиеся свободой слова, недоступной их соотечественникам в России, должны воспользоваться сложившимися обстоятельствами и упорно трудиться во имя духовного возрождения народа, за новую русскую культуру, генетически связанную с православием. Все это, как отмечалось в статье, диктует необходимость придерживаться двойственного подхода к создавшейся исторической ситуации, что связано, с одной стороны, с неприятием капитализма и дореволюционного порядка, а с другой – с попыткой очертить социально-философскую перспективу и программу на послереволюционный период истории России.

Следует избегать, призывал «Путь», ностальгии по тому, что было в прошлой жизни, и что, в итоге, предопределило судьбы эмиграции, так как революция стала «заслуженным наказанием, ниспосланным русской интеллигенции и элите за греховность помыслов и поступков»[76]. «Пореволюционный порядок» должен основываться на очищенной православной церкви и творческом духе. В этой связи принципы и программы не должны ограничиваться исключительно соображениями политической целесообразности, но призваны создавать прочную базу, необходимую для духовно-созидательной интеллектуальной работы.

«Путь» с самого начала был задуман как орган русской религиозной мысли, поэтому он выступил провозвестником идеи

христианской свободы, русской религиозной идеи, пришедшей из прошлого века, выраженной В.С. Соловьевым, Ф.М. Достоевским, Н.Ф. Федоровым и другими мыслителями. Придерживаясь этой традиции, журнал видел свою обязанность в том, чтобы бороться за достоинство и свободу человеческого духа, за самый образ человека. Авторы журнала, и прежде всего НА. Бердяев, способствовали формированию нового состава православной души, более ответственного, активного, творческого, более мужественного и бесстрашного в свете предстоящих русским людям испытаний. Решение этой задачи должно было служить делу духовного возрождения.

Основываясь на традиции русской религиозной философии, журнал имел четко выраженную этическую программу, связанную с христианством – носителем общечеловеческих ценностей. Отсюда «Путь» выводит смысл новой истории человечества, который выражается в осуществлении христианской правды в жизни, иначе, предостерегает журнал, «антихристианские и антихристовы начала будут все более и более побеждать».

Трибуна Н.А. Бердяева, которой являлся журнал «Путь», оказалась прочной: издание просуществовало 15 лет – большой срок в объективно трудных условиях эмиграции. В течение этого периода Бердяев неизменно оставался его главным редактором, который определял направление и содержание журнала.

«Когда я обдумывал в качестве главного редактора характер возникающего журнала, – писал Бердяев о «Пути», – для меня было ясно, что такой журнал может существовать лишь как широкое объединение наличных интеллектуальных сил»[77]. Среди постоянных авторов журнала «Путь» можно назвать Н.Н. Алексеева, Н.С. Арсеньева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, Л.А. Зандера, Н.М. Зёрнова, В.Н. Ильина, А.В. Карташева, М. Курдюмова (Марию Каллаш), Н.О. Лосского, Г.Н. Трубецкого, Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского, С.Л. Франка, протоиерея С. Четверикова. Концептуальные работы в «Пути» опубликовали также Л.П. Карсавин, Н. Клепинин, И. Лаговский, мать Мария (Е.Ю. Скобцова, она же Кузьмина-Караваева), К. Мочульский, Р. Плетнев, АА. Полотебнова, Ф.А. Степун, Л.И. Шестов и др.

Такой качественный состав авторов журнала можно без преувеличения назвать «звездной плеядой». Итак, несмотря на широкую известность и общественный авторитет редактора, «Путь» не был журналом «одного лица», он являлся печатным органом сообщества известных российских деятелей культуры – философов, теологов, политологов, социологов, филологов, выступающих в качестве публицистов. Учитывая эту особенность своего издания, НА. Бердяев как редактор был вполне толерантен,

он нередко печатал статьи, с которыми не был согласен, но оставлял за собой право начать полемику. Таким методом обсуждались важнейшие темы. Например, обширная дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала, поднимала проблемы евразийской идеологии и была особенно острой потому, что сами представители евразийства участвовали в полемике на страницах «Пути».

Успех полемики нередко зависит от знания существа обсуждаемого вопроса, основ логики и психологии, эмоциональной приподнятости, умения владеть пером. Всеми этими качествами НА. Бердяев был щедро одарен, оттого неудивительна его успешность как полемиста. Предоставляя возможность на страницах журнала высказываться своим оппонентам, редактор последовательно отстаивал свои мировоззренческие позиции, свое видение актуальных проблем и возможность их разрешения.

Личностные и полемические качества НА. Бердяева наглядно проявились в статье, написанной в защиту известного писателя и публициста, преподавателя Православного богословского института св. Сергия Радонежского Г.П. Федотова, которого хотели уволить за статьи в «Новой России»[78]. Бердяев, глубоко возмущенный попытками ограничить свободу слова, выступил с резкой статьей «Существует ли в православии свобода мысли и совести?», которая, как и ожидалось, создала затруднения в работе над журналом, так как многие его авторы были штатными сотрудниками института.

НА. Бердяев писал: «От Г.П. Федотова требуют, чтобы он был “национально мыслящим”, хотя его менее всего можно заподозрить в сочувствии интернационализму. Нет ничего отвратительнее самого выражения “национально мыслящий”. Мы знаем, что значит быть “национально мыслящим”: на практике это значит быть бесчеловечным, корыстолюбивым, насильником, ненавистником, провокатором войны и часто войны против собственного народа»[79].

Таким образом, «Пути» приходилось бороться за свободу религиозной, философской, социальной мысли, за свободу творчества. «Путь» не избегал и политических вопросов, хотя отвергал узкий групповой подход к политике и осуждал склоки, которыми была отмечена политическая жизнь эмиграции. Н.А. Бердяев писал: «“Пути” удалось кое-что в этом отношении сделать. Он стал вне и над обычными политическими и церковными страстями эмиграции. Несмотря на “левое” социальное направление редактора, журнал стал вне обычной “правости” и “левости”. Положительный смысл и оправдание

эмиграции совсем не в области политики. Положительный смысл может быть лишь прежде всего в защите свободы, в создании трибуны для свободной мысли, в создании атмосферы свободного творчества»[80].

В 1938–1939 гг. «Путь» выступал за сопротивление гитлеровской экспансии, представлявшей опасность, как для России, так и для западных демократий, где эмигранты нашли себе пристанище. Накануне Второй мировой войны русское зарубежье оказалось зараженным политической и религиозной реакцией. Н.А. Бердяев считал, что русская православная атмосфера за рубежом могла лишь оттолкнуть от православия человека, который «дорожит истиной, правдой и духовной свободой». Юбилейный шестидесятый номер журнала «Путь» увидел свет в трагический момент истории европейской цивилизации, он совпал с началом Второй мировой войны. Н.А. Бердяев подчеркивал, что война ведется за освобождение мира, что расистской германской идее противопоставлена русская идея нового одухотворенного мира. Надо поклоняться правде, а не силе. Грядущее переустройство мира, по мнению Бердяева, должно быть не только социальным, но и духовным.

«Путь», несомненно, был лидером группы религиозно-философских журналов, которые создали иную, чем в СССР, концепцию прессы. Журнал «Путь» возник, формировался и развивался в непосредственной связи с важнейшей тенденцией духовно-нравственной и социально-политической жизни 20—30-х годов – движения общества к глубокому идейному и социальному переустройству. Значение этого журнала в том, что он явился первоосновой для становления религиозно-философской печати, стал точкой отсчета для философской публицистики за рубежом, обусловил ее объективность, идеологическую независимость, полемичность и патриотичность.

Религиозно-философская публицистика часто размещалась в ряду так называемых толстых журналов общественно-политической и литературной направленности, включая наиболее известные «Современные записки». Но наиболее ярко она была представлена в религиозно-философских изданиях, в группу которых кроме «Пути» входили также журналы «Новый град», концепция которого обозначалась как философско-религиозный и культурный обзор (ред.: Г.П. Федотов, И.И. Бунаков-Фондаминский, Ф.А. Степун), «Православная мысль» (изд. Богословского института св. Сергия в Париже) и «Вестник Русского студенческого христианского движения» (изд. Русского студенческого христианского движения). Первые два журнала, как и «Путь» выходили в издательстве YMCA-Press, ставшем к началу

30-х годов одним из ведущих по ежегодному объему и разнообразию тематики выпускаемой литературы.

Стоит обратиться к краткому описанию журнала «Новый град», посвященного вопросам религии, духовности и культуры. Инициатива создания журнала исходила от трех ведущих представителей эмигрантской интеллигенции, глубоко озабоченных проблемой возрождения православия и восстановления его роли в решении социальных и политических вопросов, проблем отдельной личности, волновавших и русских, и людей на Западе. Это были Г. Федотов, наиболее авторитетный и активный сотрудник; И. Бунаков-Фондаминский, один из редакторов «Современных записок», бывший член боевой организации партии эсеров и активный организатор благотворительных и просветительских мероприятий и акций в эмиграции; Ф. Степун, ученый-обществовед и философ, преподаватель Технологического института в Дрездене. В заявлении редакции (написанном Г. Федотовым) утверждалось, что «старый град» становится все более непригодным для жизни. Это вызвано угрозой духовного опустошения, которая исходит от экономического, общественного и политического хаоса. Задачей журнала провозглашался поиск и выработка основ «нового града» – «Града на Горе», заложенного на фундаменте христианской веры и универсальных духовных ценностей. Журнал «Новый град» последовательно освещал социальные, экономические и политические вопросы. Он призван был стать дискуссионной трибуной, с которой должны были обсуждаться основные идеи, которые могли бы стать строительным материалом для «нового града».

Г.П. Федотов и его коллеги по журналу оценивали русскую революцию как неизбежное в сложившихся условиях и имевшее позитивное значение событие. В них была уверенность, что «новый град», который должен возникнуть в России, явится образцом для подражания и источником вдохновения для Запада, поскольку он будет сочетать в себе духовные ценности православия с преимуществом уходящего корнями в индивидуалистическую, духовную метафизику христианского социализма в социальной, политической и культурной областях.

Религиозно-философские издания часто обращались к вопросам воспитания молодежи в условиях эмиграции, они активно поддержали создание молодежного движения, которое, перенимая опыт западных организаций, стало совершенно самостоятельным образованием. Речь идет о Русском студенческом христианском движении (РСХД) и его печатном органе – «Вестнике РСХД», который выходит по настоящее

время[81]. Благодаря «Вестнику» религиозно-философская публицистика обрела молодого читателя. Бедность и плачевное положение, одиночество молодежи заставляли искать духовный фундамент, на котором можно было бы заново строить свою жизнь. Обстоятельства складывались таким образом, что в поисках вдохновляющих идей приходилось обращаться к религиозной традиции.

Несмотря на постоянное внимание к повседневным делам и проблемам жизни, главное место в религиознофилософских изданиях занимали фундаментальные вопросы русской религиозной философии. Изыскания в области богословской мысли, исследования по философским и историческим наукам, творения святых отцов, сведения о духовных потребностях общества, критика – такова в основном проблемно-тематическая структура выступлений религиозно-философских изданий. Эти издания нельзя назвать массовыми, они больше рассчитаны на образованную, подготовленную к восприятию сложных духовных проблем аудиторию. Религиозно-философские журналы с точки зрения их содержательных моментов образуют преимущественно следующие составные: проблематика, напрямую связанная с методологическим и мировоззренческим обоснованием веры; религиозный взгляд на цель и смысл жизни, повышенное внимание к вопросам этики, христианской морали; духовно-просветительское направление, заключающееся в исследовании истории, искусства, философии с позиции религии; практическая целесообразность материалов, выраженная в советах, беседах, наставлениях духовного характера; проблемы, связанные с эстетическим воздействием на аудиторию в духовном воспитании. Тематический диапазон религиозно-философских журналов являлся чрезвычайно широким и насыщенным – от церковной проблематики до специальных философских вопросов. Разнообразие интересов, ожиданий, высокий интеллектуальный уровень аудитории непосредственно влияли на проблематику и внутреннюю структуру изданий.

Для религиозно-философской публицистики были характерны размышления над «длящимися» проблемами духовного характера, их углубленное исследование позволяло журналам реализовать свое преимущество как типа издания с углубленной трактовкой явлений духа, мысли, реальности. Однако следует отличать религиозно-философскую прессу Зарубежной России, издаваемую общественными организациями и частными лицами, от печати, принадлежащей церковным организациям. Совершенно очевидно, что и сам факт эмиграции, и положение церкви и религии на советской родине порождали у

изгнанников пристальное внимание к проблемам религии и восприятие главенствующей роли православной религии в сохранении своего национального и культурного единства. Религия во многом сохраняла у эмиграции чувство принадлежности к нации, ведь больше всего изгнанники боялись денационализации, потери преданности России, ее прошлому и, как надеялись, ее будущему.

Для многих эмигрантов обращение к религии явилось источником утешения и внутренней силы, необходимой для того, чтобы пережить тяготы изгнания и заполнить пустоту, возникшую после утраты прежних идеалов. Для большинства русских эмигрантов религиозная вера ассоциировалась с русским православием. Однако Православная церковь за рубежом, раздираемая внутренними противоречиями, проявившимися в конфликте между митрополитом Западной Европы Евлогием и Синодом в Сремски Карловичах, не могла быть духовным наставником тех образованных людей, кто искал ответы на вопросы, возникавшие под влиянием современных философских, научных, технологических и социально-экономических проблем.

Русские религиозные мыслители, несмотря на объективные материальные трудности эмиграции, имели поистине счастливую творческую судьбу. Для многих из них период эмиграции стал временем наибольшего расцвета, они оставили превосходные образцы философской публицистики, главной особенностью которой является всестороннее и, в частности, духовное обоснование происходящих в жизни человека и общества явлений и событий. «Обществу в изгнании», в том числе и с их помощью, удалось не только сохранить, но и развить свой творческий потенциал.

В заключение следует еще раз сказать, что оказавшиеся в изгнании отечественные писатели и публицисты изо дня в день неустанно трудились на журналистском поприще во имя России.

Кузнецов И.В., Зеленина Е.В. Публицистика русского зарубежья (М., 1999. С. 3—36)

НЕ ТОЛЬКО СИЛОЙ ОРУЖИЯ

В мае 2005 г. наш народ и все прогрессивное человечество отметили 60-летие Победы в Великой Отечественной войне, начиная которую Гитлер настойчиво утверждал, что это будет беспощадная борьба идеологий, расовых различий и вестись она будет с беспрецедентной жестокостью. В этих целях уже в 1938 г. в немецких войсках началось формирование специальных рот пропаганды, в состав которых входили военные журналисты, фото– и радиорепортеры, специалисты по созданию и распространению антисоветской литературы, плакатов, листовок. К моменту нападения на СССР насчитывалось 17 рот пропаганды, в 1943 г. их общая численность составляла 15 тысяч человек[82].

Уже в 1941 г. на временно оккупированной советской территории немцы распространяли на русском языке книги, брошюры, календари, иллюстрированные журналы, плакаты, портреты Гитлера и т. д. Но главным средством пропаганды были газеты и листовки.

Одним из основных центров их издания стал Смоленск. В годы войны здесь выходили газеты «Смоленский вестник» (с октября 1941 г.), «Голос Народа», «Новости за неделю», «Крестьянская газета», «За свободу» (орган власовцев), «Колокол» (газета крестьян оккупированных областей), журналы «Школьник», «Школа и воспитание». В 1943 г. два раза в месяц для служебного пользования издавались «Сообщения для офицеров Великой Освободительной Армии». Публикации этого власовского издания из номера в номер призывали крепить воинскую дисциплину и дружбу между немецкими и русскими офицерами, а также настойчиво утверждали: «Офицер РОА должен быть на голову выше командира Красной армии».

С 1941 г. выходили также газеты «Орловские известия» (с 1942 г. «Речь»), «За Родину» (гор. Дно Ленинградской области).

На основании имеющихся исследований и архивных документов установлено, что в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории издавалось около 300 различных газет, большинство из которых имели тираж 5—10 тысяч экземпляров. И лишь в редких случаях тиражи достигали 50—100 тысяч экземпляров, а смоленская газета «Колокол», выходившая для крестьян оккупированных областей два раза в месяц, распространялась в количестве 150 тысяч экземпляров. Еще более значительным тиражом (250 тысяч), выходила в 1942 г. в Киеве иллюстрированная газета «Украинский хлебороб».

Из немецких газет на русском языке нельзя не отметить

газеты «Новое время» (Вязьма), «Новая жизнь» (Рославль), Новый путь (Клинцы), «Белорусская газета» (Минск), «Кубань» (Краснодар), «Возрождение» – газета для промышленных предприятий.

Насколько многочисленными были в отдельных регионах гитлеровские издания, можно судить по Донбассу, где в августе 1942 г. выходило около десяти газет, в числе которых – «Мариупольская газета», «Донецкая газета» (обе на украинском языке), «Бахмутский вестник», «Новая жизнь» и др.

Уже в 1941 г. немцы начали вести и свое радиовещание. В Смоленске – с ноября 1942 г., а в мае 1942 г. начал радиопередачи орловский радиоузел. Сначала было две информационные передачи в день, в мае 1943 г. стало 6–8 передач, а за 1942 г. орловский радиоузел всего передал 850 политических информации, 50 международных обзоров, 120 политических докладов и лекций[83]. К июлю 1942 г. действовало свыше 1360 радиоточек.

Каждодневно гитлеровские газеты и радио уверяли читателей и радиослушателей, что Англия и США слабее Германии, а «большевизму пора умирать».

Возникшая в числе самых первых газета «Смоленский вестник» под постоянной рубрикой «Война с Советами» писала: «Советы обречены на гибель», «Вся московская промышленность парализована», «Военное положение большевиков безнадежное», «Сможет ли Сталин организовать сопротивление, откатившись за Урал» и т. д. «Начало конца», так была озаглавлена статья за 5 ноября 1941 г. «Гигантская советская армия, созданная 23-х летним рабским трудом русского народа, – говорилось в ней, – распалась на четвертом месяце войны с Германией». Еще раньше, 18 октября 1941 г., «Смоленский вестник» сообщал, что в силу мощных ударов германских войск Сталин и все народные комиссары, высшие чины армии и коммунистической партии сбежали в Сталинград, что вместе с ними сбежали также все иностранные политики, весь консульский персонал иностранных миссий.

В эти же дни «Смоленский вестник» безапелляционно утверждал, что битва под Москвой большевиками проиграна, что общее положение большевистской армии является безнадежным, и англичане с американцами скоро перестанут интересоваться разбитым Советским Союзом, что полное уничтожение советских армий является лишь вопросом времени.

Как и все гитлеровские газеты, «Смоленский вестник» на целые полосы публиковал выступления гитлеровских главарей. 12 ноября 1941 г. газета очередную речь поместила под заглавием:

«Судьба Европы на ближайшую тысячу лет решается сейчас». Борьба против большевиков, отмечается в ней, это борьба не только за Германию, но и за всю Европу. Наши достижения, хвастливо вещал Гитлер, единственны в мировой истории и если Берлин не станет столицей мира, то и Вашингтон никогда ею не будет.

Значительное место в газете занимали сообщения из оккупированных сел и городов. В статьях «Вперед к новой жизни», «Духовщина оживает» и других читаем: германская армия пришла в Россию не как враг, а для того, чтобы создать «новую социальную справедливость», освободить русский народ «от большевистского порабощения». Особенно настойчиво утверждалось, что не Германия напала на Советский Союз, а Сталин и его «коммунистическая клика» в безумном стремлении к мировому господству ввергли Россию в последнюю из своих авантюр – войну с Германией, и теперь наступил час расплаты. «7 ноября 1941 года, большевики отметят последнюю годовщину своего господства»[84], – акцентируется внимание читателей в передовой статье «24 года», посвященной очередной годовщине Октябрьской революции.

Аналогичное содержание и столь же возвышенный тон характеризуют немецкие издания даже накануне разгрома фашистов под Сталинградом, Орлом и Белгородом. Красноречивое тому свидетельство находим в военных дневниках К.М. Симонова. В феврале 1943 г., вспоминает он, ему удалось обнаружить в только что освобожденном Краснодаре комплект немецких газет на русском языке. Это были «Кубань» – орган бургомистра Краснодара, «Возрожденная Кубань» – орган управления Усть-Лабинского районного атамана и «Майкопская жизнь» – издание городской управы. В октябре 1942 г., отмечает К.М. Симонов, тон статей «возвышенный и торжествующий». В одной передовой – жизнеописание Адольфа Гитлера, в другой призыв к крестьянам лучше проводить весенний сев пшеницы, твердо помня, что это один из главных вкладов в дело быстрейшей победы германской армии, проливающей кровь за их освобождение. В третьей передовой под заглавием «Творчество свободы!», посвященной литературе, говорилось: «Уже сейчас в Краснодаре без всяких ограничений по инициативе германского командования можно писать все и свободно печатать. Нет ограничений для творчества. Творчество свободно! Слава Германии!» Еще одна передовая, читаем в дневнике писателя, озаглавлена: «Наше дело – создание свободной Европы». «В настоящее время вся сознательная Европа, – особо отмечается в ней, – борется против засилья большевиков, англичан и

американцев».

Самое интересное в дневниках К.М. Симонова – это публиковавшиеся в конце 1942 г. сообщения с фронта. «Бои за Сталинград, – гласит одна из фронтовых сводок, – вступают в последнюю фазу. Из московских отчетов видно, что падение города близко»[85].

Из других напечатанных в газете сводок узнаем: «В западной части Кавказа германские войска сломили сопротивление врага», «Уничтожено 900 советских самолетов», «На участке Терека враг повторил свои тщетные атаки. Между Волгой и Доном немецкие бронедивизии в совместном действии с румынскими частями в атаке против упорно обороняющегося противника взяли важный участок реки». И, наконец, в новогоднем номере «Возрожденной Кубани» за 1943 г. утверждалось: «Совсем не нужно быть гениальным провидцем, чтобы не отдавать себе ясного отчета, что именно наступающий 1943 год будет годом потрясающего и позорного разгрома большевиков»[86].

В последнем номере этой газеты, изданном 28 января 1943 г., за две недели до освобождения Краснодара, во фронтовой сводке читаем: «Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, в районе Восточного Кавказа наша тяжелая артиллерия обеспечила отвод наших войск на новые позиции, вопреки продол-жительному натиску врага»[87].

Все русскоязычные газеты на оккупированной территории, особенно орловская «Речь», отличались угод-ливостью перед захватчиками. Редактор «Речи» Миха-ил Октан и сотрудники этой газеты, не жалея красок, воспевали гений Гитлера и других фашистских главарей. Недаром в апреле 1943 г., ко дню рождения Гитлера, Октан был награжден серебряными орденами «За храбрость» и «За заслуги», литературный редактор га-зеты П. Марков – орденом «За заслуги», литературный сотрудник С. Румянцев – орденом «За храбрость». Та-ких высоких наград удостаивались лишь высокие чины гитлеровской армии.

Как главный редактор газеты «Речь» Октан имел возможность в каждом номере славословить гитлеровскую армию, даже в дни разгрома немцев под Сталинградом. Особенно рьяно он утверждал, что ответственность за эту войну единственно и в полном объеме несут «боль-шевики и только большевики». В статье «Маска сорвана» Октан заявляет: «Подчинив себе более 150 миллионов че-ловек, они возомнили себя Александрами Македонскими. Но до 1937 г. все эти Сталины, кагановичи, мехлисы все еще надеялись на нарастание революционного кризиса внутри европейских стран и поэтому решительных мер к вооруженному нападению не предпринимали. Когда же

выяснилось, что на революционный кризис никаких надежд нет, началась бешеная гонка вооружения. Армия достигла 3 млн человек. Но не удалось большевикам опередить и вонзить предательский нож в спину Германии, надежда на легкую победу лопнула, как мыльный пузырь. Германская армия по приказу Гитлера всего на несколько дней опередила наступление Красной армии. И это стало началом конца большевистской власти. Только война, – акцентирует внимание читателей Октан, – дала возможность понять, что Красная армия нужна была большевикам не для защиты отечества, а для осуществления своего сатанинского плана». И заключает: «Придет время и история воздаст должное германскому народу, как подлинному освободителю от вечного рабства»[88].

В передовой статье следующего номера «Разрушенный миф» Октан утверждает, что еще в мае 1941 г. на совещании высшего командования Сталин прямо поставил вопрос о подготовке к войне с Германией, заявив: «в этом году, или никогда»[89]. И вот, с первых дней развязанной им войны, продолжает утверждать редактор «Речи», миф о непобедимости Красной армии «рассыпался как карточный домик» и теперь уже ничто не избавит большевистскую армию от разгрома немецкой армии, «самой могучей армии в мире, несущей советскому народу освобождение от внутренних врагов»[90].

С особым умилением писала «Речь» о «благостной жизни», «о чудесном возрождении» Германии с приходом к власти Гитлера в 1933 г. 31 января 1943 г. в очередной передовой статье «Десятилетие побед» Октан пишет: «Десять лет назад президент Германии фельдмаршал Гинденбург вручил вождю национал-социалистической партии Германии Адольфу Гитлеру правительственные полномочия. С этого дня судьба Германии преобразилась, страна расцвела, освободившись от еврейского влияния, стала бастионом трудолюбия и справедливости и сейчас воля и гений Гитлера приведут ее к победе».

Через неделю, 5 февраля 1943 г. «Речь» публикует двухподвальную статью «Уверенность в победе», и снова Октан восторгается, что десятилетие прихода к власти Гитлера – подлинный праздник всего немецкого народа, хотя этот юбилей и отмечается в суровое военное время, в дни, когда под Сталинградом потерпела поражение доблестная 6-я армия фельдмаршала Паулюса. Но зато немецкие, румынские и хорватские войны, сражаясь до последнего патрона, совершили небывалый исторический подвиг, с которым «вряд ли может сравниться даже героический подвиг защитников Фермопил». И этот подвиг, заключает автор статьи, «еще более укрепит веру в

победу Германии».

Вслед за этой статьей газета печатает речь Геббельса «Тотальная война», в которой гитлеровский главарь не мог не признать, что «натиск большевиков начался в эту зиму с такой силой, которая оставляет в тени все человеческие и исторические представления»[91]. И тут же, снова утверждая, что цель большевиков – мировая революция, призывает «все поставить на службу победе. Таково требование настоящего часа. И поэтому наш лозунг гласит: народ, вставай, штурм начинается!»[92]

Можно с уверенностью утверждать, что ни одна из гитлеровских газет, выходивших на оккупированной территории, не печатала такого обилия материалов «о благостной жизни» в захваченных селах и городах, да и в самой Германии. В течение октября – ноября 1942 г. из номера в номер публиковались путевые заметки М. Октана «С блокнотом по Германии», главная мысль которых выражена в заключительной фразе одного из его материалов: «Мы вернулись из страны осуществленной мечты».

Нельзя не отметить появлявшихся в гитлеровских газетах сведений о том, как и во имя чего они создавались. Так, 18 октября 1942 г. в статье «Первая годовщина» редакция газеты «Речь» сообщала, что созданная в октябре 1941 г. газета сначала имела название «Орловские ведомости» и выходила как «совсем маленький листочек, при помощи которого немецкое командование сообщало населению новости с фронта и мероприятия властей. Постепенно листок рос и из издания в несколько сот экземпляров превратился в газету с 70-тысячным тиражом». Постепенно, сообщает редакция, были привлечены «силы из среды населения», ставшие корреспондентами, но газету всю делали чины Германской армии, задачей которых было «служить пропаганде не лжи, сфабрикованной в Москве, а неподкупной правде, вскрывающей эту ложь»[93].

Точно так же под руководством чинов германской армии создавались и другие газеты, очень похожие, имевшие одни и те же рубрики: «Сводки с фронта», «В освобожденных областях», «К новой жизни», «Разгром большевиков неизбежен», «Война с Советами», с одними и теми же на целые полосы материалами о Гитлере, Геббельсе, Геринге и Муссолини. В неустанной борьбе за «неподкупную правду» по указке немецких чинов гитлеровские газеты внушали и внушали, что германская армия – подлинно народная и нет такой силы, которая могла бы сокрушить «этот мощный бастион защиты прав человека», что силы большевиков разбиты и история произвела над ними окончательный, не подлежащий обжалованию приговор.

Во всех без исключения газетах публиковались «странички

добровольца», с одними и теми же материалами о генерале Власове: «Генерал Власов на боевых учениях», «Пребывание генерала Власова в освобожденных районах», «Открытое письмо генерал-лейтенанта Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» и т. д. Все эти публикации сопровождались одними и теми же фотографиями. Нередко публиковался текст «Песни русской освободительной армии»:

Нет для нас полумер, колебаний
Большевизм уничтожим!
Вперед![94]

Немало было создано и власовских газет: среди них «Заря», выходившая в Берлине под девизом: «Трудящиеся всех стран, объединяйтесь для борьбы с большевизмом!», «Доброволец», издававшийся также в Берлине на русском и украинском языках, еженедельник «За свободу» (Смоленск) и др. Власовские газеты, естественно, основное внимание уделяли восхвалению «вождя русского национально-освободительного движения» и его армии, как особо отмечалось, показывающей «исключительно высокую военную подготовку и моральную устойчивость» в боях на Восточном фронте» и в борьбе с партизанами. Постоянно со страниц этих газет звучал призыв «Крепить боевую дружбу между русскими и немецкими офицерами» во имя быстрейшей победы над большевизмом.

Под рубриками «Агония большевизма», «Волнения в большевистском тылу» власовские издания печатали немало самых нелепых измышлений. Так, газета «За свободу» в 1943 г. сообщила о восстаниях против советской власти на Кавказе, в Саратове и в Горьком, для подавления которых вызывались войска из соседних областей, и что имеются «тысячи убитых»[95]. Писали также о том, что вождь германской компартии Э. Тельман порвал с большевизмом, открыто отказался от своих убеждений, освобожден из тюрьмы и «честно работает на благо Германии начальником почтовой конторы в одном из немецких городов»[96].

Нередко власовские газеты публиковали условия приема в отряды РОА. «В отряды принимаются, – узнаем из этих условий, – все лица мужского пола, способные носить оружие. Обмундирование, денежное и продовольственное снабжение приравнивается к таковому же солдат немецкой армии. Отличившиеся в боях против большевизма имеют право на первоочередное получение земельных наделов»[97].

Целые полосы и в этих газетах занимали речи А. Гитлера, Й. Геббельса, но в них уже самое главное – нельзя допустить

поражения немцев, что лучше умереть, чем жить в завоеванной врагом Германии.

С газетных полос звучат призывы: «Победа или Сибирь!», «Радуйтесь войне, ибо мир будет страшным».

Некоторые из немецких газет имели сатирические и другие приложения. «Речь», например, издавала сатирическое приложение «Жало», в котором, кроме Сталина, постоянной критике подвергались Калинин, Каганович, Ворошилов, Буденный и др. В каждом номере некто А. Веснин печатал стишки:

> Флаги со свастикой гордо реют,
> Фюрера войска большевиков развеют[98].

Газета «Новый путь» (Клинцы) в 1942–1943 гг. в качестве приложения издавала двухполосный «Женский листок», который, заманивая молодежь на работу в Германию, писал: «Русский народ так много страдал, что теперь особенно важно, чтобы им управляли люди, безусловно честные, правдивые, справедливые», а это как раз мы и видим в Германии. И тут же статьи о высшем образовании в этой стране женщин, об их культурном отдыхе в уютных общежитиях, публикуются также подборки стихов под рубрикой «Женское творчество».

В немецких отчетах немало пропагандистских материалов, призывавших к пополнению русских формирований Вермахта. В этих целях был немедленно использован факт пленения 16 июля Якова Джугашвили, старшего сына Сталина. Сообщение о том, что сын Сталина сдался под Витебском в плен «с тысячами других командиров и бойцов», неизменно сопровождалось призывом следовать его примеру, так как «всякое сопротивление Германской армии отныне бесполезно».

Анализ выходивших на временно оккупированной территории немецких изданий дает возможность заключить, что их лживая антисоветская пропаганда не достигала желаемого гитлеровцами результата, о чем свидетельствуют постоянные попытки маскировать их под центральные и местные советские газеты: «Правду», «Красную звезду», «Советскую Белоруссию» и т. д. В августе 1943 г. в Минске вышел специальный геббельсовский номер «Совецкой Беларуси», содержавший призыв к партизанам выйти из лесов, сложить оружие и сдаться на милость победителя. Подделка была незамедлительно разоблачена многими советскими подпольными партизанскими газетами, а Минский подпольный РК ВКП(б) выпустил изобличающую листовку «Очередная фальшивка Геббельса»[99].

При всех ухищрениях лживая фашистская пропаганда не

обладала такой силой воздействия, как советские газеты и листовки. За годы Великой Отечественной войны было издано около 3 миллиардов советских листовок, в среднем по 70–80 на каждого, оказавшегося на оккупированной территории, человека[100].

О том, какое воздействие оказывали советские листовки на немецких солдат, свидетельствует унтер-офицер штрафной роты 162-го пехотного полка 61-й пехотной дивизии Гейнц Пушман: «Сегодня, – гласит запись в его дневнике, сделанная в ноябре 1941 г., – русские самолеты засыпали нас листовками. Читали почти все, даже офицеры. Советские листовки помогают нам понять, что именно происходит. Меня всегда поражала способность комиссаров просто и ясно изложить самый сложный вопрос. Кроме того, меня сильно интересует вот что: где научились большевики писать простым и понятным языком»[101].

Перо Эренбурга, – отмечал маршал И.Х. Баграмян, «было действеннее автомата»[102], а в одном из писем А.Н. Толстому фронтовики писали: «В дни Великой Отечественной войны, Вы, Алексей Николаевич, тоже являетесь бойцом и мы чувствуем, как будто вы находитесь с нами совсем рядом, плечом касаясь каждого в строю. У Вас иное оружие. Но оно так же остро, как наши штыки, как клинки наших красных конников: его огонь такой убедительный, как огонь наших автоматов и пушек. Мы вместе громим обнаглевших фашистов»[103].

В другом солдатском письме А. Толстому говорилось: «Ваши статьи читаем по нескольку раз и всегда после читки статей нашу Родину-мать хочется крепче и крепче любить»[104].

К этому следует добавить, что произведения А.Н. Толстого в годы войны выходили поистине огромными тиражами: очерк «Смельчаки», напечатанный 24 июля 1941 г. в «Красной Звезде», переиздавался 35 раз на 17 языках народов СССР общим тиражом 2 миллиона экземпляров. Статьи писателя содержали такой обличительный заряд гитлеровских зверств на оккупированной территории, что Геббельс вынужден был оправдываться, заявляя, что Толстой пишет «окровавленным пером» и «бессовестно врет». «Заявляю на весь мир, – отвечал писатель Геббельсу в статье «Лицо гитлеровской армии», напечатанной в «Правде», «Известиях» и в «Красной звезде» 31 августа 1941 г., – всем гражданам и воинам свободных стран, борющимся с фашизмом, а также германскому народу. Я заявляю: немецкие солдаты и охранные отряды фашистов совершают столь непостижимые уму зверства, что – прав Геббельс – чернила наливаются кровью, и, будь у меня угрюмая фантазия самого дьявола, мне не придумать подобных пиршеств пыток, смертных воплей, мук, жадных

истязаний и убийств, какие стали повседневными явлениями в областях Украины, Белоруссии и Великороссии, куда вторглись фашистско-германские орды». Статья в тот же день была передана на иностранных языках по всему миру.

Имеются многочисленные свидетельства того, как правдивое слово советских писателей и журналистов помогало громить фашистов. В ноябре 1942 г. в «Известиях» появилась статья Н. Тихонова «Будущее». «Газета с этой статьей, – вспоминал писатель, – попала в партизанский край, в Белоруссию. Партизаны выпустили статью отдельной брошюрой. Молодой, беззаветно храбрый партизан Саша Савицкий погиб в неравном бою, не сдавшись врагам. Было это 25 июня 1943 г. Фашисты нашли у погибшего только эту брошюру»[105].

Поистине, не только силой оружия была достигнута наша Великая Победа.

Журналисты XX века: Люди и судьбы (М.: ОЛМА-ПРЕС, 2003. С. 159–164)

ИЗДАВАЛСЯ ДАЖЕ НА ЯЗЫКЕ ЭСПЕРАНТО

Его имя было одним из самых популярных среди советских журналистов. Уже в 1925 г. под заглавием «Дела и люди» увидел свет двухтомник его очерков, статей и фельетонов, почти каждодневно печатавшихся в «Правде». А через два года под тем же общим заглавием вышли третья и четвертая книги. Каждый том имел свое название: том первый «Рассея», второй – «Лед прошел», третья – «Люди нового времени», четвертый – «Лешегоны и лешегонство».

Произведения публициста переводились на иностранные языки, а одна из книг была издана на языке эсперанто, да еще с иллюстрациями[106]. Его фельетоны были включены и в весьма оригинальную книгу «Сатирический чтец-декламатор», изданную в 1928 г. Это издание было первой попыткой представить произведения советских авторов, выступавших на поприще сатиры и юмора в первые годы революции, таких как Михаил Зощенко, Демьян Бедный, Владимир Маяковский и других известных сатириков. Имя этого публициста Лев Семенович Сосновский, творческий путь которого – одна из самых ярких страниц в истории советской журналистики. Его публицистика могла бы составить многие тома, но при жизни автора из написанного им было издано далеко не все, да и то, что увидело свет, попало в спецхраны и в течение более пятидесяти лет не было доступно читателям.

Лев Семенович Сосновский родился в 1886 г. в Оренбурге. Его отец, отставной николаевский солдат, познал горькую долю кантониста и 25 лет солдатчины. Человек он был малограмотный, но адвокатствовал, заставляя своего девятилетнего сына переписывать начисто прошения и жалобы для своих клиентов. В революционном движении Лев Семенович с 1903 г., в РСДРП с 1904 г. Принимал активное участие в первой российской революции. В 1905–1912 гг. участвовал в организации профсоюзов в Ташкенте, Баку, Москве. В это же время начинается и его журналистская деятельность: выступал в московских большевистских изданиях «Рабочее дело» (1908), «Вестник труда» (1909), а затем в «Правде». Самое активное участие принимал в организации и редактировании журнала «Вопросы страхования». Оказавшись в годы Первой мировой войны в Екатеринбурге, сотрудничал в газете «Уральская жизнь».

Исключительно интенсивной стала журналистская деятельность Л.С. Сосновского в послеоктябрьский период. В первый год Советской власти ему вместе с В. Володарским

довелось создавать в Петрограде «Красную газету». «Володарский, – свидетельствует Л.С. Сосновский, – был больше меня занят партийной (преимущественно агитаторской) работой и появлялся в редакции только к ночи, чтобы написать боевую передовую статью на острую тему дня. Я же проводил целые дни в редакции, подбирал сотрудников для нового типа газеты и просматривал весь материал»[107].

С весны 1918 г. Л.С. Сосновский вместе с В.А. Карпинским возглавил газету «Беднота» и более шести лет оставался ее неизменным редактором. Работа в «Бедноте», чтение крестьянских и солдатских писем сблизили с жизнью села, ставшей одной из ведущих тем его публицистики. Нельзя не отметить заслуг Л.С. Сосновского и в становлении газеты «Гудок» – массового издания железнодорожников, которую в первые месяцы издания он также редактировал.

Лев Семенович Сосновский

Но основной, самой главной стала для него работа в «Правде». «С весны 1918 года, – пишет он в автобиографии, – я был постоянным работником “Правды”, совмещал эту работу с разными другими, но не одной другой не отдавал столько сил, сколько “Правде”. Мне пришлось протаптывать дорогу советскому фельетону. Первые месяцы и годы революции, кроме меня и Демьяна Бедного, фельетонов почти не писал никто. Потом появился В. Князев, за ним другие. Некоторые фельетоны были изданы в двух томах под названием “Дела и люди” (первый том “Рассея”, второй – “Лед прошел”). Кроме того, вышли небольшие книжечки статей в разных издательствах: “Советская новь”, “О музыке и о прочем”, “Больные вопросы”, “Дымовка”, “О культуре и мещанстве” и др.[108]

Подводя некоторые итоги своей публицистической деятельности в начале 1920-х годов, Л.С. Сосновский отмечал, что ее содержание можно охарактеризовать так: сначала были боевые статьи против белогвардейщины, затем появляются фельетоны, отражающие действительность – нечто «вроде бытописательства», далее открывается фронт внутренний – проблемы развития советской экономики, борьба с бюрократизмом, критика различных недостатков. Особое место занимают выступления на тему о сельском хозяйстве – о животноводстве, о культуре корнеплодов, о различных сортах пшеницы, о новой культуре – кенафе и т. д.

Анализируя публицистическое наследие Л.С. Сосновского, нельзя не вспомнить его очерка-некролога о Л.М. Рейснер, в котором он подчеркивал: «После нас, через много лет, если люди захотят почувствовать дыхание революции, великого восемнадцатого года, они многое получат в работах Рейснер. Подумайте сами, много ли красочной, художественной литературы вы найдете о восемнадцатом годе, такой, которая сравнилась бы с очерками Ларисы Рейснер? Я лично, сколько не пытаюсь вспомнить что-нибудь подобное, не знаю ничего»[109].

Эти слова с полным правом можно отнести и к публицистике Льва Семеновича, которую отличает также яркое правдивое воспроизведение действительности. Вот как начинается, например, очерк «Рассея»: "Мы, граждане села Розы Люксембург, Интернациональной волости. Калужского уезда, той же губернии, шлем привет Коммунистическому Интернационалу" и т. д. Прошу не считать выдумкой. Такая волость и такое село есть. И такая резолюция была напечатана в газете. Вообще в Калужской губернии улицы, волости, села переименовывали очень решительно. Село "Розы Люксембург" звучит странно и неудобопроизносимо. Но чем лучше прежнее название деревни Декабристов – деревня "Язва"»[110].

Живые приметы тех лет находим в очерке «Национализация». Высмеивая неумное рвение местных властей, задавшихся целью немедленно ввести в своей местности социализм и немедленно по этому поводу заколотивших все частные лавчонки («социализм, так социализм, черт побери!») и, впав в полное уныние от такого «социализма» («самого пустяшного пустяка нельзя никаким манером достать»), публицист мастерски воссоздает картину введения такого «социализма» в городе Быхове Могилевской губернии: «Для этого, само собой, требовалось создать соответствующие органы управления магазинами, – ну, скажем, экономический отдел с подотделами или маленький совнархоз, что ли. Однако здесь встретились с

маленьким препятствием. В городе не оказалось той бумаги, на которой пишут отношения, постановления, удостоверения, разрешения – словом, простой писчей бумаги. Нет ни листочка – и шабаш. Стали ждать, пока пришлет бумаги Могилев. А в Могилеве своя бумажная трагедия. Мало того, что бумаги нет, так и приобрести ее адски трудно»[111].

Высмеивая быховцев и подобных им, не способных без бумаги распечатать злополучные лавчонки, фельетонист заключает, что скоропалительная национализация, не прибавляя нам ни одного друга, поставляет кучу новых врагов, делает обиход среднего обывателя нестерпимым, заставляет его вздыхать даже о только что изгнанных немцах, при которых не было «бестолочи с заколачиванием лавочек».

Критика проявляющейся в те годы «бестолковости» и подлинная радость от каждого успеха нередко переплетались в одном и том же произведении. Ярко это проявилось в очерке «Дома». Автор взволнованно передает, какие радостные чувства испытывает любой, возвращаясь через «маргариновую Европу» на родину, в Россию, когда, прильнув к окну, вслух или про себя с гордостью повторяет: «Это – наше». И в этом же очерке звучат многие горькие вопросы: почему так нищенски, жалко одет направляющийся к вагонам красноармеец, почему на нем шинелишка «болтается, как на чучеле», почему словно кому-то на потеху российская граница отмечена каким-то ужасным курятником, на крыше которого – «рыжий изорванный сапог», почему, чем дальше от Берлина на восток, тем проезд становится «дороже и грязнее?»[112].

Стремление к отображению в своих статьях, очерках, фельетонах подлинной действительности позволило Л.С. Сосновскому откровенно заявить: «когда-нибудь величайшие художники сумеют соединить кусочки зарисовок современности в величественную картину. Может быть, они воспользуются, как материалом, и этими непритязательными очерками. Их единственное достоинство – правдивость»[113]. С позиций подлинной правды написаны лучшие в его публицистическом наследии очерки «В гостях у советского „робинзона“», «Тяжелые дни Волховстроя», «Лед прошел» и другие.

Первый из названных очерков появился в «Правде» 7 ноября 1923 г. с необычным вступлением: «Обществу хозяйственной разведки» вольного хозразведчика Л. Сосновского. Рапорт № 1. Обращение ряда предприятий ко всем журналистам создать «Общество хозяйственной разведки», задача которого находить, всячески поддерживать и помогать тем, кто ведет борьбу с хаосом, рутиной, со всем, что мешает строительству нового, было

восторженно встречено Л. Сосновским. В ответ на это обращение в своем «Рапорте № 1» публицист, выражая уверенность, что «Общество хозяйственной разведки» станет центром притяжения всех честных тружеников, всех пионеров производства, заявлял: «Я с вами, товарищи, мои глаза, уши, мое перо в вашем распоряжении. Кончается кустарный период всех разведок и начинается индустриальный. Вхожу в общество и думаю, что буду для начала едва ли не самым богатым пайщиком»[114].

Пайщиком «Общества» Л.С. Сосновский действительно оказался богатым: очередным его рапортом стал не только очерк «В гостях у советского "робинзона"», но и опубликованные в «Правде» 9 ноября 1923 г. материалы «В деревне», «В волости», «Самородок-садовод», «Контрреволюционеры выпуска 1923 г.». Все эти материалы созвучны по содержанию: честные труженики на собственной земле, преодолевающие неимоверные трудности, возрождают пришедшую в упадок деревню, всю нашу экономику на основе политики НЭПа.

На таких, как Красильников (герой очерка «В гостях у советского "робинзона"»), сегодня наша надежда, пишет Л.С. Сосновский, воссоздавая историю человека труднейшей судьбы. Мать жила милостыней и умерла в полной нищете. Сам в годы революции был на самой разной работе, а в последний период гражданской войны – комиссаром дивизии. Семья этого советского генерала бедствовала так, что герою очерка приходилось продавать последнюю одежду, чтобы выжить. И он все-таки сумел наладить свое хозяйство, точно робинзон на острове среди моря мужицкого недоброжелательства. Всем очерком публицист на примере Красильникова утверждает, что его путь к благополучной жизни, к достатку доступен всякому, даже инвалидам.

Немало поучительного и в последующих публикациях, появившихся под общим заглавием «Обществу хозяйственной разведки». Опытному «хозразведчику» удалось и в самой старомодной деревне Мамонихе найти свидетельства, что и эта деревушка «сдвинулась с трехпольного видения» (зарисовка «В деревне»). С толковейшим человеком, со страстью фанатика многие годы занимающимся культурным садоводством и огородничеством, знакомит нас публицист в корреспонденции «Самородок-садовод». Показывая человека, который «с каждым деревом знаком лучше, чем мы со своими детьми», который работает не ради собственного обогащения, а над приспособлением разных пород к местным условиям, заслужил, резюмирует автор очерка, чтобы его сад взял под свое попечительство уездный замотдел как питомник-рассадник для

всего района.

Особенно актуальна и в наше время заключительная корреспонденция цикла материалов «Обществу хозяйственной разведки» – «Контрреволюционеры выпуска 1923 г.». Во время своих поездок публицист натолкнулся на своеобразных «контрреволюционеров» образца 1923 г. – «жалобщиков» и «законников», как их называют уездные власти. И вот перед нами предстают люди, не боящиеся открыто критиковать мастеров «городить пустое», давать абсолютно невыполнимые обещания. Эти люди – самые культурные хозяева-крестьяне, и если таких «контриков» «впрячь в советскую телегу», говорится в корреспонденции, «повезли бы они по совести». В корреспонденции делается вывод, что далеко не все работники укомов знают настоящих хозяев – крестьян своего уезда, и «Обществу хозяйственной разведки» следует воздействовать на общественное мнение в этом духе.

Не обходил Л.С. Сосновский таких негативных явлений действительности, как расточительство, хищничество, бесхозяйственность, бюрократизм, волокита. «Сколько тупого, бесстыдного бюрократизма вокруг нас», – писал он в фельетоне «Советская казна дыбом, или Как у нас советскую копейку берегут», рассказав о длившейся с декабря 1922 г. по январь 1924 г. истории о взыскании штрафа в сумме, на которую в то время не то что коробку спичек, но даже одной спички нельзя было приобрести. И сколько таких дел по всей республике, с горечью восклицает публицист и заключает: «Если потрясти эту рухлядь, эту разорительную канцелярщину, сколько мы найдем средств на полезные культурные дела, порой гибнущие из-за отсутствия незначительных сумм»[115].

Непримирим был Л.С. Сосновский к безответственности, бесконтрольности, приводившим нередко к хищениям в особо крупных размерах. Как в трудовой республике существуют штатные должности бездельников, откуда есть пошла на Советской Руси новая буржуазия, как в карман некоего Карманова в результате лишь одной махинации попало сто тысяч рублей золотом, – обо всем этом прочитали миллионы читателей в фельетоне «Севастьян Карманов и его хождение по НЭПу (истинная повесть в трех частях с судебным эпилогом)», обнародованном в «Правде» 19 декабря 1923 г.

Объектами критики публициста были также саботажники, волокитчики, волынщики, бракоделы. «О хищениях бескорыстных» – так был озаглавлен фельетон, показывавший, что Мосшвея поставляет изделия, которые «лучше всякой эсеровской прокламации агитируют против Советской власти»[116].

Аналогичное воздействие оказывали, как показано в фельетоне «Подкладочка», изделия обувной фабрики, подкладочка которых «не прочнее паутины». Развеять атмосферу безнаказанности призывает фельетонист и в других выступлениях.

Всевозможные проявления бюрократизма – также одна из постоянных тем выступлений Л.С. Сосновского. В этой связи можно выделить фельетоны «Потоп» и «Некрещеный паровоз». Какой вред экономике страны наносит бесконечный поток всевозможных бумаг, наглядно показано в фельетоне «Некрещеный паровоз». Многими днями, а то и неделями простаивают новенькие, мощные паровозы только потому, что у них не те еще номера, которые не удосужилось сообщить вовремя Центральное правление заводов тяжелой индустрии (ЦЕПТИ). Публицист призывает задуматься, что нас ждет с нашими хозяйственными планами при таких порядках. Нужно сосчитать, подчеркивается в фельетоне, сколько пудоверст потеряла республика из-за простоя мощных паровозов, а потом на соответствующее количество месяцев или хотя бы дней посадить в Бутырки виновников этого преступления.

Высмеивал публицист и бесчисленные нелепые комиссии по всевозможным заготовкам, деятельность которых он определял одним словом – «бестолковщина». С убийственной иронией эта бестолковщина изобличалась во многих материалах, в том числе в фельетоне «Проделки Скапена, или Классическая комедия». Живописуя деятельность комиссии по заготовке валенок и лаптей – «ЧЕКВАЛАП», Л.С. Сосновский писал: «В нашей хозяйственной деятельности много "чеквалапства". "Почеквалапили" три года – и довольно. Пора вырасти»[117].

Освещая наши успехи, публицист многократно убеждался в том, что достижения советских людей были бы несравненно более значительными, если бы не сдерживались чудовищной силой бюрократического государственного аппарата. В очерке «Тяжелые дни Волховстроя» он без обиняков заявляет, что когда эта электростанция будет достроена и даст энергию Питеру – это будет чудо! Да, чудо, потому что стройка будет завершена не благодаря, а вопреки стараниям почти всего государственного аппарата сорвать строительство. И горше всего то, замечает публицист, что во враждебной нам механике бюрократии далеко не последнюю роль играют и коммунисты, занимающие ведомственные посты.

Показывая тяжелые дни Волховстроя, то, как десять тысяч человек взнуздывают стихию, а главный инженер строительства Графтио, как щепка, носится по волнам бюрократической стихии, которую унять бессильны «даже Ленин, даже компартия»,

публицист резюмирует: по вопросу, который так мучил товарища Ленина – об улучшении государственного аппарата – история Волховстроя дает печальный ответ. «Речь, – читаем в очерке, – идет о том, насколько удается нам спасать наши начинания из-под губительного действия бюрократии, а вовсе не о том, насколько мы подчинили себе бюрократию»[118].

Наглядным воплощением бюрократизма, полной трагедией для строительства ГЭС стали бесконечные комиссии РКИ, десятки раз обследовавшие волховские работы. Последняя из таких комиссий, сообщается в очерке, усердно трудилась целых 67 дней, было задано в письменном виде 1555 вопросов, составление ответов на которые потребовало 1500 рабочих человекодней, а представленные ответы истребовали около трех пудов бумаги.

Главная цель очерка, как ее определил сам публицист, уменьшить трудности и препоны на пути Волхов-строя. К этой же цели – «уменьшить трудности и препоны» – стремился он и во многих других выступлениях: «Русская галоша и русская лампочка», «Около галоши», «О ламповой концессии», «О тормозах», появившихся в «Правде» в январе – апреле 1923 г. Во всех этих материалах Л.С. Сосновскому пришлось выдержать настоящий бой с теми, кто готов был по любому поводу приглашать американских, голландских, немецких концессионеров, не прилагая особых усилий для развития нашей отечественной промышленности. Нелегко было публицисту убеждать министров и их замов отказаться от услуг всех, настойчиво стремившихся «облагодетельствовать» нас новыми и новыми концессиями. В корреспонденции «Русская галоша и русская лампочка» он свидетельствует: «Один заместитель наркома писал в партийное учреждение: "Что мне делать с Сосновским? Не заглянув в святцы, бухает в отвратительные колокола. Он гадит нам всю нашу концессионную политику". Другой нарком писал мне: "…впредь, прежде чем писать подобные вещи, прошу вас запрашивать меня"»[119]. Но, вопреки всем трудностям, репортер добивался поставленной цели: не без его усилий налажен был выпуск лампочек, галош и некоторых других изделий. «В результате галоша стала советской, и даже заграничные буржуа, – с удовлетворением сообщает репортер, – кое-где носят галошу с советским гербом, причем некоторым утешением им может служить то, что они наступают ногами на ненавистный герб и, так сказать, попирают его»[120].

Признали правоту публициста и те, которые громогласно заявляли, что он «бухает в отвратительные колокола», что «портит им всю концессионную политику». В очерке «Русская галоша и русская лампочка» приводится выступление на

Всероссийском съезде химиков председателя ВСНХ Богданова, подчеркнувшего, что резиновая промышленность, изжив внутренние организационные трения, сделала громадный скачок и может существовать своими средствами без привлечения иностранного капитала. Подобные свидетельства были чрезвычайно важны, так как борьба за самостоятельное развитие важнейших отраслей промышленности продолжалась.

Многие выступления публициста получали самый широкий читательский отклик. В этой связи нельзя обойти вниманием статью «О культуре и мещанстве», опубликованную в «Правде» 27 ноября 1925 г. В ней автор хотел ограничиться, по его собственной оценке, лишь постановкой на обсуждение нескольких вопросов для читающей молодежи. Однако на статью поступило такое обилие откликов, что в рамках газетной статьи ответить на них не представлялось никакой возможности. Пришлось написать целую объемистую брошюру, которая и увидела свет спустя год после публикации статьи в «Правде». Да и в брошюре была использована только часть откликов. Проблема, поднятая в статье, оказалась так велика и значительна, отмечалось в предисловии к брошюре, что над ее разрешением еще долго и напряженно будет работать коллективная мысль партийно-советской общественности. Проблемы, затронутые в статье, вызвали острую полемику и в среде журналистов. С резкой критикой отстаиваемых Л.С. Сосновским идей выступил Абрам Аграновский. «Две ошибки Сосновского (Обед или галстук? Западноевропейский коммунизм)» – так озаглавил он свой ответ, в котором заявлял: «Тов. Сосновский, хваля немцев за культуру, не заметил, что он невольно перехвалил и их строй и всю капиталистическую Европу, которая справедливо выставлялась до сих пор нами как "гибнущий антагонист коммунистического рая"». И эту ошибку тов. Сосновский собственноручно исправит»[121]. Понятно, такой «ошибки» публицист не признал, как не признал и того, что он проповедует культуру «буржуазную» и что там, за границей, уже коммунизм. Зато, задавшись целью обстоятельнейшим образом разобраться в чрезвычайно важном для нас вопросе, что такое подлинная культура, он обстоятельно анализирует статью А. Аграновского, которая в несколько ином виде появилась еще раньше в харьковской газете «Коммунист» под заглавием «Культ галстука и культура классовая». Мол, по словам Сосновского, размышляет в своих публикациях А. Аграновский, на Западе все сыты, все счастливы, все довольны, значит там – коммунизм. «Нет, – парирует Л. Сосновский, этого еще не получается. Зато получается впечатление недостаточно чистоплотного, недостаточно культурного собеседника т.

Аграновского. Я ему говорю, что в Дании на всех шоссе стоят без призора бидоны с молоком и никто их не ворует. В Париже и Женеве по утрам у дверей квартир спокойно кладут белые булки, молоко и прочее. А у нас на московских улицах даже урны-плевательницы цепями прикованы, чтоб никто не украл. Аграновский же „ловит“ меня на слове: „Значит, в Европе уже коммунизм? Значит, там нет воров, нет болезней (!!!)“». Нет, не значит… Нужно только более добросовестно относиться к спору и больше ничего»[122].

Борьба против нашей ужасающей бескультурности должна вестись по всем направлениям – такова главная мысль брошюры Л.С. Сосновского. Иные полагают, отмечает он, покуда мы бедны, следует и на пол плевать, и на чужие кровати с ногами забираться, и «девчат лапать». Нет, утверждает публицист, не пассивное ожидание, что вместе с ростом материального благополучия придет к нам и культура, а самая активная борьба за новую культуру. Именно борьба, подчеркивает он, и эта борьба немыслима без понимания того, чему следует учиться у Запада и чему не следует. И разъясняет: «Следует учиться всему, что способствует успеху в нашем народном хозяйстве, заимствовать и овладевать машинной техникой, и умелую организацию кооперативов и многое другое. Датская молочная кооперация вывозит из страны 7 млн пудов масла, насчитывая в своем центральном союзе всего десяток-другой служащих. У нас Маслоцентр вывозит всего 2 млн пудов, а служащие насчитываются сотнями»[123]. Приводя множество таких обидных для нас параллелей, подчеркивая, что «гнилой Запад» не знает ни наших сплошных неурожаев, ни регулярного планомерного выгорания деревень, настойчиво втолковывая, что все это и есть культура, публицист заключает: «Нужна ли нам такая культура, чтобы поля давали вместо 50 пудов – целых 100 и больше, чтобы корова давала втрое больше молока, чтобы неурожаи отошли в область преданий и легенд, чтобы эпидемии прекратились, и прочее, и тому подобное? Ну, разумеется!..Мы будем учиться у Запада всему, чему можно научиться, и отнюдь не будем фыркать на западные порядки только потому, что там буржуазный строй»[124].

Многие приведенные в брошюре отклики читателей свидетельствовали, что статья Л.С. Сосновского заинтересованно обсуждалась на собраниях читателей, получала их единодушную поддержку. «Пользуюсь случаем сказать, – говорилось в письме рабкора из Твери А. Максимова, – что статья ваша «О культуре и мещанстве» имела громадный успех среди рабочих. Этот номер газеты переходил из рук в руки и зачитывался, что называется, до

дыр. Особенно ею довольны рабкоры «Пролетарки». По выходе этого номера газеты рабкоры при встрече задавали вопрос: а вы читали в «Правде» статью т. Сосновского? Эта ваша статья многих и на многое заставила переменить взгляды. Она является для нас моральной базой»[125].

Немало статей и очерков Л.С. Сосновского объединено в его книгах общим заглавием «Люди революции».

Из них следует выделить такие статьи и очерки, как «Смагин», «Мастер Клюев», «Красная директорша тов. Чекмизова», «К делу Кузнецова», «Памяти смелого изобретателя» и другие, посвященные энтузиастам труда и порядка, обладающим золотыми руками и настойчивым характером, тем, которые только и могут вытащить Россию из нищеты. Один из таких тружеников – самородок-изобретатель Смагин, скромный, бескорыстный, настойчивый искатель лучших путей для развития хозяйства страны. Для него главное, чтобы дело спорилось, а для этого, как он считает, необходимо на любом производстве иметь продуманные инструкции, помогающие даже новичкам трудиться с наибольшей производительностью. Без инструкций, решительно утверждает он, не пойдет Россия. Инструкции нужны и для истопника, и для тех, кто хлеб печет, и кто кожи выделывает.

Читаешь очерк, и все зримее предстает образ подвижного, резко жестикулирующего «длинными неуклюжими руками» Смагина, настойчиво убеждающего: «Уговорите тов. Ленина, чтобы он с Бухариным, Троцким и еще с какими-нибудь большевиками устроили ячейку, куда всякий Смагин может прийти со своими предложениями или изобретениями. Знаете, нас Смагиных много, только кликните клич»[126]. Всем содержанием очерка публицист страстно призывает находить, всемерно поддерживать таких как Смагин. «Над могилой этого славного чудесного пролетария хочется крикнуть партии: „Товарищи, берегите Смагиных! Это – лучшее, что есть в народных массах, ее мятущиеся души, ее праведники. Берегите Смагиных, пока они живы. Внимательнее к ним относитесь, окружайте их заботой и поддержкой, хотя бы и с нарушением всяких формальностей. Берегите Смагиных, не проглядите их вокруг себя“»[127].

Вопиющая нелепость, что такие, как Смагин, остаются неизвестными, а порой и гонимыми, с горечью писал Л.С. Сосновский. Именно таким гонимым оказался талантливейший, не получивший никакого образования, но сумевший сделать пропеллер лучше иностранного, лучше самого профессора Жуковского, основателя школы советской авиации, самоучка-изобретатель Кузнецов. Но его не только не признали автором

винта, работающего на тысячах самолетов, но еще и лишили зарплаты и выселили из «казенной» квартиры. «На днях, – пишет публицист, – Кузнецов сказал мне: "О Смагине, когда он умер, вы написали хорошо и справедливо. Неужели и мне нужно удавиться, чтобы Советская Россия признала мои права и заслуги"»[128]. Я принял это, как пощечину, признается автор очерка. Как могло получиться, что ни журналисты, ни Советская власть не защитили изобретателя, не помогли закрепить за ним право на винт «системы Кузнецова», не помогли получить ему положенное вознаграждение. Если в недельный срок этого не сделают, кому полагается, пусть вмешается пролетарский суд. «Пусть трибунал, – говорится в заключение очерка, – станет на защиту преданных делу тружеников как от заговора дипломированной касты, так и от мертвого формализма бездушных главкистов»[129].

Аналогичными мотивами пронизан и очерк о мастере Клюеве. Рассказывая об этом виртуозе литейного дела, который год за годом льет металл для паровозов который достоин самого высокого вознаграждения и о котором тоже забыли, публицист не может не сказать: «Грустно, когда такие даровитые пролетарии, как Клюев, после 52 лет труда продают с себя пиджак, чтобы поддержать свое существование»[130].

Значительное место в публицистическом наследии Л.С. Сосновского занимают очерки о журналистах, и не только всеми признанных, но и рядовых этой труднейшей профессии. К числу самых проникновенных следует отнести очерк «Рыцарь пера» – о редакторе миргородской уездной газеты Рогозовском, одним из первых среди журналистов награжденным орденом Трудового Красного Знамени. «Истории угодно было улыбнуться и остановить свой выбор на журналисте из незабвенного гоголевского города Миргорода», – так начинается повествование о Рогозовском, который из простого наборщика превращается и в редактора, когда занимавший этот пост заболел. И вот, не покидая поста наборщика, сам стал писать статьи, сам их редактировать, сам печатать и распространять газету. Настойчиво отстаивая правду, выступал против местных властей, был заключен по их указанию в тюрьму, но ничто не смогло сломить мужественного журналиста, по достоинству награжденного за честное служение народу высокой правительственной наградой. «Братья-журналисты, – читаем в очерке, – склоните перья перед истинным рыцарем пера, в далекой глуши героически стоявшим на посту красного журналиста»[131].

Неизменно выступал Л.С. Сосновский в защиту рабкоров, судьба которых была наиболее трудной, так как немало

находилось тех, кто непременно старался указать на якобы забытое ими «свое место». Рабкоров не только шельмовали, преследовали, но нередко и убивали.

Роковые выстрелы унесли немало рабочих и сельских корреспондентов: на Смоленщине селькора Тихонова из Рославльского уезда, в Москве рабкора «Правды» Спиридонова; на Украине в Дымковском поселке Николаевского округа Одесской губернии в 1924 г. был убит селькор Григорий Малиновский. Это убийство превратилось в громкое дело всесоюзного значения. Оно оставило заметный след и в журналистской деятельности Л.С. Сосновского: кроме статей в газете, он выпустил брошюру «Дымовка» по материалам судебного процесса, на котором выступал в качестве общественного обвинителя от «Правды».

Брошюра «Дымовка» – единственная в своем роде содержащая подробный, документальный рассказ о деле по убийству селькора. Григорий Малиновский не мог мириться с беззакониями, творимыми местными властями, и выступил с разоблачением некоторых из них в окружной газете «Красный Николаев» с заметками «Бравый председатель» и «Ряженый дурень». В первой изобличались проделки председателя комитета незаможних селян (бедных крестьян) Михаила Тулюпа, во второй – члена этого же комитета Журавского. Озлобленные выступлением селькора дымовские воротилы, боясь, что Григорий Малиновский изобличит их всех, незамедлительно стали готовить его убийство.

На роль исполнителя этого замысла они избрали родного брата Григория – Андрея Малиновского, которому стали наговаривать, что Григорий по своему недомыслию совершает враждебные честным людям действия и погубит не только их, но и его самого. Наговоры возымели действие, и 28 марта в переулке поселка Дымовского глухой ночью прозвучал выстрел, в упор сразивший селькора.

В газете «Красный Николаев» до июля не знали о гибели сельского корреспондента. Никто вообще не знал, от чьей руки пал селькор, до тех пор, пока Андрей Малиновский не явился с повинной и во всем не признался. Расправа с селькором всколыхнула всю страну. Судебный процесс продолжался с 7 по 23 октября 1924 г. Приговор суда по делу Григория Малиновского был приговором всем «рыцарям обреза», писал в своей брошюре Л.С. Сосновский, всех дымовок, рассеянных по СССР. Главные подстрекатели убийства Григория Малиновского Михаил Тулюпа и Константин Попандопуло были приговорены к расстрелу. Андрею Малиновскому, явившемуся с повинной и искренне раскаявшемуся в содеянном, расстрел заменили семилетним

сроком тюремного заключения. Но главным приговором над всеми, поднимавшими руку на селькоров, явилась брошюра Л.С. Сосновского – пламенное слово в защиту рабочих и сельских корреспондентов.

С гордостью за таких, как Малиновский, он писал: «Селькора никто не назначает и никто не выбирает. Звание селькора не сулит никаких привилегий, а, как раз наоборот, навлекает на него гонения, притеснения, расправы – вплоть до убийства. При таком естественном отборе в селькоры тянутся только те, у которых сознание не мирится с неправдой, беззаконием, произволом. Тянутся люди, чуткие и отзывчивые к общему делу трудящихся»[132]. На защиту селькоров и рабкоров встали миллионы советских людей. Президиум ЦИК СССР поставил на обсуждение вопрос о государственном обеспечении семей селькоров, погибших за честное выполнение революционного долга.

О том, какое воздействие оказывала на читателей оперативно изданная брошюра Л.С. Сосновского, свидетельствуют письма в его адрес, в одном из которых сообщалось: «Будучи дома в селе, я захватил с собой вашу книжку "Дымовка". Читал я ее не только в частных небольших группах крестьян (не обходил и одиночек), но однажды почти всю брошюру прочитал на сельском сходе. Хоть после этого председатель Совета и немного косо посматривал на меня, но зато крестьяне просили меня передать автору брошюры признательность… Надо принять серьезные меры к продвижению подобных книжек в деревню. Они делают большое дело»[133].

В одном из лучших своих очерков «Комиссар Дмитрий Фурманов» Л.С. Сосновский писал: «Фурманову было что рассказать о революции. И он, бесспорно, рассказал бы о ней еще много достойного. Но он погиб от злосчастной болезни. Оборвалась жизнь такая яркая и содержательная. Только что начинавший свою литературную работу по-настоящему, он должен был дать стране очень многое»[134].

Многое дал и еще многое мог дать стране и Л.С. Сосновский, но и он слишком рано ушел из жизни. И не «злосчастная болезнь» оборвала его талантливую публицистическую деятельность, а причиной тому – судьба безвинных жертв сталинских репрессий. 1937 год оказался роковым и для Л.С. Сосновского, которому в то время едва исполнилось пятьдесят, и впереди еще могло быть немало интенсивной творческой деятельности.

Неизвестные страницы отечественной журналистики
(М.: ИКАР, 2006. С. 29–51)

Через год – в школу. С отцом Василием Филипповичем,
младшей сестрой Валей, мамой Анной Георгиевной
и бабушкой Фетисьей Федоровной. 1931 г.

Один из моих довоенных снимков:
дед Кузнецов Филипп Никифорович с сестрой Валентиной.
1939 г.

В период боев за Смоленск
1943 г.

Витебск освобожден.
Впереди Кенигсберг. 1945 г.

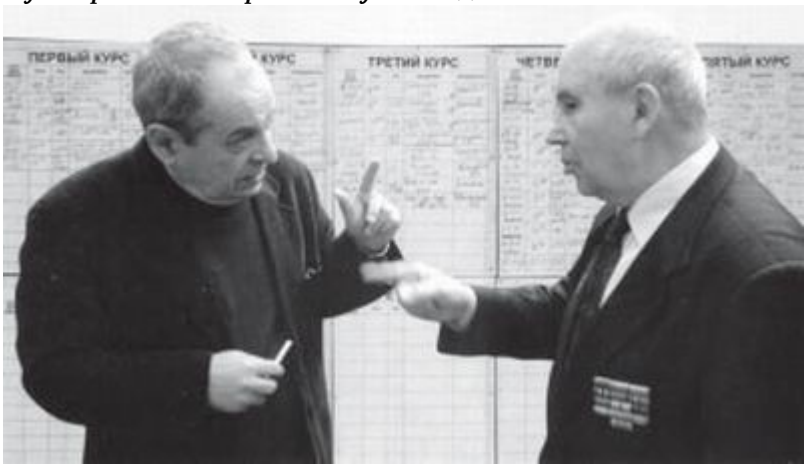
Взят не только город-крепость Кенигсберг,
но и преодолен Большой Хинган! Мы в Порт-Артуре!
Пришлось заняться приведением в порядок сохранившегося
с 1905 года фонда книг 71-го Сибирского стрелкового полка
и поработать заведующим библиотекой 39-й армии.

Еще в военной форме,
но уже студент отделения журналистики
филологического факультета МГУ.
Сентябрь 1947 г.

Счастливая пора студенчества.
С первокурсником отделения журналистики филологического факультета Московского университета им. М.В. Ломоносова Сашей Копцевым. А я уже на третьем курсе. 1949 г.

Повседневная факультетская работа: лекции, экзамены, зачеты. На экзамене по истории отечественной журналистики. 1989 г.

Перед заседанием кафедры. Еще раз уточняется план научной работы на очередное полугодие. 1992 г.



Нередко и после заседания кафедры дискуссии продолжались. С доцентом Александром Васильевичем Суяровым. 2005 г.

На государственных экзаменах по журналистике во Львовском университете. С доцентом Львовского университета Юрием Владиславовичем Петрушко. 1984 г.

На восьмидесятилетнем юбилее. Поздравление декана факультета журналистики, заслуженного профессора Московского университета Ясена Николаевича Засурского. 2004 г.

С юбилеем поздравляют зслуженный профессор Московского университета Елена Леонидовна Вартанова (с 2008 г. – декан факультета) и доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы Вячеслав Ефимович Аникеев. 2004 г.

Поздравляет однокурсница, почетный выпускник факультета, заслуженный профессор Московского университета им. М.В. Ломоносова Виктория Васильевна Ученова. 2004 г.

Слово благодарности за поздравления учителям, коллегам, всем присутствующим на юбилее. 2004 г.

Хоть зеленоваты и невелики – зато свои! 2005 г.

С таксой Бари – любимцем не только всей нашей семьи, но и соседей-дачников. 2005 г.

С Ириной Филипповной в год золотой свадьбы. 2006 г.

А вот и свадьба золотая
И юбилей наш золотой,
Но ты душою молодая
И я душою молодой.

И после свадьбы золотой. 2006 г.

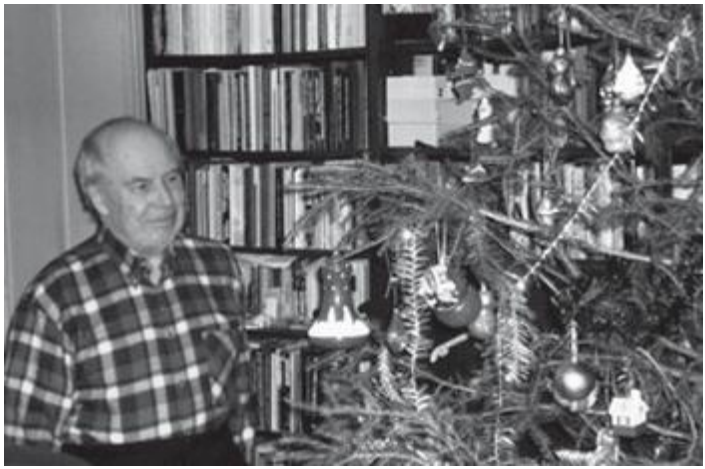
Быть может к нам еще в апреле
Придет весна и не одна
И как бы мы ни постарели
В душе весной – всегда весна!

Со старшим внуком Иваном. 2008 г.

В первый раз младший внук Василий выиграл у деда. 2009 г.

Дочь Наташа и сын Василий со своим красавцем Леном. 2009 г.

С сыном Василием. 2009 г.



В день 86-летия. 7 января 2010 г.

Заведующий кафедрой истории отечественных СМИ,
заслуженный профессор Московского университета,
доктор исторических наук. 2005 г.

С ректором Московского университета им. М.В. Ломоносова, академиком Виктором Антоновичем Садовничим. 2007 г.

ИЗ СТИХОТВОРНЫХ ТЕТРАДЕЙ

СТРАНИЧКА ИЗ ШКОЛЬНОЙ ТЕТРАДИ

Снова, как встарь…

Снова, как встарь, по обычаям вешним
Слышится радостный гомон грачей.
Снова на каждой березе скворечник,
Мартовский первый струится ручей.
Скоро заплещут озерами поймы,
Где-то скрываясь в лесном далеке.
Скоро плоты и нарядные соймы
Вниз поплывут по Ветлуге реке.
Любо смотреть, когда волны проносят
Лодку по зарослям тонких рябин,
Там, где в июле на сочном покосе,
Сена поднимется стог не один.

1940

Льется, льется с небосклона

Льется, льется с небосклона,
Льется дождик целый день,
Льет на желтые суслоны,
На овес и на ячмень.
Льет и льет, не утихая,
На леса и на луга,
Лишь порою расписная
Вспыхнет радуга-дуга.
Вознесется выше стройки,
Красоты секрет тая,
На любом скаку на тройке
Не заденешь о края!
Да не выйти за село нам,
Льется дождик целый день,
Льет на желтые суслоны,
На овес и на ячмень.

1940

Пыль да зной, в разгаре лето

Пыль да зной, в разгаре лето,
Смех и говор у межи.
Затрещала жнейка где-то
В золотых колосьях ржи.
В знойном небе над полями
Чуть белеют облака.
Серебристыми волнами
Манит ласково река.
Да березоньки-подруги
За селом метелят путь,
Словно после зимней вьюги
Не успели снег стряхнуть.

1941

Догорели костры на рассвете

Догорели костры на рассвете,
Лес и поле в туманной тиши.
Невидимкою утренний ветер
Забирается к нам в шалаши.
Рыбаки покидают стоянку
На озерном крутом берегу.
Где-то косы звенят спозаранку
На соседнем привольном лугу.
Первый хор соловьиный несмелый
За рекой пробудила заря,
Ароматом смородины спелой
Дышит утро в лицо косарям,
Можно петь и мечтать можно вволю
Так и рвется душа в небеса…
А по полю, бескрайнему полю,
По всему, словно жемчуг, роса.

1941

ФРОНТОВАЯ СТРАНИЧКА

Письмо

Вы подумайте только, какое
Почтальон мне сегодня принес
Из Ветлуги письмо заказное,
Что меня взволновало до слез.
Почерк детский, совсем незнакомый,
На конверте на том голубом,
Никогда еще письма из дома
Не читал я в волненьи таком,
Я читал и читал, и такая
Толи радость была, то ли грусть:
«Я теперь уже стала большая,
Я теперь уже в школе учусь,
Я сегодня задачку решала,
И хоть трудно мне было считать,
Без запиночки я отвечала,
И в дневник мне поставили пять.
Мама тоже меня похвалила
И дала мне большой леденец,
А потом еще мне говорила:
“Скоро, дочка, вернется отец".
И теперь уже, папа, я знаю,
Как из школы домой я приду,
За ворота скорей выбегаю
И тебя там до вечера жду.
Только мама ругается что-то,
Говорит, простудиться могу,
А как только уйдет на работу,
Я скорее к калитке бегу,
Милый папа, скорей возвращайся,
Ведь давно обещался ты нам,
Только днем ты приехать старайся
Ночью я не хожу к воротам».
Я запрятал письмо возле сердца,
Не сказав ничего никому.
Разгромив окончательно немцев,
Дочку я у ворот обниму.

1943, июнь

Он комсомольцем был

Он, может, пареньком был деревенским
И где-то рос в сибирской стороне…
Мы встретились на фронте под Смоленском,
Как многие встречались на войне.
А фронт есть фронт: походы да сраженья
И редкие минуты тишины.
Он только что явился с пополненьем —
И сразу на передний край войны.
В дыму разрывов затерялось солнце,
Хлестал в упор немецкий пулемет.
И кто-то крикнул звонко «Комсомольцы!
На высоту! За Родину! Вперед!»
Но фронт есть фронт: и рвутся мины скопом,
И ливень пуль прижал к земле солдат…
И вдруг он словно вырос над окопом,
Навстречу смерти вскинув автомат.
И ринулась пехота, и прорвали
Кольцо огня мы натиском одним.
Но больше ни в бою, ни на привале
Ни разу я не повстречался с ним.
И где он рос: под украинским солнцем,
А, может, возле северных морей…
Одно я знаю – был он комсомольцем,
Достойным сыном Родины своей.

1943, август

Фронтовая зажигалка

Что за славные подарки
Получил наш батальон:
Фронтовые зажигалки
Раз принес нам почтальон.
И от радости сияя,
Он мешок свой развязал,
Зажигалки нам вручая,
Так, для важности, сказал:

Зажигалки – высшей марки.
Раз! – и вспыхнул огонек!
Подходи-ка, получи-ка,
Получи скорей, дружок.
Получил я зажигалку,
Нахвалиться не могу:
На привале, бой ли жаркий —
Пуще глаза берегу!
До костей промокли в речке,
Как же спички тут сберечь…
И бойцы вздыхают, нечем
Папироску, мол прижечь.
Достаю я зажигалку,
Раз! – и вспыхнул огонек!
Подходи-ка, закури-ка,
Закури скорей, дружок!
Все бойцы теперь узнали
Это чудо у меня:
Только сяду на привале,
Просят: дай скорей огня!
Снова, радуясь подарку,
Огонек я всем дарю,
И всегда про зажигалку,
Непременно говорю:
Зажигалка – высшей марки,
Раз! – и вспыхнул огонек!
Подходи-ка, закури-ка,
Закури скорей, дружок!

Восточная Пруссия. Апрель. 1945

Российскому солдату

Не тобой ли, российский солдат-исполин,
Были в битве смертельной фашистские полчища смяты.
От Карпат и до знойных китайских долин
Всем народам свободу вернул навсегда ты.
Полыхал небосвод, как в июльской грозе,
И в пургу ты шагал, и по пояс в воде по болотам.
И вовек не забудется, сколько друзей,
Не дожив до Победы, в годину невзгод полегло там.
Это ты, это ты даже жизни своей не щадя,

Спас от рабства фашизма Варшаву, Софию и Прагу,
Это ты, через сотни смертей от Москвы до Берлина пройдя,
Возвестил нам победу последним снарядом своим по Рейхстагу
Благодарный потомок, учебник раскрыв в тишине,
Сталинградской бессмертной эпохи читая страницы,
Будет горд, что рожден он в России – великой стране,
И тобою всегда будет вправе гордиться!

Порт-Артур. Сентябрь. 1945

ИЗ ТЕТРАДИ «ЗА РУБЕЖОМ»

Здравствуй, славный Порт-Артур!

Здравствуй город-герой, гордость русской земли,
Наш родной Порт-Артур величавый!
Через гребни Хингана к тебе мы пришли
По дорогам немеркнущей славы.
Здесь нам каждая улица сердцу близка,
Орошенная дедовской кровью,
Всех, кто насмерть стоял у седых этих скал,
Будем вечно мы помнить с любовью.
Через много столетий в легендах дойдут
И «Варяг», и герои Цусимы,
И сегодня достойно в едином ряду
С нами деды шагают незримо.
Гул приветствий знамена полков шевелит,
Мир не видел победы чудесней.
Серебристое море затихло вдали,
Словно к русской прислушалось песне.

Порт-Артур. Сентябрь. 1945

Любимый друг мой фронтовик

Любимый друг мой фронтовик,
Давай присядем да закурим.
С тобой встречаться я привык,
То в Пруссии, то в Порт-Артуре.
Ты помнишь день, когда был дан
Приказ в предутреннюю пору:
Форсировать Большой Хинган
И гнать японцев прямо к морю.
Взметнулись сопки без конца,
Горбами небо подпирая,
Ни кустика, ни деревца
Нигде – от края и до края.
И, взглядом по хребтам скользя,
Вели мы тихо разговоры:
«Любую крепость легче взять,

Чем перейти такие горы».
Но мы прошли Большой Хинган,
Как перешел Суворов Альпы…
Великий Тихий океан
Последним слышал наши залпы.

1945

Опять над электрическим утесом

Опять над Электрическим Утесом
Спустилась ночь, туманы расстеля,
И песня задушевная матросов
Откуда-то несется с корабля.
Ее не раз слыхали на Руси мы
И в школе, и в землянке рыбака.
Герои Порт-Артура и Цусимы
Переживут в ней долгие века.
Но только здесь, под нашим русским флагом,
Она звучит особенно тепло,
Как будто сами витязи «Варяга»
На рейде прославляют русский флот.
А море бьется в берег осторожно,
Хмеля воспоминаньями сердца.
И лишь душою нашей русской можно
Понять такую песню до конца.

1945

Пал туман с рассветом

Пал туман с рассветом
В волны океана.
Чуть колышет ветер
Стебли гаоляна.
В травах по колено
Не отыщешь тропки.
Словно скирды сена,
Разметались сопки.
За стеной кирпичной
Фанза под соломой.

Все так непривычно,
Все так незнакомо.

1945

Словно где-то на Руси

Словно где-то на Руси
Над родным Алтаем
В небе облачно висит
И тихонько тает.
Как отрадно в день такой,
Чуть свернув с дороги,
Прикорнуть к траве щекой,
Помечтать немного.
Всяких дум душа полна,
Так легко и чудно,
Кажется, лазурь до дна
Рассмотреть нетрудно.

1945

Смотрю я, и даже не верится

Поднялись над сопками голыми
Туманы легко, как дымки.
И снова огнями веселыми
Над бухтой зажглись маяки.
И стелется тишь бесконечная
Над городом, только порой
Машины проносятся встречные,
Хребтов нарушая покой.
Смотрю я, и даже не верится:
И здесь, как у нас на Руси,
Ковшом зачерпнула Медведица
Глухую бездонную синь.

1946

Возле фанзы на откосе

Возле фанзы на откосе
Вишен белые косынки.
Ветерок легко разносит
Лепестки их, как снежинки.
И летят они, порхая,
И над полем, и над рощей,
Рассыпаясь в небе мая
Серебристою порошей.
Вот и мне бы на просторе
Вместе с ними ввысь взметнуться
И в лазурь небес, как в море,
С головою окунуться.

1946

Затуманил снова вечер окна

Затуманил снова вечер окна,
Снова полон я заветных дум.
Кажется, доносит ветерок нам
За Хинган лесов российских шум.
И такою несказанно милой
Вдруг предстала Родина моя,
Что до боли сердце защемило,
Лишь припомнил волжские края.
Там когда-то услыхал от деда
Я **родной «Дубинушки» напев,**
Там я самый первый бой изведал,
Доучиться в школе не успев.
Может быть, не каждому знакома
Эта грусть, что так понятна мне,
Но за много тысяч верст от дома
Каждый любит Родину втройне.

1946

Дремлет город. Дремлют сопки

Дремлет город. Дремлют сопки.
Только морю не до сна:
Монотонно, неторопко
За волной бежит волна.
Мни песни, ни тальянки.
До утра всю ночь одна
Желтолицей китаянкой
Над утесами луна.

1946

Нет, не зря в краях любых ты…

День и ночь на сопках рыжих
Мелкий дождик моросит.
Хоть бы раз надел я лыжи,
То ли, друг мой, на Руси!
Заявиться мне еще бы
В те края и в то село,
Где пушистые сугробы
Выше окон намело!
Нет, не зря в краях любых ты
Вспоминаешь землю ту,
Где стоят под снегом пихты,
Как черемуха в цвету!

1946

У Желтого моря

Далеко, далеко на простор ты
Катишь пенистых волн синеву
Пусть на карте зовут тебя Желтым,
Только я голубым назову.
Здесь Макаров у этих утесов
Вел эскадру в последний свой бой…
И немало российских матросов
Вместе с ним не вернулись домой.
И бушует и бьет у причала,
Налетая, крутая волна,
Только море никак адмирала

Не разбудит от вечного сна.

* * *

Шумит, шумит морской прибой,
Шумит, шумит, не утихая.
Здесь так отрадно час, другой
Побыть, о чем-нибудь мечтая.
И там и тут над бездной вод
Вскипают волны на просторе
И вдаль бегут, где небосвод
Как будто бы впадает в море.

* * *

Желтая колючая трава
Стелется по берегу морскому,
Волны шепчут тихие слова,
Сердцу непонятные людскому.
Отчего же – я не знаю сам —
Так люблю их бег неутомимый?
Словно в них я слышу голоса
Моряков, погибших у Цусимы.

* * *

Веерами крылья распустив,
Чайки пролетают на обрывом.
Китаянки босые в отлив
Устриц собирают торопливо.
А вдали от этих берегов,
В необъятной синей-синей дали,
Мирно-мирно лодки рыбаков
Под палящим солнцем задремали.

* * *

Бьется Желтое море о скалы седые
И шумит, и бушует весь день.
И припомнились сердцу картины иные:
Голубые дымки деревень.
И леса, и покосные травы густые,
И брусничный задумчивый бор,
И дрожащие лилии, словно живые,
На искрящейся ряби озер.
Так и хочется к ним дотянуться рукою,
Да никак не сумею достать…
Море катит упрямо волну за волною
И шумит, и бушует опять.

1946

Пролетела зима незаметно для всех

Пролетела зима незаметно для всех,
Побурели морские долины.
Тротуары хрустят шелухою орех,
Многолюдны опять магазины.
Теплый ветер над сопками кружит легко,
Согревая и радуя душу,
И над морем несет далеко, далеко
Нашу русскую песню «Катюшу».

1946

Мы помним

Спустилась ночь. Луна в залив глядится,
Как в юности над озером родным,
Но здесь дальневосточная граница
И до утра в дозоре мы стоим.

Хоть тишина и песня стороною
Никак не умолкает весела,
Мы помним все, что ночь перед войною
Такая же вот тихая была.

И потому, лишь сумерки объемлют

Морскую гладь, по берегу всему,
Наверно, меньше звезд глядит на землю.
Чем зорких глаз дозоров в полутьму,

1946

Русская песня в Порт-Артуре

В густом тумане чуть видна Луна,
По склонам сопок затерялись зданья,
И где-то из раскрытого окна
Привольно льется песня «Провожанье».

Китайцы мимо, семеня, идут,
Им непонятно, что это такое,
А я сердечно рад ей, словно тут
За сопками село мое родное,

А песня нарастает все сильней
Над городом, над бухтой, надо мною,
Как будто это девушки с полей
Идут домой веселою толпою,

Но вот замолкла песня, В тишине
О берег волны плещутся сурово.
О, как хотелось в этот вечер мне,
Чтоб завели пластинку эту снова!

1946

Весна в Порт-Артуре

Хоть весна, даль небес ясна,
В Порт-Артуре весна очень странная:
Не такая, признаться, она,
Как у нас на Руси желанная.

Ни разлива речного вокруг,
Ни ручья по-весеннему бурного,
Не найдешь, хоть обшарь весь луг,
Здесь подснежника нежно-лазурного.

Только моря прибой вдали
Плещет волнами еле слышными,
Да в садах еще голых долин
Кипарисы шепчутся с вишнями

1947

Письмо матери

С радостью пишу я эти строки
В край ветлужских солнечных полян.
Как я от тебя сейчас далеко,
Дальше только Тихий океан.
До меня теперь и поезд скорый
Даже за неделю не домчит.
В Порт-Артуре я, в краю, который
Подвигом «Варяга» знаменит.
Я горжусь солдатскою судьбою,
Но теперь, когда окончен бой,
Все сильнее хочется, не скрою,
Хоть на час бы встретиться с тобой.
Может быть, не сразу бы узнала:
Я теперь уже не школьник-сын,
Для меня обычным делом стало
Каждый понедельник брить усы.
Впрочем, это все уже не ново,
И смешного нет нисколько тут,
Что меня не просто Кузнецовым
А Иван Васильичем зовут,
Хоть в разлуке мы четыре года,
А как будто не видались век.
Кажется, всю жизнь провел в походах
Я от прусских до маньчжурских рек.
Но об этом потолкуем вволю
Как-нибудь за праздничным столом,
А пока мне напиши о школе
И хотя б немного обо всем.
Обо всем, что там в родной округе,
Кто вернулся из друзей домой.
Не печалься, скоро на Ветлуге
Встретимся теперь и мы с тобой.

1947

СТРАНИЧКА ИЗ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Не раз припомним все сначала

Из-за седых хребтов Байкала,
Где дышит вечностью тайга,
Где на крутых гранитных скалах
Все лето искрятся снега.
И далеко из Заполярья,
Где редки в тундре города,
Со всех окраин Полушария
Мы собрались, друзья, сюда.
Но, где бы не были вначале,
Пошли дорогою одной,
Когда впервые повстречались
Среди Москвы на Моховой.
Промчатся дни сплошным потоком,
Последний сдав экзамен в срок,
Мы все разъедемся далеко
На юг, на север, на восток.
И возле волжского причала,
Иль в городке донских степей
Не раз припомним все сначала:
Москву, Стромынку и друзей.

1948

Так вот он, вот он, город древний

Метель асфальт запорошила,
И снег кружится в вышине
Над площадью, где Ворошилов
Встречал парады на коне.
И я шагаю к башне Спасской,
Курантам радостно внемля,
За Мавзолеем, словно в сказке,
Застыли ели у Кремля.
Так вот он, вот он, город древний,
Манивший нас к себе давно,
И на который мы в деревне

Смотрели с гордостью в кино.

1949

У памятника Ломоносову
И утром, и в полночный час,
Хоть дождь, хоть вьюга над Москвою,
Встречает непременно нас
Он с непокрытой головою.
И постоять с ним каждый рад,
И мысль к далеким дням стремится…
Когда-то много лет назад
И он пришел в Москву учиться.
Что видел он сквозь даль веков,
Мечтою дерзкою согретый,
Когда с обозом мужиков
Шагал в метель полураздетый?
Еще в мечтах, не наяву,
Еще живой, не с пьедестала
Быть может, видел он Москву,
Какой она сегодня стала.

1949

Мы науки не зря изучали

Хорошо со студенческой песней
Побродить по столице весной,
По Охотному ряду, по Пресне,
По Стромынке и по Моховой.
По Арбату пройтись, по Неглинной,
И с друзьями своими опять
Возле башен кремлевских старинных
О грядущих делах помечтать.
Мы науки не зря изучали:
Ждут нас в каждом селенье страны,
Ждут в Сибири нас, ждут на Урале,
И на волжских мы стройках нужны.
В Каракумах нас ждут, чтобы реки
Там пустыню одели в сады.
Ждут на севере нас, чтоб навеки
Отступили полярные льды.

Пусть в любые края нас назначат,
За любые возьмемся дела,
Чтобы день ото дня все богаче,
Все прекрасней Отчизна была.

1950

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ТЕТРАДИ

Как я прибыл домой из Мукдена

Как я прибыл домой из Мукдена
Даже года еще не прошло,
Но какая кругом перемена:
Не узнаешь родное село,
Как отрадна картина мне эта:
Всюду радует новенький дом.
Снова песни звенят до рассвета
И бушует сирень за плетнем.
Огоньки от соседа к соседу
Освещают приветливо путь.
И луна, как медаль за Победу,
Озаряет небесную грудь.

1952

Ветлуга, милая река

Ветлуга, милая река,
Течет все так же торопливо.
Два брата, два фронтовика
Сидят, как в детстве, у обрыва.
Все тот же лес в рассветной мгле,
Покосы не обшарить глазом.
Не верится, что много лет
Они здесь не были ни разу.
Их путь к победе вел один,
Хоть и пролег к родному дому
У одного через Берлин,
Через Маньчжурию другому.
И звездочками светят вдаль,
Червонным золотом сверкая,
И за Германию медаль,
И за Японию другая.

1952

Отчий край

Есть Кавказ и Крым, но все же,
Все ж милей в краю родном.
На земле всего дороже
Лес, река и отчий дом.
Не найдешь нигде речистей,
Одноклассников-друзей
И черемухи душистей,
И смородины вкусней.
И воды, что у колодца
Из бадьи я пью и пью…
Сердце радостнее бьется,
Как про отчий край пою.

1953

Пройдет годовщина любая
Бывает, всю ночь до утра я
С погибшими в первой цепи.
И снова горят, не сгорая,
Хлеба в украинской степи.
Давно ли то было, давно ли,
Когда у черниговских хат,
Сжимая гранаты до боли,
Под танки бросался солдат.
Пройдет годовщина любая,
Останусь я в первой цепи.
И будут гореть, не сгорая,
Хлеба в украинской степи.

1954

Остался он живым в сраженьи

Остался он живым в сраженьи
За город-крепость Кенигсберг,
Но в тех боях в одно мгновенье
Пред ним весь белый свет померк.
И ходит он чуть-чуть сторонкой
Войны Великой инвалид

И впереди себя тихонько
И скорбно палочкой стучит.

2003

Ах, как апрели пролетели

Ах, как апрели пролетели,
Как промелькнули день за днем…
И вот уже на юбилее
Мы на серебряном своем.
Апрели, милые апрели,
Хоть волос метит седина,
Хоть мы немного постарели,
В душе по-прежнему весна!

Пусть дни проносятся, как стая,
Проходят годы чередой,
Еще не свадьба золотая,
Лишь полпути до золотой.
Апрели, милые апрели,
Пусть гуще, гуще седина,
И мы, конечно, постарели,
В душе у нас еще весна.

А вот и свадьба золотая
И юбилей наш золотой,
Но ты душою молодая
И я душою молодой.
Еще вернется к нам в апреле
Весна, быть может, не одна,
И как бы мы ни постарели,
Весной в душе – всегда весна!

2005

Фронтовому другу

По фронтовым путям-дорогам

Прошли немало вместе мы,

И я сердечно был растроган
Твоим письмом из Костромы.
Прочел его и вспомнил снова
Тот самый, самый трудный бой,
Когда у города Ростова
Мы были ранены с тобой.
Промчались годы без возврата,
Мы – на последнем рубеже:
Не только выросли внучата,
Но есть и правнуки уже.
И нас осталось так немного
И меньше, меньше с каждым днем,
И с возрастающей тревогой
Мы друг от друга писем ждем.
И все же, все в боях изведав,
Мы скажем честно, без прикрас:
Вернулись мы домой с победой,
И это – главное для нас.

2008

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

МОНОГРАФИИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ, СБОРНИКИ

Центральный орган РСДРП газета «Социал-демократ» в годы первой мировой войны. М: Изд-во Моск. ун-та, 1957.

Газета «Социал-демократ» (1908–1917). М.: Госполитиздат, 1960. Совм. с Матвиенко С.С.

Центральный орган РСДРП газета «Социал-демократ» (1908–1917). М.: Мысль, 1978. Совм. с Матвиенко С.С.

За власть Советов: Московская большевистская пресса 1917 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.

Большевистская печать Москвы. М.: Московский рабочий, 1968.

Совм. с Шумаковым А.В. Рец. *Пресс В.* История, устремленная в будущее // Октябрь. 1970.

№ 5. С. 205–209.

Партийно-советская печать Москвы. М.: Московский рабочий, 1980. Совм. с Шумаковым А.В.

Три века Московской журналистики. М: Триада Лдт., 1997. Совм. с Есиным Б.И.

Москва за 50 лет Советской власти. 1917–1967. М: Наука, 1968. В

соавт. *Кузнецов И.В.* Печать, радио, телевидение. С. 416–436.

Газетный мир Советского Союза. 1917–1970. Т. 1. Центральные газеты. М: Изд-во Моск. ун-та, 1972. Совм. с Фингеритом Е.М.

Газетный мир Советского Союза. 1917–1970. Т. 2. Республиканские, краевые, областные и окружные газеты. М: 1976. Совм. с Фингеритом Е.М.

Многонациональная советская журналистика. М: Изд-во Моск. унта, 1972. В соавт. *Кузнецов И.В.* Печать РСФСР. С. 36–75.

Многонациональная советская журналистика. М: Мысль. – 373 с.

В соавт. *Кузнецов И.В.* Центральные газеты. Печать РСФСР. С. 43–96.

Большевистские газеты «Социал-демократ», «Рабочая газета» и «Звезда» в годы нового революционного подъема (1910–1914). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960.

В.А. Карпинский (Серия «Партийные публицисты»). М: Мысль,

1974. Рец. *Каравашкова СВ.* Острое партийное перо (Новая книга о

Карпинском) // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика».

1975.

№ 1. С. 87–88. Рец. *Самарин Ф.* Книга о Карпинском // Пензенская правда, 1975,

25 февраля.

Партийно-советская печать в годы социалистической индустриализации страны (1926–1929): Лекции. М: Изд-во Моск. ун-та, 1974.

Советская журналистика первых послевоенных пятилеток (1946–1958). М: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Возвращенная публицистика (1900–1917). М.: Высш. шк., 1991.

Совм. с Ивановой Р.А. и Овсепяном Р.П. *Кузнецов И.В.* Публицистика на перекрестке политической мысли.

Вступительная статья. С. 3—18.

Часть общепролетарского дела. Литературная критика в дореволюционных изданиях / Сост. текста, прим. М: Современник, 1981.

Кузнецов И.В. За партийность и мастерство пролетарской литературы / Вступ. статья. С. 3—20.

Рец. *Корнилов* Е. Часть общепролетарского дела // Дон. 1983. № 3. С. 119–122.

Рец. *Бабаев И.* За партийность литературы и искусства // Коммунист Азербайджана. 1983. № 10. С. 96–98.

Николай Тихонов. Сила России. Военная публицистика / Сост. текста, прим. М.: Воениздат, 1977. *Кузнецов И.В.* С мужеством гражданина-бойца / Вступ. статья. С. 3–6.

Алексей Толстой. Военная публицистика / Сост. текста, прим. М.:

Воениздат, 1984. *Кузнецов И.В.* Голос героической души народа / Вступ. статья. С. 3—18.

Солдаты слова. Рассказывают ветераны советской журналистики.

М: 1976–1985. Кн. 1–5. *Кузнецов И.В.* Пять томов партийной публицистики / Послесловие.

Кн. 5. 1985. С. 373–382.

Все было так. Путь в журналистику. О товарищах и друзьях. Ступеньки памяти. М.: Мысль, 1991. *Кузнецов И.В.* Вступительная статья. С. 3–5.

Мастерство журналиста. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. *Кузнецов И.В.* Школа партийной публицистики. С. 27–45.

Рабочая книга редактора районной газеты. Опыт. Методики. Рекомендации / Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Мысль, 1988. *Кузнецов И.В.* От уездной до районной. С. 24–34.

Вопросы журналистики: Сб. ст. / Под ред. Е.Л. Худякова. М.:

Изд-во Моск. ун-та, 1959.

Кузнецов И.В. Местные большевистские газеты в годы первой мировой войны. С. 103–119.

Из истории партийной и советской печати: Сб. ст. / Под ред. А.Л. Мишуриса. М.: Изд. фак-та журналистики, 1957.

Кузнецов И.В. В.И. Ленин – редактор ЦО РСДРП газеты «Социал-демократ». С. 5—23. Соавт. Матвиенко ОС.

Ленинская «Правда» и проблемы истории партийно-советский журналистики: Сб. ст. / Под ред. Ивановой Р.А. М.: Изд-во Моск. унта, 1987.

Кузнецов И.В. Светоч народа. С. 128–136.

Из опыта большевистской печати: Сб. ст. / Под ред. Н.М. Тоболь-

цевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. *Кузнецов И.В.* Советская индустриальная пресса периода первых

пятилеток. С. 73–83.

Печать в системе идейно-политического воспитания и экономического образования: Межвузовский сб. / Отв. ред. СВ. Смирнов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.

Кузнецов И.В. Трибуна партии и народа. С. 3—12.

Международная научно-практическая конференция журналистов социалистических стран «Ленинизм – революционное знамя эпохи». М.: Фак. журналистики МГУ. 1987.

Кузнецов И.В. В.И. Ленин о печати как орудии построения социалистического общества. С. 64–73.

Полвека на Моховой (1947–1997). М.: Фак-т журналистики МГУ,

1997. *Кузнецов И.В.* Год за годом. С. 13–21; Наш первый декан. С. 27—

29; Слово к другу. С. 50–52.

Советская журналистика и коммунистическое воспитание трудящихся / Под ред. Р.П. Овсепяна. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

Кузнецов И.В. Активная сила в формировании коммунистического мировоззрения. С. 7—43. Соавт. Мишурис АЛ.

История партийной и советской печати: Учеб. – метод, пособие для студентов-заочников факультетов и отделений журналистики гос. ун-тов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. Соавт. Мишурис АЛ.

История партийной и советской печати: Учеб. – метод, пособие для студентов-заочников фак. и отд. журналистики гос. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. Соавт. Мишурис АЛ.

История партийно-советской печати: Учеб. – метод, пособие

для студентов-заочников фак. и отд. журналистики гос. ун-тов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. Соавт. Мишурис АЛ.

История партийно-советской печати: Учеб. – метод, пособие для студентов-заочников фак. и отд. журналистики гос. ун-тов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. Соавт. Мишурис А.Л.

История партийно-советской печати: Учеб. – метод, пособие для студентов-заочников фак. и отд. гос. ун-тов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. унта, 1972. Соавт. Мишурис А.Л.

История партийной и советской журналистики: Учеб. – метод. пособие для студентов-заочников фак. и отд. журналистики гос. ун-тов. 6-е изд., испр. и доп. Изд-во Моск. ун-та, 1979. Соавт. Мишурис АЛ.

История партийной и советской журналистики. Учеб. – метод. пособие для студентов фак. и отд. гос. ун-тов. М.: Изд-во Моск. унта, 1984. Соавт. Дащок Б.Д.

Большевистская печать. Краткие очерки истории. 1894–1917. М.: Госполитиздат, 1962. В соавт.

Кузнецов И.В. Большевистская печать в годы мировой империалистической войны (1914 – февраль 1917 года). С. 383–431.

История советской журналистики. Дооктябрьский период: Учеб. – метод. пособие для студентов фак. и отд. журналистики гос. унтов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

История отечественной журналистики. 1917–1945 гг.: Хрестоматия. М: Изд – во Моск. ун-та, 1999. Соавт. Иванова Р.А., Овсепян Р.О.

Кузнецов И.В. Путем первопроходцев. Вступ. статья. С. 3—14. Соавт. Иванова Р.А.

Публицистика русского зарубежья. 1920–1945. Хрестоматия. М.: 1999. Соавт. Зеленина Е.В.

Кузнецов И.В. Во имя России. Вст. статья. С. 3—36. Соавт. Зеленина Е.В.

Средства массовой информации в социалистических странах. Будапешт, 1976. В соавт.

Кузнецов И.В. Развитие средств массовой информации в СССР. С. 209–245 (на англ. яз.).

История советской журналистики. Дооктябрьский период: Учеб. – метод. пособие для студентов фак. и отд. журналистики гос. унтов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

История отечественной журналистики. 1917–1945 гг. Хрестоматия.

М: Изд – во Моск. ун-та, 1999. Соавт. Иванова РА. *Кузнецов*

И.В. На путях к истине. С. 3—10.

Публицистика русского зарубежья. 1920–1945. Хрестоматия. М., 1999. Совм. с Зелениной Е.В.

Кузнецов И.В. Во имя России. Вст. Статья. С. 3—36. Соавт. Зеленина Е.В.

От книги до Интернета. Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. *Кузнецов И.В.* Социалистическая печать России. С. 200–217.

История отечественной журналистики (1917–2000): Учеб. комплект: Учеб. пособие. Хрестоматия. М.: Флинта: Наука. 2002.

Триста лет отечественной журналистики (1702–2002). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. Совм. с Есиным Б.И.

Наш дом на Моховой (1952–2002). М.: Фак-т журналистики МГУ, 2002.

Кузнецов И.В. Год за годом. С. 11–20; Видный историк, талантливый журналист. С. 32–33.

Журналисты XX века: Люди и судьбы. М.: Олма-Пресс. 2002. *Кузнецов ИВ.* В годы Великой Отечественной. С. 159–163.

Алексей Аджубей в коридорах четвертой власти. М.: Известия.

2003. *Кузнецов И.В.* Главное – отличие в жизни. С. 20–23.

Газетный мир Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2005. Совм. с О.Д. Минаевой.

Три века Московской журналистики: Учеб. пособие. Совм. с Б.И. Есиным. М.: Флинта: Наука, 2005.

Факультет журналистики Московского университета. М.: Монолит.

2005. *Кузнецов И.В.* Год за годом. 11–43.

Неизвестные страницы отечественной журналистики: Сб. статей.

М.: В.К., 2006. *Кузнецов И.В.* Главное достоинство – правда. С. 29–51.

Кузнецов И.В. Кафедра истории отечественных средств массовой информации. М., 2007. Издание факультета журналистики МГУ.

История факультета журналистики Московского университета. М.: Монолит, 2007.

Кузнецов И.В. Доуниверситетское журналистское образование. С. 14–21. Год за годом. 21–67. Кафедра истории отечественных средств массовой информации. С. 124–130. Наш первый, незабываемый. С. 214–217.

История отечественной журналистики (1917–2000): Учеб. комплект: Учеб. пособие. Хрестоматия. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008.

ЖУРНАЛЬНЫЕ И ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ

Друзья. Невыдуманный рассказ. // Во славу Родины. Газета 39-й

армии. Порт-Артур. 1946, 6 октября. Подпись: Старший сержант И. Ветлугин.

Сельская учительница: Очерк // Северная правда. Кострома. 1951,

16 сентября. Подпись: К. Иванов.

О некоторых задачах Московского университета в свете решений XIX съезда партии // Вест. Моск. ун-та. 1953. № 6. С. 163–168.

Заметки на полях (Анализ материалов производственной практики студентов) // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ 1956, 2 октября.

Друг и путеводитель рабочих (Большевистский журнал «Вопросы страхования») // Охрана труда и социальное страхование. 1960. № 5. С. 13–17.

В.И. Ленин – редактор центрального органа РСДРП – газеты «Социал-демократ»: Тезисы доклада на научной конференции, посвященной девяностолетию со дня рождения В.И. Ленина // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ, 1960, 12 апреля.

Большевистская газета «Звезда» (К 50-летнему юбилею) // Всесоюзное радио, 1960, 16 декабря.

Светоч народа (К 50-летнему юбилею «Правды») // Строительная газета, 1962, 4 мая.

Правдисты первого призыва // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ, 1962, 4 мая.

Наш первый незабываемый // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ, 1965, 4 мая.

Школа «Правды» // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ. 1965, 6 ноября.

Большевистская газета «Вперед» (К 60-летнему юбилею) // Всесоюзное радио, 1965, 4 января.

Коллективный организатор декабрьского вооруженного восстания // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика», 1966. № 2. С. 34–45.

Секрет заголовка (Из истории Московской большевистской газеты «Вперед» 1905 г.) // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика»,

1966, № 1. С. 81–83.

Захватным порядком (Об издании московской большевистской газеты «Известия Московского Совета рабочих

депутатов» // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ, 1966, 5 января.

Два эпизода (Это было на фронте) // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ, 1966, 23 февраля.

Мужества преисполненные (Из истории распространения московских большевистских изданий) // Распространение печати,

1967, № 11. С. 26–29.

Под редакторством В.И. Ленина // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика, 1967, № 6. С. 99—101.

Боевой собрат ленинской «Правды» (Социал-демократ – газета московских большевиков) // Вечерняя Москва, 1967, 18 марта.

Об изучении публицистического мастерства в курсе истории партийно-советской печати // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ, 1967, 16 мая.

Ленин и пресса московских большевиков // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ, 1967, 27 сентября.

Листок «Социал-демократа» // Московская правда, 1967, 19 марта.

Ровестнице века посвящается / Рец. на кн.: Ленинская «Искра». К 70-летию выхода первого номера. Сб. М.: Политиздат, 1970 // В мире книг. М: 1970, № 12. С. 4–5.

Ленинская «Искра» – газета нового типа (К 70-летнему юбилею) // Всесоюзное радио, 1970, 24 декабря.

Традиции плюс новаторство // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика», 1971, № 2. С. 3—11.

На муромской земле // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ, 1971, 30 марта.

Пресса Советской России // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика», № 6. С. 15–27.

Школа молодого лектора: первые итоги // Московский университет, 1973, 5 февраля.

Ленин и развитие печати // Распространение печати, 1974. № 1. С. 4–6.

Партийная забота о печати // Распространение печати, 1972. № 4. С. 39–41.

Слово вело на баррикады // Распространение печати, 1974, № 7. С. 39–41.

Большевистская газета «Пролетарий» // Распространение печати, 1975, № 7. С. 26–27.

Громче всех канонад / К 50-летию журнала «Коммунист») // Распространение печати, 1975, № 10. С. 43–44.

Советская печать в годы Великой Отечественной войны // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика», 1975, № 2. С. 3—15.

Соавт. Попов Н.П.

Две монографии о большевистской подпольной печати (Рец. на кн. Панченко В.С. Ленинская нелегальная печать (1910–1914 гг.). Изд-во Ростовского ун-та, 1970. Ее же: Подпольная печать в борьбе за массы в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Изд-во Ростовского ун-та) // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика», 1975, № 6. С. 100–101.

Программное произведение В.И. Ленина (К 70-летию выхода в свет статьи «С чего начать?» // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика», 1976, № 2. С. 21–27. Статья опубликована также в журнале «Теория и практика социалистической журналистики». Лейпциг, 1976. С. 12–16. (на нем. яз.).

Ленин и развитие социалистической прессы. Сб. Вопросы журналистики. Лейпцигский ун-т, 1976. С. 118–123 (на нем. яз.).

Ценный труд по истории журналистики // Корреспондент. Ташкент. 1979, № 7. С. 39. Соавт. Западов А.В.

Развитие форм и методов массовой работы редакции (на опыте работы московской печати) // Вест. Моск. ун-та, № 2. С. 18–24.

Светильник революции. (К 75-летию большевистской газеты «Вперед») // Корреспондент. Ташкент, 1980. С. 6–8.

Ленинская «Искра» как тип коммунистической газеты // Вест. Моск. ун-та, 1980. С. 23–30.

Трибуна творческого марксизма // Пресс-бюро «Правды». Бюллетень для краевых и областных газет, 1980, № 41, 2 декабря.

Газета, пролетариат, революция // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ, 1980, 22 апреля.

Ленин – редактор, публицист, теоретик // Демократическая журналистика, 1980, № 6. С. 17–19. (На англ., франц., исп. яз.)

Трибуна ленинской партии // Распространение печати, 1981, № 10. С. 36–39.

Детище рабочего класса (К 70-летию «Правды») // Рабоче-крестьянский корреспондент, 1982. № 3. С. 13–18.

Флагман советской печати. Великая миссия ленинской «Правды» // Московский университет, 1982, 1 мая.

Наш первый незабываемый // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ, 1982, 4 мая.

Пресса незабываемого семнадцатого // Распространение печати, 1982, № 5. С. 24–25.

Верный компас советского литературоведения // Вопросы литературы, 1983, № 8. С. 3—31.

«Искра и создание ленинской партии // Вест. Моск. Ун-та. Серия «Журналистика», 1983, № 4. С. 3—13. Соавт. Иванова Р.А.

Первый большевистский сатирический журнал //

Распространение печати, 1983, № 5. С. 24–26.

Ленин называл ее «Московской правдой» // Распространение печати, 1983, № 4. С. 23–24.

Не архив – арсенал // Наш современник, 1983, № 6. С. 170–171.

Форпост ленинской партии / Рец. на кн. У истоков большевизма. Воспоминания, документы, материалы. 1894–1903 (Московский рабочий, 1983) // Новый мир, 1983, № 4. С. 256–258.

Опыт труда, опыт жизни // Московский университет, 1984, 1 марта.

Пролог Великого Октября. К 80-летию первой российской революции // Пресс-бюро «Правды». Бюллетень для краевых и областных газет, 1985, № 1,9 января.

Двенадцать дней декабря. Свидетельства газет, исследователей, участников и очевидцев овеянных славой событий восьмидесятилетней давности с комментариями доктора исторических наук, профессора И. Кузнецова // Пресс-бюро «Правды». Бюллетень для краевых и областных газет, 1985, № 38, 23 ноября.

Родники памяти // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ, 1985, 10 мая.

Журнал «Трезвость и культура» // Труд, 1985, 15 июня.

Журналистика в годы Великой Отечественной войны // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика», 1985, № 6. С. 3—10. В соавторстве с Р.А. Ивановой.

Советская журналистика – 1986 // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика», 1987, № 6. С. 3—10.

Учитель, коллега, друг // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики, 1990, 21 ноября.

И песни, и капустники, и свадьбы // Журналист. Учеб. газ. фак. журналистики МГУ, 1997, 4 мая.

От Декрета до первого Закона о печати // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика», 2001, № 3. С. 60–66.

В дни свободы печати // Вест. Моск. ун-та. Серия «Журналистика», 2003, № 1. С. 17–28. Соавт. Минаева О.Д

Не только силой оружия // Вест. Моск. ун-та, 2005, № 6. С. 9—19.

notes

Примечания

1

Вестник Московского университета. 1952. № 12. С. 152.

2

См.: Военный университет. – М., 2004. С.14.

3

О партийной и советской печати / Сб. документов. М.: Правда, 1954. С. 211.

Там же. С. 240.

Там же. С. 248.

6

См. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, ед. хр. 853, л. 9.

Смоляков М. Школа РОСТА // Журналист. 1967. № 11.

8

См. *Привалов В.З.* От «школы журнализма» до факультета журналистики // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10. 1982. № 1.

9

«Первый университет», 2 октября 1929 г. Редактировал газету в это время будущий ректор МГУ И.Д. Удальцов, заведовавший в 1924 г. учебной частью ГИЖа.

Варфоломеева Е. Против недооценки учебы // Большевистская печать. 1935. № 4. С. 38.

11

Новицкий К. Государственный Институт Журналистики: Краткий исторический очерк. М., 1924. С.12.

12

Государственный институт журналистики: Отчет о деятельности за 1922–1924 гг. М., 1924. С. 38.

13

Свитич Л.Г., Ширяева АЛ. Журналистское образование: Взгляд социолога. М., 1997. С. 10–11.

14

Правила приема в ГИЖ // Журналист. 1925. № 8–9. С. 76.

15

Государственный институт журналистики: Отчет о деятельности за 1922–1924 гг. М., 1924. С. 147.

16

Там же.

17

Там же. С. 149.

18

Таловов В.П. Журналистское образование в СССР. Л., 1990. С. 32.

Журналист. 1973. № 11. С. 52.

См.: *Худяков ЕЛ.* Университетское образование журналистов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Историко-филологическая. 1959. № 1.

21

О партийной и советской печати: Сб. док. М., 1954. С. 402.

Талонов В.П. Журналистское образование в СССР. Л., 1990. С. 39.

23

Там же. С. 49.

Там же. С. 51.

25

Соловей В.Д. Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20-е—30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 2. С. 87–98.

Козлова Л.А. Институт красной профессуры (1921–1938 годы). См.: http://knowledge.isras.ru

См.: Партийная и советская печать в борьбе за построение социализма и коммунизма. М., 1966. С. 9.

28

См.: Список советских газет, издаваемых в Московской области // ЦГАОР, ф. 303, оп. 4, ед. хр. 99, л. 88–89. В состав Московской области входили Московская, Владимирская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курская, Нижегородская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская губернии. КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987. С. 184.

КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987. С. 184.

О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. М., 1972. С. 87.

31

См.: *Брыляков НА.* Российское телеграфное… М., 1976. С. 40.

32

См.: Красная печать. 1924. № 4. С. 2.

33

См.: Журналист. 1923. № 4. С. 58.

34

См. там же.

Литовский О. Так и было. М., 1958. С. 5.

36

Солдаты слова. Рассказывают ветераны советской журналистики. Кн. 4. М., 1983. С. *55*.

37

В настоящее время этот город относится к Псковской области.

См.: *Усас-Водкин СМ.* Мужицкая газета. Л., 1926. С. 29.

Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 407.

40

КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. С. 257.

41

См.: *Веритэ И.Г., Литвин А.Б.* Печать СССР в первой пятилетке. М., 1933. С. 12.

42

См.: КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. С. 280.

43

В 1933–1934 гг. журнал назывался «Районная и политотдельская печать», в 1935–1941 гг. – «В помощь районной газете».

44

О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. С. 209.

45

См., например: *Бунин И.Л.* Миссия русской эмиграции // Руль. Париж. 1924, 3 апреля.

См.: *Раев М.И.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С. 16–17.

47

Энесы – народные социалисты, объединялись в трудовую народно-социалистическую партию (ТНСП), официально заявившую о себе в 1906 г., в 1920 г. в Париже был образован заграничный комитет партии.

Русская мысль. 1923—24. № 9—12. С. 484.

49

Там же. С. 518.

Руль. 1920. 16 ноября.

51

Симонов К. Из записей об И.А. Бунине. Собр. соч.: В 10 т. М., 1985. Т. 10. С. 359.

52

Лоло (Мунштейн Леонид Григорьевич, 1866–1947) – поэт, фельетонист, драматург, переводчик, издатель, театральный деятель.

53

Последние новости. 1920. 13 мая.

Последние новости. 1923. 1 апр.

55

Последние новости. 1923. 28 апр.

Последние новости. 1923. 12 апр.

Кускова Е. Мартов-Цедербаум // Последние новости. 1923. 12 апр.

Бальмонт К. О кровавых лгунах // Революционная Россия. 1921. Май. № 8.

Революционная Россия. 1921. Апр. № 6.

Революционная Россия. 1921. № 9.

61

Революционная Россия. 1921. Июль. № 10.

Грозное предупреждение // Социалистический вестник. 1921. 18 марта. № 4.

Социалистический вестник. 1921. 18 марта. № 4.

Дан *Ф.Л.* Мартов // Социалистический вестник. 1923. 2 апр.

Социалистический вестник. 1924. 25 янв.

Социалистический вестник. 1923. 16 марта.

67

См.: *Устрялов Н.В.* В борьбе за Россию // Сб. ст. Харбин, 1920. С. 1.

Смена вех. 1921. № 1. 29 окт.

Современные записки. 1933. № 51. С. 450.

Современные записки. 1933. № 51. С. 450.

Современные записки. 1920. № 1. С. 206.

Алданов М. О положении эмигрантской литературы // Современные записки. 1936. № 61. С. 402.

73

Волкогонов Д.А. Троцкий. Политический портрет: В 2 кн. Кн. 2. М., 1992. С. 140–141.

Последние новости. 1929. 3 марта.

75

«Новый путь» – ежемесячный журнал (1903–1904), орган Религиозно-философских собраний (Петербург). С октября 1904 г. выходил под редакцией Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова. С января 1905 г. его новая редакция издавала журнал «Вопросы жизни», явившийся фактическим преемником «Нового пути».

Духовные задачи русской эмиграции // Путь. 1925. № 1.

Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь»: К десятилетию «Пути» // Путь. 1935. № 49. С. 20.

78

«Новая Россия» – двухнедельный журнал, выходил в Париже с 1936 по 1940 г. (всего 84 номера). Редактор – А.Ф. Керенский.

Бердяев Н.А. Существует ли в православии свобода мысли и совести? // Путь. 1939. № 59. С. 48.

Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь»: К десятилетию «Пути» // Путь. 1935. № 49. С. 20.

81

Журнал выходил под разными названиями: в 1925–1927 – Вестник рус. студенческого христианского движения в Зап. Европе; в 1928–1929 – Вестник. Орган рус. студенческого христианского движения; в 1930–1936 – Вестник рус. студенческого христианского движения; в 1937–1939 – Вестник. Орган церковно-обществ. жизни; в 1945–1947 – Вестник церковной жизни; в 1949 – Вестник. Орган рус. студенческого христианского движения в Германии (выходил в Германии); в 1950–1990 – Вестник рус. студенческого христианского движения во Франции, с 1990 и по наст. вр. – Вестник рус. христианского движения.

Волковский Н.Л. История информационных войн. СПб., 2003. Ч. 2. С. 203.

83

Речь. 1943. 16 мая.

Смоленский вестник. 1941. 8 ноября.

85

Симонов Константин. Каждый день длинный. Из военных дневников 1941–1945 годов. М., 1965. С. 68.

Там же. С. 69.

Там же.

88

Речь. 1942. 29 ноября.

89

Речь. 1942. 2 декабря.

Там же.

91

Речь. 1943. 21 февраля.

92

Там же.

93

Речь. 1942. 18 октября.

94

Речь. 1943. 9 июля.

95

За свободу. 1943. 11 мая.

96

Новая жизнь. 1943. 10 июля.

97

Доброволец. 1943. 6 июля.

98

Жало. 1943. 17 января.

ПА ИИП при ЦК КПБ, Ф. 4, Оп. 33а, Д. 524, Л. 160.

Волховский Н.Л. История информационных войн. СПб., 2003. Ч. 2. С. 395.

Бурцев М.И. Прозрение. М., 1981. С. 74.

102

Симонов К., Эренбург И. В одной газете. Репортажи и статьи. 1941–1945. М., 1979. С. 17.

103

Писатели в Отечественной войне. 1941–1945 гг. Письма читателей. М., 1946. С. 19.

Толстой А. Военная публицистика. М., 1984. С. 6.

105

Тихонов Н. Сила России. Военная публицистика. М., 1977. С. 6.

106

Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 695.

107

Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 696.

Там же. С. 697.

109

Сосновский Л. Дела и люди. Кн. третья. «Люди нашего времени». М., 1927. С. 105.

110

Правда. 1921. 7 декабря.

111

Правда. 1919. 11 февраля.

112

См.: Правда. 1922. 9 ноября.

Сосновский Л.С. Советская новь. М., 1925. С. 6.

Сосновский Л.С. Советская новь. М., 1925. С. 6.

115

Правда. 1924. 2 марта.

116

Правда. 1921. 29 мая.

117

Правда. 1920. 14 ноября.

118

Правда. 1923. 8 декабря.

119

Правда. 1923. 22 апреля.

120

Там же.

121

Сосновский Л. О культуре и мещанстве. Л., 1926. С. 26. Статья А. Аграновского «Две ошибки Сосновского (Обед или галстук? Западно-европейский коммунизм), как и статья Л. Сосновского «О культуре и мещанстве» были помещены в начале брошюры.

Там же. С. 27–28.

123

Там же. С. 106

Там же. С. 107.

125

Там же. С. 76–77.

126

Правда. 1921. 20 ноября.

127

Там же.

Сосновский Л. Дела и люди. Кн. первая. «Рассея». М.; Л., 1925. С. 335.

129

Там лее.

130

Правда. 1920. 24 октября.

131

Правда. 1922. 22 ноября.

Сосновский Л. Дымовка. М., 1924. С. 6–7.

133

Сосновский Л. Дела и люди. Кн. третья. Люди нашего времени. М., 1927. С. 4.

134

Правда. 1926. 17 марта.